

К. Д. Петришин

ЗАГОВОР ЖРЕЦОВ

Константин Петришин

Заговор жрецов

«Издательские решения»

Петришин К.

Заговор жрецов / К. Петришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934315-4

Автор исторического романа рассказывает о последних тринадцати годах правления династии Романовых. В романе показаны две России: одна воевала на фронте, другая изо всех сил в это время старалась избавиться от Романовых. Впечатляют страницы описания отречения Николая II от престола в начале марта 1917 года под давлением тех, кто еще вчера был опорой государя. Заговор жрецов состоялся.

ISBN 978-5-44-934315-4

© Петришин К.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	7
Глава I	7
1	7
2	11
3	17
4	21
5	23
6	27
7	28
8	30
9	32
Глава II	36
1	36
2	38
3	40
4	42
5	46
6	47
7	49
8	51
9	53
10	56
11	57
Глава III	63
1	63
2	67
3	69
4	71
5	73
6	76
7	79
8	81
9	84
10	87
Глава IV	90
1	90
2	92
3	95
4	97
5	100
6	102
7	104
8	105
Глава V	111
1	111
2	114

3	116
4	119
5	121
6	123
7	126
8	129
9	131
10	134
Глава VI	137
1	137
2	141
3	143
4	146
5	148
6	151
7	153
8	158
Глава VII	161
1	161
2	164
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Заговор жрецов

Константин Петришин

© Константин Петришин, 2018

ISBN 978-5-4493-4315-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава I

1

Николай II проснулся в холодном поту. За тяжелыми шторами его спальни белесый рассвет только начинал просачиваться через серую пелену уходящей северной ночи. Ему снова привиделся ужасающий сон. Он повторялся из года в год и становился жутким кошмаром на несколько дней.

Николай II осторожно дотронулся до темени и ощутил кончиками пальцев давнишний шрам от удара сабли японского полицейского Сандзо-Цуда...

«Господи, – подумал Николай, – сколько же это будет продолжаться?»

Он откинулся на горячую влажную подушку и застонал так, словно этот ошеломляющий удар был нанесен ему только что.

Услужливая память в который уже раз воскресила картину того события.

...Окончив курсы обучения при Дворе под неусыпным оком генерала Даниловича, он, двадцатидвухлетний Наследник русского престола, был отправлен отцом, Александром III, в большое морское путешествие, которое началось в октябре 1890 года с кронштадтского рейда.

В его распоряжение Александр III выделил крейсер «Память Азова».

Руководителем морского похода Александр III назначил князя Ухтомского.

Сопровождающих юный Николай выбрал себе сам. Его компанию составляли греческий наследный принц Георг и молодые князья Оболенский, Кочубей и Волков.

Принц Георг сразу стал душой компании. Неутомимый и темпераментный, он не отходил от Николая ни на шаг – ни во время пирушек на крейсере, ни на приемах в портовых городах, когда Николаю удавалось скрыться от вездесущих глаз князя Ухтомского с какой-нибудь знатной девицей.

В полдень 23 апреля 1891 года крейсер «Память Азова» вошел в гавань японского города Отсу.

Через час после швартовки Николай в сопровождении друзей сошел на берег. Им подали коляски дженрикиши, и длинная кавалькада Наследника российского престола двинулась к центру города по узенькой улице, по обеим сторонам которой стояли сплошные цепи полицейских.

Все произошло неожиданно и нелепо. Николай не успел даже испугаться.

Из цепи полицейских выбежал шупленький японец, выхватил из ножен саблю и наотмашь ударил Николая по голове.

Удар сабли пришелся вскользь. От второго и, наверняка, смертельного удара Николая спас принц Георг. Он сбил нападающего с ног и вырвал у него из рук саблю.

Князь Ухтомский, не спрашивая согласия Николая, приказал кавалькаде возвращаться на корабль. На исходе второго дня крейсер «Память Азова» под эскортом броненосной эскадры, вызванной из Владивостока, отбыл домой.

...Николай II смежил веки, пытаясь снова уснуть, но не смог. Мучительные мысли назойливо напоздали одна на другую, усугубляя и без того тяжелое настроение, охватившее все его существо. Какое-то время он боролся с ними, пытаясь отогнать прочь, но они давили на мозг, заставляя сердце учащенно биться.

Временами Николаю II казалось, что у него вот-вот остановится дыхание, и тогда он в ужасе открывал глаза.

Удар японской сабли оставил шрам не только на темени, но и в душе Николая II. Это стало особенно заметно всем, когда он вступал на престол. Император не скрывал своей ненависти к японцам, считая их самой нечестной нацией, которую можно уничтожить одним щелчком.

Поддерживал Николая II и его кузен германский кайзер Вильгельм.

Однако Николай II знал, что тот же Вильгельм через германского посла в Токио настойчиво не раз убеждал японцев в слабости «русского колосса на глиняных ногах» и обещал им в случае конфликта с Россией всестороннюю помощь.

Кайзер Вильгельм явно вел двойную игру. Его целью было отбросить Россию с Дальнего Востока до Урала. Если не удастся до Урала, то хотя бы – до Байкала. В худшем случае до Читы. А затем продиктовать России свои условия, которые бы способствовали гегемонии Германии в Европе. В этом Николай II был убежден.

Недавний приезд кайзера Вильгельма в Петергоф, прогулки с ним в шарабане по парку и доверительные беседы еще более укрепили мысль о том, что Вильгельму нельзя доверять.

...Николай II повернул голову к окну. Через слегка раздвинутые шторы просматривался краешек неба, похожий на раскаленную полоску металла, окутанного прозрачно-нежной голубоватой дымкой.

Он, не вставая с постели, мельком перекрестился и только после этого опустил ноги на пол. Надел халат, ощутив на мгновение на своем теле легкий холодок китайского шелка. И снова невольно его мысли вернулись к последней встрече с Вильгельмом. Во время прогулки Вильгельм заявил о желании Германии занять китайский порт Циндао.

Николай II ответил, что он не видит в этом угрозы для России. И тут же спросил, а зачем это Германии?

Вильгельм долго и путано говорил о жизненных интересах германской нации на Дальнем Востоке, но на вопрос Николая так и не ответил.

Тем не менее, уже через неделю в японских газетах появились сообщения о том, что Россия предложила Германии совместно двигаться в глубь Китая. За Циндао, писали газеты, будут сделаны следующие шаги по вытеснению Японии из Китая.

Царский двор расценил такое поведение Вильгельма предательством.

Министр иностранных дел России граф Ламсдорф напомнил Николаю, что теперь надо ждать резкого ухудшения отношений с токийским Правительством. Так оно и произошло...

Размышляя, Николай II подошел к окну. Некоторое время стоял, наблюдая, как разгоралась заря, постепенно заполняя весь видимый горизонт всполохами, похожими на размазанные пятна крови, и вызывая у него в душе смутно-тревожное чувство. Он уже знал, откуда оно идет.

...На 13 день после его коронации, на Ходынском поле к 6 часам утра собралась огромная толпа московского люда в ожидании гостинцев от прибывшего в Москву государя.

Неожиданно откуда-то пополз слух, что гостинцев не будет, да и самого государя уже нет в Москве.

Толпа зароптала и угрожающе задвигалась. Ропот стал переходить в гул тысяч недовольных голосов. Беспокорство росло с каждой минутой. В разных концах слышались резкие выкрики и матерная брань.

Прошло еще какое-то время, и снова по толпе полетел слух: гостинцы раздадут у собора Василия Блаженного. Толпа ахнула и стала разваливаться на части. Кто-то старался выбраться из нее. Беспокорство, охватившее людей, сливалось с животным страхом быть раздавленными. Кто-то крикнул: «Айда к Василию Блаженному!» И толпа двинулась к собору Василия Блаженного, уже не чувствуя, что спотыкается о чьи-то тела и скользит по крови...

Когда на следующий день Николаю II доложили, что было растоптано более тысячи человек, он пришел в ужас. Сколько было с увечьями, никто не знал.

Его восхождение на престол стало по воле божьей омыто кровью...

С той минуты в сердце Николая затаился страх. Он был уверен, что божья кара постигла его за послушание родителя.

...Александр III предложил ему в жены принцессу Орлеанскую из семьи претендентов на французский престол. Однако Николай послушался отца и женился на немецкой принцессе Алисе Гессенской, младшей сестре великой княгини Елизаветы Федоровны.

После бракосочетания с Алисой Гессенской Николай почти не встречался с отцом.

Александр III тяжело переживал послушание Наследника. Он часто и много времени проводил в Крыму. И умер неожиданно для всех, не дожив и до пятидесяти лет.

Николай II, словно очнувшись, почти испуганным движением отодвинул тяжелую штору.

В спальню хлынул утренний свет. Николай II вдруг вспомнил, что на завтра, вопреки его желания, была намечена поездка в Германию в Дармштадт. Настояла на поездке императрица. В Дармштадт их пригласил герцог Эрнст Людвиг Гессенский, родственник жены и друг кайзера Вильгельма.

Николай II взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти восемь. После завтрака у него была встреча с министром иностранных дел графом Ламсдорфом.

Николай слегка недолюбливал Ламсдорфа за его лояльное отношение к Японии и равнодушию, которое министр проявлял к политике Николая в Азии.

Однажды в беседе с Ламсдорфом Николай II не сдержался и сказал: «...Вы постоянно утверждаете, что понимаете позицию токийского Правительства и его стремление обеспечить будущее Японии за счет главенства на морях. Я был бы рад, граф, если бы вы также понимали, что будущее России может быть обеспечено за счет нашего главенства в Азии. Россия окажется тупиковой державой, если у нас не будет выхода на Восток!»

На этот раз с министром дипломатического ведомства Николай хотел обговорить состав своей свиты, которая будет сопровождать его в поездке в Германию. Список лиц Ламсдорф должен был подготовить вместе с министром Двора Фредериксом.

Императрица Александра Федоровна свиту себе подобрала сама. Николай вдруг вспомнил, что ему еще необходимо не забыть выслушать мнение Ламсдорфа по поводу поступившей вчера информации из Токио от посланника барона Розена.

Ламсдорф появился в кабинете Николая II, как всегда, минута в минуту. Его взгляд привычно скользнул по столу императора и только после этого остановился на Николае II.

Кивнув головой в ответ на приветствие графа, Николай II размеренным неторопливым шагом прошел от стола к окну, стоя осведомился о составе своей свиты. Затем напомнил.

– ...Я надеюсь, граф, вы учли, что во время нашего пребывания в Дармштадте мы не должны упускать из поля нашего зрения все, что происходит на другом конце России.

Ламсдорф, стараясь смотреть прямо в голодные серые глаза Николая II, ответил:

– Ваше императорское величество, что касается Дальнего Востока, учтено все. Но меня волнует информация, поступившая от министра Двора вашего величества – Фредерикса. Он утверждает, что замок герцога Гессенского кишит шпионами кайзера Вильгельма...

Николай II удивленно приподнял брови, и по его тонким губам скользнула усмешка.

– Полагаю, министр нашего Двора преувеличивает, утверждая, что герцог Гессенский и Вильгельм действуют заодно. Хотя... все может быть. Я не стану возражать, если в замке герцога будет достаточно и наших глаз. И ушей, – добавил Николай II и предложил: – Давайте лучше, граф, вернемся к нашим дальневосточным проблемам. Я бы не хотел, чтобы наше временное отсутствие в России отодвинуло на задний план азиатские проблемы. Ибо азиатская политика – главная задача нашего правления и сегодня, и в будущем, – Николай II умолк и только спустя минуту, которая показалась Ламсдорфу долгой и угрожающей, продолжил. –

Командующий войсками на Ляодунском полуострове еще в прошлом году предлагал увеличить количество наших частей на Ляодуне. Я давал по этому поводу соответствующие распоряжения. Однако у меня складывается мнение, что мы не усиливаем, а сворачиваем свое присутствие в этом стратегически важном для России районе.

Он хотел было сказать: «Не без вашей помощи, граф», но сдержался. Николая II крайне раздражало непонимание его политики по обузданию Японии, которое царило в русском обществе. И в этом, считал Николай II, прежде всего, была вина министерства иностранных дел.

Ламсдорф догадался, о чем хотел сказать император. Он был достаточно проницателен и хорошо изучил Николая II, его манеру говорить и не договаривать.

– Я разделяю вашу тревогу, ваше величество, – покорно ответил Ламсдорф. – Решительные шаги в Азии нам не помешают, но, по возможности, мы должны избежать прямого столкновения с Японией...

– Как вы себе это представляете? – прервал Ламсдорфа Николай II. – Вы, надеюсь, помните, что сообщил нам барон Розен? Япония уже сегодня готова захватить Корею, с которой нас связывают дружеские отношения! Наш посланник Лессар тоже самое передает и из Пекина! Более того, Китай, в свою очередь, поощряет тихую колонизацию японцами Манчжурии! А вы, граф, говорите мне постоянно о какой-то осторожности!

– Прошу прощения, ваше величество. Я предлагаю избежать военного столкновения в силу того, что мы к этому не готовы. К сожалению, – добавил Ламсдорф. Он произнес эти слова ровным, спокойным голосом, давая понять Николаю, что не обижен на него за резкость.

– Можете не извиняться, – примирительно отозвался Николай II. – Я знаю об этом... И я бы с вами, граф, согласился, если бы вы доказали мне, что при нашем военном и политическом бездействии на Дальнем Востоке Япония не попытается захватить по очереди Корею, Порт Артур, Манчжурию, Приморскую область и Приамурский край. И, таким образом, не изолируют Россию на Востоке.

Николай II умолк, словно давал графу Ламсдорфу время на обдумывание своего предложения. По крайней мере, Ламсдорфу так показалось.

– Я не могу этого сделать, ваше величество, – произнес Ламсдорф, выдержав взгляд Николая II. – Сегодня очень многое зависит и от наших европейских союзников. А они ведут себя самым недостойным образом. Нам известно, что германский поверенный в делах в Лондоне граф Бернсторф неоднократно убеждал японцев действовать против нас решительно, не ожидая, когда Россия нарастит на Дальнем Востоке достаточные военные силы.

На днях Правительство Франции заявило, что француско-русский союз относится исключительно к европейским делам. Англичане открыто договариваются с Токийским Правительством о взаимной помощи в случае конфликта с Россией. На стороне Японии и американцы.

Ламсдорф посмотрел на императора и решил больше не говорить. Лицо Николая II стало непроницаемо-каменным. Это был первый признак его крайнего раздражения.

Тем не менее, несмотря на сложность в отношениях с государем, Ламсдорф был уверен – в своей жизни он не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай.

После слов Ламсдорфа возникла длинная пауза.

Николай II прошел по кабинету, взял в руки какие-то бумаги со стола и снова положил их на место. И только после этого заговорил.

– Мы не имеем право на уход с Дальнего Востока. Этого нам не простят внуки и правнуки. Россия сама наполовину азиатская страна и наше место в Азии оправдано исторически. Здесь, по велению господ-бога, все складывается в нашу пользу. Тридцать лет гражданской войны в Китае привели эту огромную империю к развалу. Все идет к тому: или Россия займет в Азии достойное место, или Япония. Токио пойдет на все. Мы не имеем права забывать октябрь

1895 года, когда токийское Правительство подготовило кровавый бунт в Сеуле, вследствие которого была убита королева. И только благодаря нашему вмешательству и мужеству наших моряков бунт был подавлен!..

Ламсдорф опасался, что император сорвется и тогда встреча будет отложена, но Николай II прервал этот разговор так же неожиданно, как и начал.

– Ваше величество, – поспешно, но осторожно начал Ламсдорф. – Вы правы. Но от России сегодня, как никогда, требуются выдержка и осторожность. Тем более сейчас, когда и в самой России появились некоторые сложности...

Николай II метнул в сторону Ламсдорфа настороженно-вопрошающий взгляд. Он понял, о чем говорит министр. В начале апреля в канун Пасхи в Кишиневе случился еврейский погром. Было убито и ранено более сотни евреев, разгромлены и сожжены их дома и магазины. Ответом на погром стал поток денег из-за границы в кассы революционной еврейской организации «Бунда».

Не успели забыться кишиневские события, как 6 мая был убит Уфимский губернатор Богданович при участии еврея Азефа, осведомителя охранки. В июне и июле вспыхнули рабочие беспорядки в Киеве и Одессе. В сентябре забастовали рабочие Гомеля.

– Осторожность – это удел не только мудрецов, но и трусов! – резко отреагировал Николай II. – О какой осторожности, граф, может идти речь, когда Япония практически уже закончила строить военный флот в Англии!

Николай II взглянул на часы, стоящие в дальнем углу кабинета. Время, отведенное на прием графа Ламсдорфа, заканчивалось.

– Можете быть свободными, граф, – обронил он и, повернувшись к Ламсдорфу спиной, направился к рабочему столу.

2

...Уступая желанию императрицы Александры Федоровны ехать в Дармштадт в самый неподходящий момент, Николай II делал это вопреки своей воли. Он презирал Европу, в том числе и Германию. Ему казалось, что Европа давно и неизлечимо больна революциями и вольнодумщиной.

Николай II был уверен: монархия это идеал правления во все времена.

И когда речь заходила о будущем России, он говорил без тени сомнения: «Россия не создана ни для демократии, ни для социализма. В основе ее существования нашими великими предками заложен патриархальный уклад жизни. И он не зыблем!»

Европейские парламенты Николай II расценивал, как великую ложь времени. Он часто напоминал всем об издателе Победоносцеве, который в своем «Московском сборнике», выпущенном в начале 1903 года, писал, что в парламентских государствах царят безответственность, произвол и безнаказанность.

Парадокс парламентского правления, по мнению Николая, заключался в том, что на выборах происходит отбор не лучших, а честолюбивых и нахальных.

Все эти мысли не покидали Николая II пока его литературный поезд двигался по российским землям, скудно поросшим перелесками и ютившимися подле них черными деревеньками.

Эта печальная картина еще больше усугубляла настроение императора.

Глядя в вагонное окно, Николай II, вдруг, вспомнил слова своего отца Александра III, который не раз повторял: «Есть в каждом человеке непреодолимая сила инерции. Ею, как судно балластом, держится мир. Не будь этой инерции и мир опрокинется. И потому нельзя допускать, чтобы какой-нибудь уличный проходимец, социалист, ростовщик или жид мог безнаказанно заниматься в России преступной политической деятельностью, которая могла бы принести вред российскому укладу жизни».

«Как он был прав, – подумал Николай II. – И удастся ли мне пройти мой путь, как прошел он свой?..»

На короткой остановке в Киеве в вагон Николая II вошел министр военного ведомства генерал-адъютант Куропаткин и подал телеграмму от Плеве.

Ссылаясь на доклад директора департамента общих дел Штнормера, Плеве сообщал, что в Тверском земстве назревает бунт. Земство требует участия своих представителей в делах внутреннего управления страной. Подобные настроения, сообщал Плеве, наметились и в других земствах.

Молча прочитав телеграмму, Николай II положил ее на стол и поднял глаза на генерала Куропаткина.

– Передайте Фредериксу мою просьбу. Пусть немедленно подготовит ответ на имя министра внутренних дел. От чрезвычайных мер воздержаться... – государь помолчал и добавил: – Пока. Но, тем не менее, необходимо дать понять всем, что я, посвящая все свои силы благу народа, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неустанно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель!

...В Варшаве поезд императора стоял около часа. Церемония его встречи польскими властями утомила Николая II, и он с нетерпением ждал, когда все закончится. Даже с облегчением вздохнул, почувствовав легкий рывок и движение поезда.

Он попросил Фредерикса принести ему последние информации, поступившие утром из Петербурга, Харбина и Порт-Артура. Потом добавил:

– Уточните, пожалуйста, время прибытия нашего поезда в Берлин. И еще. Сообщите о времени нашего прибытия герцогу Людвигу Гессенскому.

...Старинный замок герцога Гессенского, выстроенный в средневековом стиле, показался Николаю II мрачным и неприветливым, и напоминал серую глыбу, окаймленную таким же мрачным садом.

Однако апартаменты, отведенные для него и супруги на втором этаже, ему понравились.

Утром следующего дня министр Двора Фредерикс доложил, что в каминном зале ждет приема герцог Гессенский.

– Передайте герцогу – я скоро буду, – коротко обронил Николай II.

Фредерикс поклонился и молча вышел.

Государь еще некоторое время оставался один, обдумывая, о чем говорить с герцогом Гессенским. Но так и не придумал.

В каминный зал Николай II спустился через полчаса. Он не считал родственников императрицы своими родственниками. Однако отказать герцогу он не мог. Александра Федоровна души не чаяла в герцоге Людвиге и считала его самым образованным и умным из всего старинного герцогского рода Гессенских.

При появлении Николая II герцог встал и пошел ему навстречу, широко улыбаясь, и приветствуя по-французски:

– Я рад вашему приезду! – проговорил герцог. – Для меня это большая честь, ваше императорское величество...

Николай II поднял руки так, словно хотел защититься от лстивых слов.

– Это я должен благодарить вас, герцог, за столь великодушный прием и внимание ко мне. Я надеюсь, мы будем добропорядочными гостями и не заставим вас ждать нашего отъезда, – усмехнувшись, добавил Николай II.

На что герцог Гессенский искренне запротестовал:

– Что вы, ваше величество! Вы и императрица для нас самые почетные гости! Поэтому, с вашего позволения, сегодня я приглашаю вас с императрицей на торжественный ужин в честь вашего прибытия в Дармштадт.

Николай II неожиданно для себя почувствовал, что тронут этим приглашением. Хотя тут же подумал: «Немцы ничего просто так не делают...»

– Благодарю вас, герцог, – ответил он. – Мы обязательно будем.

И удалился в свои покои. Затем попросил прислать к нему министра Двора графа Фредерикса.

Когда тот вошел, сказал:

– Сегодня во дворце будет торжественный ужин. Надо позаботиться о том, чтобы наши апартаменты находились под усиленной охраной. Уточните, кто будет приглашен. И прикажите особенно следить за прислугой во дворце. У меня складывается такое впечатление, что прислуги здесь в два раза больше, чем надо...

– Все будет сделано, ваше величество, – ответил Фредерикс, слегка поклонившись. – Меры предосторожности уже принимаются. Однако у меня вызывает тревогу размещение наших шифровальщиков в совершенно непригодном для их работы помещении...

– О шифровальщиках не беспокойтесь, – прервал Фредерикса Николай II. – За их безопасность отвечает генерал-адъютант Куропаткин.

Фредерикс хотел было напомнить, что и он отвечает за работу шифровальщиков, но не стал. Тон, каким были произнесены последние слова императором, заставил его промолчать.

Наверное, и Николай II догадался, что ответил Фредериксу слишком резко и потому уже мягче добавил:

– Я обращаю внимание генерала Куропаткина на условия нахождения наших шифровальщиков. Не волнуйтесь...

К концу недели в Дармштадт приехал министр иностранных дел граф Ламсдорф. Он остался в Петербурге в связи с переговорами с японским послом.

Фредерикс встретился с Ламсдорфом буквально за несколько минут до назначенного государем времени для приема.

Ламсдорф был возбужден и не скрывал этого.

– ...У меня есть сведения, – сказал он Фредериксу, – что немецкие дешифровальщики перехватывают шифровки, отправляемые отсюда в Россию. Они расшифровывают их и кладут на стол кайзеру Вильгельму.

– Этого не может быть! – возразил ошеломленный Фредерикс, понимая в то же время, что Ламсдорф просто так говорить не станет.

В ответ Ламсдорф насмешливо посмотрел на Фредерикса.

– У нас, батенька мой, все может быть! – сказал он, подражая старому генералу Даниловичу, воспитавшему Николая II.

Фредерикс с сожалением развел руками и сокрушенно вздохнул.

– О возможной утечке информации из замка я уже доложил императору... – сказал он.

– Ну и что? – спросил Ламсдорф, не скрывая своего любопытства.

– Император считает, что за работу шифровальщиков и их безопасность должен отвечать министр военного ведомства генерал Куропаткин.

Ламсдорф опустил в кресло и тихо произнес:

– Боже мой!.. Все, что здесь происходит, похоже на табор, который мимоходом разместился в замке герцога Гессенского.

Прием императором Ламсдорфа длился не долго. Когда Ламсдорф вышел из кабинета Николая II, Фредерикс, дожидавшийся его в приемной, поинтересовался:

– Как прошел прием, граф?

– Как всегда... – уклончиво ответил Ламсдорф.

Фредерикс понял, министр иностранных дел не хочет говорить на эту тему. И, тем не менее, Фредерикс, рискуя быть не понятым, задал еще один вопрос.

– Вы говорили с императором об утечке информации из замка герцога?

– Говорили, но его величество, похоже, не очень верит в такую возможность, – ответил Ламсдорф.

– Что будем делать?

– Ничего.

Ламсдорф попрощался и пошел к выходу. У самой двери он все же остановился и, повернувшись к Фредериксу, спросил:

– А вы говорили об этом с генерал-адъютантом Куропаткиным?

– Нет.

– Ну и не надо.

...В этот же день за столом во время ужина, на который был приглашен герцог Гессенский с супругой, Николай II, вдруг, заговорил о преимуществах монархического правления в России по сравнению с европейскими парламентами. И хотя говорил он внешне спокойно, все почувствовали скрытое внутреннее волнение, охватившее государя.

Фредерикс внимательно слушал, стараясь вникнуть в смысл каждого слова, сказанного Николаем II. И даже содрогнулся в душе, когда тот напомнил, что он родился в день святого Иова Многострадального и ему Всевышнем определена трудная ноша – до конца своих дней править монархической Россией.

– ...Я отвечаю перед Богом за судьбу своего народа и никто больше! – в заключение произнес государь. Он поднял бокал, повертел его на свету и добавил тихо, но его услышали все: – Я знаю, что думают обо мне министры. Они думают, что на меня нельзя положиться... Они ошибаются. Для меня дело превыше всего. И это дело – служение России.

Николай II обвел слегка прищуренным взглядом всех сидящих за столом.

Фредериксу стало даже не по себе, когда взгляд императора остановился на нем...

С генералом Куропаткиным Фредерикс встретился на следующий день утром во время прогулки по осенней аллее сада, расположенного за дворцом.

Генерал сам подошел к Фредериксу и с нескрываемой иронией спросил:

– Это с вашей подачи, милостивый сударь, император устроил мне допрос по поводу шифровальщиков?

– По поводу утечки информации, – поправил Куропаткина Фредерикс.

– Ну да, – согласился тот.

– Не думаю, что только с моей, – ответил Фредерикс, стараясь предугадать, чем закончится эта встреча.

Военное ведомство, в последнее время, все чаще подвергалось критике со стороны представителей царского Двора и столичных газетчиков. Фредерикс это хорошо знал. Однако генерал Куропаткин был непробиваем.

«Мне наплевать на то, что говорят в земствах, на балах, на студенческих сходках и в трактирах! – всем отвечал генерал Куропаткин. – О том, что мы не готовы к войне – это выдумка дураков и социалистов!»

Куропаткин снисходительно посмотрел на Фредерикса и чему-то усмехнулся.

– Ну хорошо. Я не собираюсь с вами ссориться, – примирительно продолжил Куропаткин. – Но я до сих пор не могу понять, зачем мы сюда приехали? У меня создается впечатление, что нас умышленно затащили в этот проклятый Дармштадт!..

– Вы, генерал, напрасно так думаете, – возразил Фредерикс. – Император знает, что делает...

– Дело не в императоре! Я говорю об императрице!.. – пояснил Куропаткин.

Разговор с генералом Куропаткиным был для Фредерикса небезопасным. Он, как министр Двора, прекрасно знал: государю рано или поздно становится известным все, о чем говорят при Дворе и о нем самом, и об императрице Александре Федоровне.

Куропаткин, наверное, почувствовал настроение Фредерикса и махнул рукой.

– Нам бы как можно скорее надо убираться из Германии. Не время сейчас развезжать по Европе.

Час спустя Фредерикса вызвал к себе Николай II. Вид у императора был мрачный.

У Фредерикса екнуло сердце. Первая мысль, которая мелькнула у него в голове: «Императору известно о его разговоре с генералом Куропаткиным!..»

Николай II тем временем прошел по кабинету, взял с рабочего стола лист бумаги и протянул его Фредериксу.

– Эту информацию мне передал только что директор департамента общих дел Штнормер. Он снова сообщает о бунте Тверского земства. Я просил Плеве разобраться с земствами!.. – Николай II умолк, стараясь взять себя в руки и успокоиться. Когда это ему удалось, продолжил: – Я не хочу идти на крайние меры, но это не означает, что земствам будет позволено бунтовать против монархических устоев!..

Фредерикс, внимательно слушая государя, всем своим видом старался показать, что он разделяет его гнев. Одновременно Фредерикс старался понять, что хочет от него и Николай II.

– ... Три года прошло с того дня, – продолжил государь, – когда я подписал Указ об отмене ссылки на поселение в Сибирь, исключая остров Сахалин. Я полагал, что ссылки достаточно хороши для Сибири. По всей видимости, мне придется отменить свой Указ. В последнее время появилось слишком много желающих переселиться в Сибирь! Я попрошу вас на конец дня подготовить совещание по вопросу земств. Список приглашенных вам дадут.

Фредерикс понял – это было то, ради чего вызвал его Николай II.

Вернувшись к себе, Фредерикс стал невольно перебирать в памяти все события последнего времени, которые каким-либо образом касались Двора его императорского величества. И пришел к выводу: в обществе росло непонимание политики Двора как внутри страны, так и за ее пределами.

Фредерикс был уверен – еврейские погромы, рабочие выступления в крупных городах, бунт земств, революционное брожение среди студенческой молодежи и появление различных кружков ничего доброго не сулят. «Понимает ли это император? – размышлял Фредерикс. И сам же себе отвечал: – Наверное, понимает... Но почему тогда делает вид, что ничего вокруг не происходит?.. Теперь ко всему этому добавилось осложнение отношений с Японией и Китаем, враждебность европейских стран...»

Но больше всего Фредерикс опасался недовольства в армии и особенно среди молодых офицеров, выходцев из разорившегося повсеместно дворянства. Об этом ему не раз говорили и Куропаткин, и Ламсдорф.

...Совещание по земствам Николай II неожиданно поручил провести Фредериксу. Сам же уехал с герцогом Гессенским кататься в коляске по парку.

Перед тем как сесть в коляску, император сказал провожающему его Фредериксу:

– Земские бунты мы не потерпим... Если понадобится – будем давить их нещадно!..

Сел в коляску и уехал.

Нежелание императора быть на совещании Фредерикса не удивило. Он даже обрадовался.

Отсутствие государя упрощало положение самого Фредерикса. Он понимал: волю императора будет исполнять не он, а Плеве...

Николай II вернулся в замок только к ужину не в лучшем настроении. Тут же стало известно, что он принял решение утром возвращаться в Россию.

«Значит, что-то в России происходит, – с тревогой подумал Фредерикс. – Иначе, отчего такая спешка...»

Фредерикс уже не один раз предлагал императору подготовить царский манифест, который бы определил будущее России и тем самым успокоил общественность, особенно ту ее часть, которая тяготила к европейским порядкам.

Но Николай II каждый раз отвергал предложение Фредерикса. В последний раз прямо сказал: «Самодержавные монархи не имеют права на изложение своих воззрений в пространственных суждениях. Они проповедают действиями».

После ужина к Фредериксу зашел генерал Куропаткин.

– С чем связан наш столь поспешный отъезд? – поинтересовался он. И тут же добавил: – Забавные мы люди... Пока не грянет гром – не перекрестимся...

– Это касается русского мужика.

– Какая разница!.. – возразил генерал Куропаткин. – Иногда полезно и у мужика кое-чему поучиться.

Фредерикс усмехнулся и внимательно посмотрел на мрачную фигуру военного министра.

– У вас плохие новости? – спросил Фредерикс, догадываясь, что генерал Куропаткин зашел к нему неспроста.

– А когда у нас были хорошие новости? – вопросом на вопрос ответил Куропаткин и продолжил: – Вчера наш посланник в Пекине Лессар передал шифровку, в которой сообщил, что японцы готовы вторгнуться в Манчжурию...

– Но мы же ведем с ними переговоры! – невозмутимо заметил Фредерикс.

– Плевали они на нас и наши переговоры! – и генерал Куропаткин выругался.

– Его величеству доложили об этом?

Фредерикс задал вопрос и тут же пожалел. Вникать в чужие дела было при Дворе занятием не безобидным.

Генерал Куропаткин ответил не сразу и как-то неопределенно.

– Мне думается, императору не до нас... У него появились осложнения с императрицей в связи с отъездом домой, – произнес он и, вдруг, сменил тему разговора. – Вы читали сегодня берлинские газеты? Нет? Тогда я вам скажу. Германский поверенный в делах в Лондоне Бернсторф заявил, будто Россия готовит нападение на Японию! И Япония, естественно, имеет право на защиту своих интересов на Дальнем Востоке!.. Чушь, если не провокация!..

В словах генерала Куропаткина Фредерикс услышал искреннее возмущение.

– Скорее всего это чья-то выдумка, Алексей Николаевич, – ответил Фредерикс. – Кайзер Вильгельм не из тех, кто намерен греть руки на послевоенных углях, которые останутся от России и Японии.

Генерал Куропаткин с удивлением посмотрел на министра Двора. Он, видимо, не ожидал от него такого ответа.

– Я сожалею, что вы так думаете, – сказал он. – И еще буду больше сожалеть, если так будет думать и государь.

Отъезд из Дармштадта был без прощальных церемоний и торжеств, как это случалось ранее.

Сначала из замка убыла императрица со своей свитой, которая в два раза превосходила свиту Николая II. За императрицей убыли военные во главе с генералом Куропаткиным.

Императору в этот день еще предстояла встреча с герцогом Гессенским. Кто был инициатором этой встречи, ни Фредерикс, ни кто-либо еще не знал. Не знали и о чем будет разговор.

С берлинского железнодорожного вокзала поезд Николая II отправился только во второй половине дня.

Ночью проехали Польшу, и уже на рассвете следующего дня литерный поезд императора пересек российскую границу.

После получасовой стоянки в Могилеве, прогулки императора по перрону и короткому приему могилевского губернатора поезд, набирая скорость, тронулся дальше, презрительно

отфыркиваясь на переездах, где по обе стороны железной дороги скапливался разноликий люд с телегами.

За всю дорогу Николай II только один раз пригласил к себе в вагон министра Двора Фредерикса и попросил подготовить список дипломатических представителей, которые будут приглашены на новогодний бал в Петергоф.

Фредерикс молча выслушал императора и, когда он закончил говорить, поинтересовался: – Я прошу прощения, ваше величество, но я хотел бы уточнить по поводу японского посла...

– Пригласите и его, – сказал император. – У нас есть с чем его поздравить!..

3

...На второй день по прибытии в Петергоф Николай II, сядя после обеда в прогулочную коляску, приказал Фредериксу:

– На семнадцать часов назначьте совещание в моем рабочем кабинете. Пригласите генерал-адъютанта Куропаткина, графа Ламсдорфа и нашего заместителя на Дальнем Востоке генерала Алексева. Он сегодня прибыл в Петербург, – добавил император. – И вы тоже сопричастны на совещании. Вам это будет полезно как министру Двора.

Фредерикс был осведомлен о приезде в столицу заместителя на Дальнем Востоке Алексева. Однако, что явилось причиной неожиданного появления заместителя в северной столице, он не знал.

Николай II поплотнее запахнул шинель и слегка поежился. Конец декабря выдался на редкость солнечным. Однако холодный и сырой воздух с Балтики делал погоду неудобной.

Фредерикс видел – император о чем-то еще думает и потому не приказывает трогаться с места.

– И еще... – наконец произнес Николай II. – Подготовьте к совещанию Указ о назначении генерал-адъютанта Куропаткина Главнокомандующим Маньчжурской армией.

...Совещание, назначенное императором на семнадцать часов, началось с небольшим опозданием. Николай II задерживался у императрицы.

Когда он появился, все с облегчением вздохнули.

Государь сел в кресло и сразу объявил:

– Времени у меня немного. Поэтому я хочу услышать от вас подробную и ясную информацию о нашем положении на Дальнем Востоке. Начнем с вас, Евгений Иванович, – обратился Николай II к заместителю и уточнил: – И давайте начнем с Квантунского укрепрайона.

Генерал Алексеев поднялся, поправил мундир, который, вдруг, показался ему тесным и неприятно упирался в подбородок. Покрутил головой. Это принесло ему облегчение.

– Ваше величество, Квантунский укрепрайон действительно заслуживает особого внимания, – озабоченным голосом начал Алексеев. – На сегодняшний день здесь расквартировано двадцать батальонов, шесть казачьих сотен и двадцать четыре полевых орудия. Силы явно недостаточные для ведения даже оборонительных боевых действий... – Алексеев на несколько секунд умолк и внимательно посмотрел на Николая II, словно хотел угадать его реакцию на сказанное. Однако император, подперев руками подбородок, спокойно и даже равнодушно, как показалось Алексееву, смотрел куда-то выше его головы. Алексеев сразу успокоился и продолжил: – Что касается крепости Порт-Артур... Здесь дополнительно размещено семь рот из состава 3-й и 7-й Восточносибирских бригад. На базе этих рот планируется формирование новых полков для 9-й Восточносибирской бригады. Со дня на день эти роты должны убыть к местам нового назначения...

Николай II одобрительно кивнул головой.

– Прекрасно, – произнес он. – А чем мы располагаем вне квантунского района?

– Ваше величество, к сожалению, и здесь войск недостаточно. Мы располагаем всего лишь семью батальонами, шестью казачьими сотнями и шестнадцатью полевыми орудиями. И все это размещено на значительном удалении одних войск от других в Шанхай-Гуане, Циньвандао и Пекине.

Император только теперь внимательно и даже пристально глянул на Алексеева. Это заметили и граф Ламсдорф, и генерал Куропаткин.

Все ожидали упрека от императора, но тот спокойно спросил.

– Мы можем в короткое время поправить свое положение? – свой вопрос Николай II явно обращал к министру военного ведомства генералу Куропаткину.

Куропаткин поднялся:

– Ваше императорское величество, существуют два пути пополнения наших войск. Первый – провести переброску войск из европейской части России и из-за Урала. Второй – провести мобилизацию на местах. На то и другое уйдет не менее двух – трех месяцев. Это позволит нам увеличить наши сухопутные войска приблизительно еще на сорок батальонов и тридцать казачьих сотен при обязательном наличии не менее шестидесяти полевых и конных орудий...

Император снова перевел взгляд на Алексеева.

– Сколько нам потребуется войск, чтобы не дать токийскому правительству вынашивать даже малейшую надежду на успех в конфликте с нами? – вдруг спросил он.

Куропаткин еще до начала совещания успел встретиться с Алексеевым, и они, словно предвидя этот вопрос, просчитали имеющиеся возможности по усилению войск на Дальнем Востоке.

В лучшем случае можно было набрать не более сотни батальонов, семидесяти казачьих сотен и около двухсот орудий – полевых, конных и горных. С трудом можно было мобилизовать восемь – десять инженерных рот для строительства оборонительных сооружений.

В кабинете на какое-то время воцарилась настороженная тишина.

Фредерикс посмотрел сначала на Куропаткина, затем на Алексеева. «Кто из них будет отвечать?» – подумал он. Однако оба генерала молчали.

– Ну, хорошо, – сказал Николай II. – К этому вопросу нам следует вернуться после того, как мы определим, что может выставить против нас токийское правительство на сухопутном театре военных действий. Я полагаю, в зависимости от этого мы и будем говорить о численности наших войск, способных предотвратить нападение. Кто готов мне доложить?

– Разрешите мне, ваше величество, – попросил генерал Куропаткин.

Николай II кивнул головой.

– По данным военного ведомства и нашего главного штаба, Япония располагает достаточно сильной армией, – начал Куропаткин. – В ее постоянных войсках находится до ста пятидесяти батальонов и около семисот орудий. Численный состав приближается к двумстам тысячам человек. Кроме того, токийское Правительство имеет в составе запасных войск еще пятьдесят батальонов и более сотни орудий. Территориальные войска японцев незначительные и насчитывают семь –десять тысяч человек. Это без учета двух-трех батальонов на острове Цусима и двенадцати батальонов милиции на острове Формоза.

Куропаткин умолк.

– Все?

– Все, ваше императорское величество...

Николай II откинулся на спинку кресла, с минуту помолчал, затем произнес:

– Сведения точные? Хотя зачем я спрашиваю... Если предположить, что сегодня японцы объявят нам войну – они без особого труда займут Корею, Южную Манчжурию и далее под угрозой окажутся наши крепости Порт-Артур и Владивосток.

В кабинете снова повисла тяжелая тишина. Фредерикс и Ламсдорф коротко переглянулись. Генерал Куропаткин продолжал стоять, а Алексеев нервно ерзал в своем кресле.

Наконец император сам нарушил неприятную тишину.

– Евгений Иванович, – обратился он к Алексееву, – а что вы скажете?

Генерал Алексеев встал на этот раз с трудом. Он чувствовал, что в любую минуту гнев Николая II может обрушиться именно на него.

– Ваше величество, нельзя предугадать, что на уме у японцев. Однако очевидным остается ваше предположение, что они, используя свое превосходство на суше и особенно на правом фланге нашего стратегического фронта, могут действительно без труда занять Корею и Южную Манчжурию. В этом случае мы можем лишиться наших позиций и на Ляодуне... – Алексеев вдруг понял, что этими словами он подписывает себе смертельный приговор, и потому поспешно добавил: – Все это серьезно затруднит нашу подготовку к последующим наступательным операциям...

Николай II нетерпеливо махнул рукой и заставил этим жестом Алексеева замолчать.

Встал, прошелся по кабинету. Потом обернулся к Куропаткину:

– Алексей Николаевич, вы тоже так думаете?

Во взгляде и в словах Николая II Куропаткин уловил надежду на то, что он скажет что-либо другое, более обнадеживающее.

– Ваше величество, – произнес Куропаткин как можно спокойнее. – Надо полагать, что японцы действительно поставят своей целью, как уже здесь было сказано, захват Кореи и вытеснение наших войск к северу от Маньчжурии с возможным овладением Порт-Артура и Владивостока. Нельзя исключить и возможность договоренности токийского Правительства с Китаем сообща действовать против нас. Исходя из этого, я предлагаю в срочном порядке ответственность за проведение операций в открытом поле на Южно-Маньчжурском театре военных действий и в районе Ляоян-Хайчен возложить на первый отдельный корпус генерал-лейтенанта Линевица с дальнейшим его усилением за счет пополнения.

Второй отдельный корпус генерала от кавалерии барона Бильдерлинга должен составлять резерв.

Николай II за все время совещания второй раз одобрительно кивнул головой.

– Я согласен с вами, Алексей Николаевич, – произнес он и продолжил. – С сегодняшнего дня вы назначаетесь Главнокомандующим Маньчжурской армией.

Слово «Главнокомандующим» Николай II подчеркнул особо, давая понять, скорее всего, генералу Алексееву, что отныне все руководство войсками переходит под начало генерала Куропаткина.

Выждав несколько мгновений, император продолжил тем же ровным голосом, как и начал, говорить:

– Место своего пребывания определите сами. Единственное, о чем прошу вас, – обратите особое внимание на готовность крепостей Порт-Артура, Владивостока и Николаевского укрепрайона. Подумайте, что можно срочно сделать в Квантунской области. Там, насколько я осведомлен, располагаются всего два батальона. Этого недостаточно. Такое же положение и в Амурской области...

Император сделал паузу, словно хотел убедиться, что и Куропаткин, и Алексеев воспринимают все, о чем он говорит. Затем снова заговорил, расхаживая по кабинету.

– ...Обратите внимание и на охрану железной дороги. Для этого я разрешаю вам использовать войска Заамурского военного округа и части пограничной стражи. Если понадобится привлечь для охраны части Уссурийской бригады, привлекайте. Но железная дорога должна работать днем и ночью!

Высказав все это, Николай II обратился к Ламсдорфу:

– Теперь я готов выслушать и вас, граф.

Ламсдорф поднялся и, глядя в глаза императора, неожиданно заявил:

– Ваше величество, я прошу прощения, но у меня имеется, полученная по дипломатическим каналам, другая информация, судя по которой, Япония не решится на прямое военное столкновение с нами. Японцы намерены силами своего флота занять оборонительную позицию у Корейского пролива и провести операции в районе Фунзана и Пеньяна. Одновременно они планируют строительство оборонительного рубежа по реке Ялу и на севере до реки Туман-ган. Одновременно токийское Правительство ведет тайные переговоры с американцами и англичанами с целью привлечь их флоты для участия в боевых действиях в Корее, – Ламсдорф слегка обернулся в сторону Куропаткина и Алексева. Лица генералов ничего не выражали кроме легкого удивления.

Непроницаемо было лицо и у Николая.

– У вас все? – спросил он.

– Нет, ваше величество, – ответил Ламсдорф. – Возможно, японцы не захотят воевать с нами, если убедятся, что мы не мешаем им утвердиться в Корее...

При этих словах Николай II не удержался от насмешливого вопроса.

– Граф, вы хотите успокоить нас или себя?

– Я, ваше величество, не хочу никого успокаивать. Эта информация поступила по дипломатическим каналам, – еще раз подчеркнул он, – и, естественно, нуждается в проверке...

– Ну слава богу, – тем же тоном продолжил Николай II. – А я уже подумал, что нам не надо особенно волноваться за судьбу российской империи.

...Уходя с совещания, Алексеев придержал генерала Куропаткина за локоть.

– Алексей Николаевич, нам необходимо поговорить, – сказал он. – Желательно наедине... Тем более, что с этого дня вы назначены Главнокомандующим Маньчжурской армией.

– Я к вашим услугам, милостивый сударь, – ответил Куропаткин.

Они прошли в зеркальный зал и остановились у окна.

– Я думаю, здесь нам не помешают, – сказал Алексеев. – Дело в том, что в августе император поручил мне подготовить проект нового соглашения с Японией с привлечением к переговорам нашего посланника в Токио. Меня в этом деле беспокоит одно – приказано все делать без участия графа Ламсдорфа. Я не вправе судить насколько это верно. Но я уверен – время нами упущено, а отвечать за исход переговоров по новому соглашению придется мне...

– Это военное соглашение? – поинтересовался Куропаткин.

– Нет. Экономическое и политическое. Один из главных пунктов соглашения – наше признание преимущественного права Японии на торгово-экономическое положение на Корейском полуострове при условии сохранения за Кореей ее самостоятельности.

– Выходит, Ламсдорф не так уж и не прав, утверждая, что Япония не пойдет на конфликт с нами, если мы не станем ей мешать в Корее, – задумчиво проговорил Куропаткин.

– Выходит...

– Тогда почему император отнесся к его словам с нескрываемым сарказмом?..

– Не знаю, – ответил Алексеев.

– Да-а-а... Час от часу не легче... – Куропаткин грустно усмехнулся. – А что взамен на эту уступку мы потребуем от токийского Правительства?

– Не вмешиваться в маньчжурскую проблему. Император считает, что эта проблема касается только России и Китая. Он даже готов признать в Маньчжурии верховную власть богдыхана, но при условии, что эта власть будет сотрудничать с командованием русских оккупационных войск, находящихся на территории этой области.

Генерал Куропаткин теперь уже с неподдельным удивлением посмотрел на Алексева.

Исключение из переговоров с Токио министра иностранных дел графа Ламсдорфа тоже показалось ему странным. Однако высказывать свое мнение по этому поводу Куропаткин не стал. Он только спросил:

– Что вы хотите услышать от меня?

– Мне нужен ваш совет, – ответил генерал Алексеев. – Переговоры, о коих я вам сообщил, практически уже зашли в тупик. Более того, у меня есть сведения, что токийское Правительство готово прервать с нами и дипломатические отношения. Им нужен только повод.

– Императору вы, конечно, об этом не доложили? – поинтересовался Куропаткин.

– Доложил телеграммой на прошлой неделе...

– И что?

Алексеев неопределенно пожал плечами.

– Не знаю... Я полагал, сегодня на совещании он затронет эту тему. Но, увы... А положение наше действительно осложняется изо дня на день. Для вторжения в Маньчжурию японцы уже подготовили восемь дивизий. Не менее четырех дивизий они одновременно могут высадить на Квантунском полуострове. Таким образом, падение Порт-Артура может произойти в считанные дни, если учесть, что их военный флот значительно превосходит наш.

– И какой же совет я могу дать вам, Евгений Иванович? – выслушав Алексеева, спросил Куропаткин.

– Что мне делать?

Куропаткин развел руками.

– Бог тому свидетель, но я действительно затрудняюсь что-либо вам советовать, – признался он. И добавил: – Лучший выход для нас – это оставить Южную Маньчжурию. И тогда никакой войны.

– Но это немыслимо! – воскликнул Алексеев. – Это капитуляция!..

Куропаткин махнул рукой.

– Пусть капитуляция, но не война. Вы остаетесь на новогодний бал в Петергофе? – вдруг спросил он.

– Нет, Алексей Николаевич, мне не до балов, – ответил генерал Алексеев.

4

Середина января наступившего 1904 года выдалась на редкость суровой. Застыли водоемы, ветви деревьев гнулись под непомерной тяжестью снега, а парапеты дворцовых строений были закованы в тускло поблескивающий ледяной панцирь.

Петергоф, казалось, замер от холода. Однако новогодние и рождественские балы отгремели здесь, как всегда, весело и шумно.

Уральские промышленники преподнесли императрице Александре Федоровне корону, украшенную драгоценными камнями.

Императору подарили саблю, лезвие и ножны которой были инкрустированы тончайшими узорами из серебра и золота.

О войне с Японией не говорили. Праздничное настроение, охватившее Двор, длилось до самого Рождества Христова. И затем снова в Петергофе воцарилась обычная скучная обстановка.

...22 января Николай II с раннего утра попросил Фредерикса принести ему накопившиеся за праздничные дни бумаги.

Когда просьба его была исполнена, император еще какое-то время расхаживал по кабинету, тоскливо поглядывая на толстые кожаные папки с позолоченными застежками, наконец сел за стол и взял верхнюю. Это были отчеты военного ведомства. Чем больше император читал бумаги, тем мрачнее становилось его лицо.

В одном из отчетов военный министр сообщал, что работы по укреплению крепостей Порт-Артур и Владивосток идут крайне медленно по причине недостаточных средств.

Из 542 положенных по штату орудий в крепости Порт-Артур было только 131. Гарнизон крепости насчитывал чуть больше семи тысяч человек.

Недостроенным оставался и порт Дальний на Ляодунском полуострове.

Николай II вдруг вспомнил, что на его строительство по настоянию премьер-министра Витте было выделено еще полгода тому назад двадцать миллионов рублей.

Прочитав еще несколько отчетов, император увидел доклад Куропаткина о численности войск на начало января на Дальнем Востоке.

Военному ведомству и главному штабу удалось, судя по докладу, к этому сроку увеличить сухопутные войска до ста тысяч человек. В том числе в Уссурийском крае и Манчжурии были расквартированы около восьмидесяти тысяч солдат и офицеров. Еще двадцать тысяч должны были прибыть в крепость Порт-Артур.

Японская сторона, по докладу генерала Куропаткина, располагала на начало января армией, которая доходила по численности до четырехсот тысяч человек.

Значительный перевес у японцев был и на море. По эскадренным броненосцам, бронированным крейсерам, легким миноносцам и вспомогательным судам.

Куропаткин также сообщал о закупке японцами в декабре прошлого года в Италии бронированных крейсеров «Ниссин» и «Кассучи» и что те по пути в Японию уже миновали Сингапур.

Русская же эскадра во главе с крейсером «Осляба», вышедшая в ноябре прошлого года из Кронштадта, еще находилась в Красном море.

Николай II отложил бумаги в сторону и почувствовал, как все его существо охватывает жгучее чувство безысходности.

«Почему все так происходит?.. – подумал он. – Почему его требования повисают в воздухе, но все делают вид, что заняты делами?..»

Премьер Витте считает главным строительство порта Дальний, а не усиление крепости Порт-Артур! Ламсдорф твердит о мире, не понимая, что мир может быть обеспечен только сильным!..

Плеве жаждет победоносной войны, но только с малыми потерями. Алексеев боится и того и другого, а Куропаткин живет Кутузовской стратегией 1812 года!..

Не исполнено его распоряжение и по строительству окружной железной дороги в обход Байкала!..»

Все эти мрачные мысли тяжелым камнем ложились на душу.

В этот же день Николай II вызвал к себе премьер-министра Витте.

Переговоры, начатые с токийским правительством в августе прошлого года без участия Ламсдорфа и его министерства, завершились в декабре провалом, несмотря на то, что все время внешне они сохраняли дружеский характер.

Японская сторона упорно требовала включить в проект нового соглашения вопрос о Маньчжурии. С чем он, как государь, не мог согласиться.

Когда Витте вошел в кабинет, Николай II без лишних слов спросил:

– Сергей Юльевич, что еще мы можем сделать, чтобы возобновить переговоры с Токио?

Вопрос императора для Витте не был неожиданным.

– Ваше величество, во-первых, необходимо изменить наше отношение к Японии и японцам в целом, – начал говорить Витте, внимательно наблюдая за реакцией императора на свои слова. – Во-вторых, надо отказаться от позиции военного ведомства, которое утверждает, что экономические интересы России на Дальнем Востоке незначительны и заключаются лишь в использовании нескольких угольных шахт и деревообрабатывающих предприятий. – Витте заговорил о шахтах и предприятиях по деревообработке умышленно, зная о том, что государь был владельцем значительной части акций этих компаний. – ... В-третьих, нам необходимо пересмотреть условия переговоров. Мы все время пытаемся ограничить дискуссию с японской

стороной проблемой Кореи. Японцы делают акцент на территориальную целостность Китая и на принадлежность ему Маньчжурии. Согласитесь, ваше величество, в лице мировых держав они выглядят более привлекательными, чем мы. В-четвертых, в ходе переговоров были допущены серьезные ошибки со стороны генерал-адъютанта Алексева. О нюансах переговоров не ставилось в известность министерство иностранных дел вашего величества. Переговорами практически руководил секретарь Дальневосточного Комитета адмирал Абазов, который от вашего имени, не ставя вас в известность, давал установки в ходе переговоров не в их пользу...

Николай II сделал нетерпеливый жест рукой, прерывающий Витте, однако тот, словно не замечая этого, продолжал говорить.

– ...Таким образом, переговоры зашли в тупик в значительной мере по нашей вине. Чтобы их возобновить, необходимо пойти на компромисс...

Пока Витте говорил, Николай II перебирал в памяти все последние события, происходящие вокруг переговоров с Японией.

...В конце декабря адмирал Абазов доложил ему, что к войне с Японией не надо готовиться, однако 13 января адмирал Абазов ставит на переговорах такие условия, что они заходят в тупик.

...В тот же день токийское Правительство через своего посла в Петербурге вышло с предложением пересмотреть свою старую позицию и с пониманием отнестись к интересам России в Маньчжурии, если, конечно, Россия не будет вмешиваться в дела Пекина с другими странами, и будет уважать его территориальную целостность...

Прошло не менее минуты, как Витте закончил говорить, и в кабинете императора повисла тишина, нарушаемая лишь ходом часов.

– Насколько я понимаю, – сказал Николай II, – вы соглашаетесь с предложением Токио о разделе зон влияния?

– В данной обстановке, ваше величество, это будет самое верное решение, – ответил Витте. И добавил: – У японцев есть поговорка «Сильный первым не вынимает меч из ножен».

Николай II иронически усмехнулся. Он вдруг вспомнил недавнее предостережение посла в Японии барона Розена, который в одном из отчетов писал: «...Если Япония ощутит себя загнанной в угол, она будет воевать».

– Похоже, мы загнали их в угол... Ну что ж, Сергей Юльевич, благодарю вас. Можете быть свободными.

5

За ужином императрица Александра Федоровна, ни к кому не обращаясь, сказала:

– Мне рассказали, что в Париже на улицах появились автомобили, которые развозят парижан по городу.

– И еще у них есть воздушные летательные аппараты, – добавил Николай II, не выслушав супругу до конца.

Александра Федоровна обиженно умолкла. Она уже не раз замечала за супругом дурную привычку – насмешливо отзываться почти на все сказанное ею.

Прошло какое-то время, пока Николай II не заговорил сам.

– ...У меня такое предчувствие, – произнес он тихо, – что мы обречены на страшные испытания. И не будем вознаграждены за них на этом свете... Ты помнишь слова святого Иова Многострадального: «...Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне...»?

Александра Федоровна с недоумением посмотрела на супруга, однако промолчала. Возражать при детях, а она очень хотела ему возразить, она не стала.

Александра Федоровна за годы совместной жизни с Николаем убедилась, что у него прекрасная интуиция и чутье к судьбе, определенной ему Всевышним.

На память ей пришел случай. Летом прошлого года при посещении монастыря в Деево игуменья Мария передала Николаю II письмо, которое собственноручно написал царю преподобный Серафим. В письме царь предупреждался об интригах, клевете, лжи и предательстве, которые будут сопровождать годы его царствования.

Узнав о содержании письма святого старца, сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна посоветовала императору: «Забудь о нем». На что Николай II ответил: «Рад бы забыть, да, видимо, не получится...»

– Я от своих фрейлин слышала, что мы собираемся снова переехать в Зимний, – спросила Александра Федоровна, чтобы отвлечь супруга от грустных мыслей.

– Да, ваше величество, – вдруг улыбнулся Николай II и предложил: – Давайте завтра все вместе поедem в церковь. В молитве самое великое утешение на земле.

Александра Федоровна с благодарностью посмотрела на супруга. Она любила ездить с ним на еженедельные литургии, посещать святых и принимать участие в канонизации святых.

– Мы согласны, ваше величество, – в тон ему ответила она.

– Вот и прекрасно! – с облегчением вздохнул Николай II, словно мог получить другой ответ. – А сейчас, с вашего позволения, я покину вас... У меня еще есть дела...

Вернувшись в свой кабинет, Николай II сначала долго ходил по ковру, потом сел за стол, однако к бумагам не дотронулся.

Он вдруг ясно представил себе, что войны с Японией ему не избежать. «Кто будет на стороне России?.. – подумал он. – Союзная Франция? Наверяд ли... Трусливый Париж изо всех сил будет стараться, чтобы русские дивизии, как противовес Германии, оставались в Европе. Британия? Но она, как и Германия, больше всех боялась выхода России к британским и немецким колониям в Азии. К тому же Лондон не скрывал своей симпатии к Японии...»

Особенно заметным холодом из Европы подуло в 1901 году, когда Лондон и Токио заключили союз.

В ответ Николай II распорядился при главном морском штабе создать отделение планирования боевых операций на Дальнем Востоке, однако морское ведомство по-прежнему предпочитало смотреть на Балтику, а не на Тихий океан.

Николай II встал и прошел к окну. На Петергоф надвигалась холодная зимняя ночь. Пугливые желтые фонари с трудом освещали аллеи, заваленные серебристо-синеватым снегом. Было в них что-то притягательное и таинственное, но и они показались, вдруг, ему невыносимо тоскливыми и мрачными.

– ...А все начиналось прекрасно... – тихо, словно для себя произнес Николай II.

...15 марта 1898 года Китай подписал договор, согласно которому двадцать тысяч русских солдат вошли в два приобретенных Россией тепловодных порта – Дальний и Порт-Артур.

Семью годами раньше он, Наследник русского престола, вбил первый клин в будущее полотно железной дороги, начинающейся во Владивостоке в нескольких метрах от Японского моря.

Затем был заключен контракт с правительством Китая о совместном строительстве Китайско-Восточной железной дороги.

Новая железная дорога открывала путь от Читы на восток через Харбин и соединялась с дорогой Владивосток-Хабаровск у Никольска-Уссурийска. Открывался путь России в огромную страну Маньчжурию и к главной военно-морской гавани – Порт-Артуру!..

Это была самая крупная в мире железнодорожная магистраль, охраняемая сибирскими казаками. И хотя они наряду с русскими флагами носили китайские бунчуки, всему миру стало ясно: Россия вышла к берегам Тихого океана!..

Николай снова медленно заходил по кабинету. Так было легче думать.

Что же произошло?.. Где, когда и в ком он ошибся?.. Эти мысли постоянно возвращались к нему и не давали покоя ни днем, ни ночью.

План, который он утвердил еще два года тому назад, предусматривал постоянное наращивание русских войск на Дальнем Востоке и сосредоточение их тремя группировками. Первой – в Ляояне, второй – в Приморске, третьей – в Харбине. В случае крайней необходимости из Сибири и Европейской части России могли перебрасываться дополнительные части.

Время работало на Россию. И хотя Япония тоже наращивала свою военную мощь, вела она себя осмотрительно. Все изменилось после 12 октября 1903 года, когда на пост заместителя начальника генерального штаба Японии был назначен пятидесятидвухлетний губернатор Формозы барон Кодама Гентаро. Хладнокровный и жестокий он сразу потребовал для себя особых полномочий.

С приходом в генштаб Кодама Гентаро заметно активизировалась военная разведка Японии на всем Дальнем Востоке.

В ответ на это военное ведомство Куропаткина ввело при главном штабе лишь одну должность специалиста по разведке.

Вспомнив сейчас об этом, Николай II подумал: «Поражения учат, но только не нас».

Он поднял голову, посмотрел на портрет Александра III и даже вздрогнул. На Николая смотрели суровые, словно живые глаза прародителя.

«И он меня осуждает», – мелькнуло в голове испуганная мысль.

Николай II, вдруг, вспомнил, как однажды отец в присутствии его и брата Георгия говорил генералу Данилевичу: «...Ни я, ни Мария Федоровна не желаем делать из них оранжевых цветов. Они должны хорошо молиться богу, учиться, играть, шалить в меру. Спуску не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не прощайте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доносчику – первый кнут. Это мое первое требование...»

Отцовские слова Николай II запомнил на всю жизнь и старался не гневить бога, воспитывать также и своих дочерей ни в чем не делая им поблажки.

Неожиданное признание супруги в том, что у них может появиться еще ребенок, и она очень хочет наследника, заставило Николая II быть еще сдержаннее и не гневить ни бога, ни людей.

«Династия Романовых, – подумал он, – дала России великих государей Алексея Михайловича, Петра Великого, Катерину II, Александра I, Николая I, Александра II и, наконец, Александра III.

Неужели пришло время, когда для России нужна будет искупительная жертва?..»

Николай II почти с ужасом представил себе будущее России: либо европейский либерализм, либо, еще хуже, европейский марксизм.

Николай II перевел взгляд на часы. Стрелки показывали без четверти двенадцать.

Он подошел к столу, сел и подвинул к себе стопку бумаг. Это были письма, рапорты, доносы министерств и других высокопоставленных вельмож друг на друга, которые Фредерикс регулярно клал ему на стол.

Николай II не любил читать доносы, хотя Фредерикс советовал это делать, уверяя, что от их чтения можно больше узнать о своих подданных, нежели от них самих.

На глаза попала бумага за подписью Плеве. Он сообщил о растущем недовольстве Святого Синода принятыми мерами Правительства по обеспечению веротерпимости в России.

Николай II знал, о чем идет речь. Год тому назад Правительство утвердило несколько решений, призванных ослабить государственное давление на не православных и старообрядцев.

Первым выразил свое сожаление митрополит Петербургский. Затем Святой Синод в своем письме Комитету министров посетовал на то, что отныне Правительство России ставит инословных и раскольников в более выгодное положение. В письме было требование освободить православную церковь от государственной опеки.

Прочитав донесение до конца, Николай II усмехнулся. Синод сетовал на жестокую государственную опеку, а сам принял в то же время особые «Правила», ставившие все церковные общества в строжайшую административную зависимость от епископата.

Нетрудно было догадаться, что между церковью и властью назревал конфликт, который надо было избежать.

Обер-прокурор уже дважды предлагал план переустройства церковного управления, который предусматривал радикальную его децентрализацию. И советовал приблизить архи-пастырей к самой пастве.

Кроме того, он предлагал избавление епископата от груза административных и хозяйственных забот и переориентации его на решение задач, связанных с духовным руководством.

Николай II был уверен – такие планы будут восприняты церковью без восторга, хотя бы потому, что церковь была самым крупным землевладельцем в России. И потому он отклонил предложение обер-прокурора.

И все же он не мог допустить своеволия Святого Синода.

В прошлом году по его распоряжению Правительство приостановило работу Предсоборного присутствия, которое ставило своей целью созыв Поместного собора. Было очевидным – руководство Синода намерено восстановить в России патриаршество.

По мнению Плеве, с которым Николай II был согласен, церковь не столь приобретала духовную независимость от светской жизни, сколько нарушала принципы соборности.

Это был уже не первый доклад Плеве о растущем желании Синода отделиться от государства.

«Западный соблазн уже давно стучится в Золотые ворота и, не делая даже особых усилий, принимается нашим духовенством безропотно, – подумал Николай II. – Однако, что даст России каноническая духовность?.. И зачем им неограниченная власть?.. Неужели Русь, принявшая византийское православие, превратится в бездонное стоячее болото, в котором исчезнут остатки древних корней русичей?..»

Этот вопрос уже не раз ставил перед собой он и не находил ответа.

Узнав о письме Святого Синода, Александра Федоровна воскликнула:

– Боже мой!.. Церковь и государство становятся словно враги друг против друга! Но будет еще страшнее, если линия церковная и линия государственная разойдутся... Уже сейчас все, что происходит, похоже на заговор жрецов!

Невольно перебирая все это в памяти, Николай II не мог не согласиться с мнением Александры Федоровны.

Он чувствовал: если не вражда, то противостояние уже существовало. Оно появилось не сразу. Посвященные в эту проблему, в том числе и Плеве, трактовали ее слишком упрощенно, сводя все к противостоянию власти и духовности. Однако Николай II был уверен, что здесь не все так просто. Высшее духовенство, по всей видимости, стало забывать, что царь превышает и уровень священника, и уровень власти.

Где-то в глубине души он понимал, что ему предстоит сделать: не допустить, чтобы власть, с одной стороны, превратилась в солдатский милитаризм, как это было при Павле, а с другой, заставить духовенство вместо жреческой амбициозности стать на путь кротости пастыря.

6

...Переезд из Петергофа в Зимний дворец был недолгим. Императрица Александра Федоровна пожелала ехать вместе с Николаем II.

Всю дорогу она молчала, занятая какими-то мыслями.

Николай II время от времени поглядывал на супругу, не решаясь спросить, о чем она думает. И все же не сдержался.

– Что-нибудь произошло?

– Нет, – ответила Александра Федоровна. – Ничего не произошло, мое солнышко, – добавила она и улыбнулась.

Николай II знал, что «солнышком» супругу называла его только в письмах, которые слала ему в дни разлук.

– Но ты все время о чем-то думаешь...

– Ни о чем, – торопливо ответила она и опустила глаза.

Николай II привлек супругу к себе и поцеловал в холодный лоб.

– Будет все хорошо, – сказал он. – Бог милостив... Я перед отъездом зашел проведать Анастасию. Представляешь, она уже все понимает!..

– В три года дети многое понимают, – отозвалась Александра Федоровна и, вдруг, тихо засмеялась.

– Я что-то не так сказал?

Николай II заглянул супруге в глаза.

– Все так, – ответила она. – У нас уже четыре дочери. Разве тебе не нужен наследник?..

У Николая II екнуло под сердцем.

– Господи!.. Ты это серьезно?.. – с трудом выдавил он из себя.

Александра Федоровна испуганно коснулась его губ указательным пальцем.

– Не говори ничего... Я еще не уверена... Но я так хочу сына...

В Зимнем Николая II встречали Витте, Фредерикс, Ламсдорф, Плеве и генералы Куропаткин, Драгомиров, Скобелев.

Николай II рассеянно ответил на их приветствие, прошел мимо. Потом, словно спохватившись, обернулся и, обращаясь к Куропаткину, сказал:

– Алексей Николаевич, через полчаса зайдите ко мне. Остальные могут быть свободны.

Генералу Куропаткину было пятьдесят шесть лет. Со времени Плевны, – это с 1877 года – он уже не командовал войсками, а находился при Дворе.

Когда в начале января 1898 года решался вопрос о министре военного ведомства и Николаю II были представлены кандидатуры генералов Куропаткина, Скобелева и Драгомирова, он оставил свой выбор на Куропаткине, который много сделал для приобретения Россией китайских портов Дальний и Порт-Артура.

Единственное, что не нравилось Николаю II в Куропаткине, так это его тяга к Кутузовской стратегии, которую генерал считал чуть ли не единственной и самой верной.

Когда Куропаткин вошел в его кабинет, Николай II спросил:

– Алексей Николаевич, что вы знаете о вице-адмирале Макарове? Если мне не изменяет память, вы вместе воевали против турок.

Вопрос императора для Куропаткина был неожиданным. Он даже на какое-то мгновение растерялся. О Макарове Куропаткин знал немного. Больше слышал о нем.

– ...Вы что-нибудь знаете о торпедных катерах адмирала Макарова? – уточнил свой вопрос Николай.

Куропаткин мысленно перекрестился.

– Да... да, ваше императорское величество, – торопливо ответил Куропаткин. – Адмирал Макаров применил их, как маломерные суда, в 1877 году в Батумском порту против турецких кораблей. Тогда все торпеды, выпущенные с катеров, попали в цель. Турки были ошеломлены. Они тогда ничего не знали о торпедах...

– Алексей Николаевич, – перебил Куропаткина Николай II, – я это знаю. Меня интересует, сколько у нас на флоте таких катеров, состояние их вооружения и, самое главное, меня интересует, возможна ли переброска этих катеров на Дальний Восток по железной дороге. Доклад мне нужен завтра к исходу дня. Больше я не смею вас задерживать, Алексей Николаевич.

Оставшись один, Николай II стал вспоминать, что еще он знал о торпедных катерах Макарова. Единственное, что приходило на память, так это статья в лондонской газете морского историка то ли Джейна, то ли Джейнса, который писал, что русские, не имея сильного флота, начали свой морской триумф с почти никому не известного оружия – торпедных катеров. Этот же историк упоминал тогда и имя адмирала Макарова.

«А может, их уже и нет?», – подумал Николай II и поймал себя на мысли о том, что многое, происходящее при Дворе, ему просто неизвестно.

Странная смерть его отца Александра III была так или иначе связана с тем, что Александр не вникал в происходящее вокруг. В этом Николай II был уверен.

«Цареубийцы появляются не из низов, а из разложившейся интеллигенции, дворян, неудачливых ювелиров, гимназистов и коммерсантов, лишенных национального сознания и ненавидящих русскую культуру, обычаи и устои», – с грустью думал он.

Все это вместе взятое он называл «нигилизмом», занесенным в Россию евреями и социалистами.

Он не удивился, когда Плеве доложил ему в декабре прошлого года, что под подозрение полиции попал некий Керенский Александр Федорович, который в кругу друзей высказывал мысль о том, что положение в России можно выправить лишь событием 11 марта 1801 года.

Николай хорошо помнил эту дату. 11 марта был убит император Павел I...

7

Перед рассветом Николай II вдруг проснулся от голоса, который позвал его. Он открыл глаза. В спальне стоял полумрак. Николай II потянул на себя одеяло и сел, опершись спиной о высокое изголовье кровати.

Он знал – в его спальне никого нет. И все же почувствовал, как знакомое уже чувство страха тихонечко подбирается к сердцу...

Точно такое чувство он однажды испытал, когда по настоянию академика Драгомирова, преподававшего боевую подготовку войск, Александр III направил его на практическое обучение в войска. Два первых года он служил в Преображенском полку, исполняя обязанности младшего офицера, потом ротного командира. Следующие два года проходил службу сначала взводным офицером, затем эскадронным командиром в кавалерийском гусарском полку. И еще год по приказу Александра III служил в артиллерии.

Здесь и случилось то, что за малым не стоило ему жизни.

Тяжелый снаряд, который он заряжал в пушку, выпал из его рук и покатился к погребу, где находился боевой запас на всю батарею.

Все, кто был рядом, окаменели. Не растерялся только один солдат-артиллерист, который успел остановить его у самого края. Тогда он и почувствовал, как под сердце крадется холодок, от которого немеют ноги и руки.

...На десять утра Николай II попросил пригласить к нему премьер-министра Витте.

Днем ранее генерал Куропаткин доложил, что уже два месяца министерство финансов не выделяет деньги на окончание строительных работ в крепости Порт-Артур. В то же время значительные суммы идут на строительство торговых причалов порта Дальний, который, по мнению Куропаткина, японцы могут в случае его захвата с успехом использовать для высадки крупных сухопутных сил.

Когда Витте вошел в кабинет, Николай II, не приглашая премьера присесть, как обычно он это делал, спросил:

– Милостивый сударь, для вас Россия уже не Родина?

Витте промолчал. Он еще не мог понять причину столь гневного вопроса. К работе правительства у императора претензий не было. Два дня тому назад он направил императору доклад об экономическом состоянии России за прошедший год. Россия выходила на первое место в мире по темпам роста промышленности, опережая Соединенные Штаты Америки. В прошедшем году на долю России пришлось четверть мирового экспорта крестьянской продукции...

В этом, считал Витте, была и его заслуга. Все эти мысли молнией пронесли в голове Витте.

Николаю II, видимо, не понравилось молчание премьера и он уточнил свой вопрос.

– Сергей Юльевич, скажите, что для нас сегодня важнее – торговый порт или военная крепость?

– И то, и другое, ваше величество, – спокойно ответил Витте, догадавшись о причине гнева Николая II.

У императора в глазах блеснули холодные огоньки.

Жгучее желание выпроводить премьер-министра из кабинета Николай II подавил в себе с большим трудом.

Витте тоже понял, что поступил необдуманно, отвечая так на вопрос императора. Однако слово не воробей...

Николай II тем временем прошелся по кабинету, что-то обдумывая. Это было заметно по напряженному выражению на лице императора. Противоположные чувства сейчас боролись в душе Николая II, и он не мог отдать предпочтение ни одному из них.

Наконец, Николай II остановился перед Витте и, глядя ему прямо в глаза, тихо, но жестко произнес:

– Милостивый сударь, если через три дня генерал Куропаткин не доложит мне о том, что на крепость Порт-Артур выделены все необходимые финансовые средства, я отправлю вас в отставку...

До конца дня у Николая II настроение так и не улучшилось. И только вечером за ужином, когда Александра Федоровна привела к столу дочерей, на душе у него стало теплее.

Маленькую Анастасию императрица посадила рядом с собой. Мария, Татьяна и Ольга сидели напротив.

Семейные ужины были редким явлением, и девочки старались вести себя сдержанно, показывая родителям, что они прекрасно воспитаны. Единственно, кому все прощалось, так это Анастасии. И она, словно понимая, что в трехлетнем возрасте в этой семье детей не наказывают, позволяла себе такое, чего не могли позволить другие за столом.

Ольга, на правах старшей из девочек, укоризненно, почти по-взрослому, поглядывала то на Анастасию, то на родителей. «Вот видите... Ей все дозволено...» – говорил ее взгляд.

Под конец ужина Николай II посадил Анастасию к себе на колени, и она тут же дернула его за ус. За столом на какое-то мгновение воцарилась тишина, потом все рассмеялись, а Анастасия заплакала.

Воспитатели тут же увели детей, а Александра Федоровна сразу загрустила.

– Мало я их вижу, – сказала она. – Мне их просто не хватает... И тебя, – добавила она. – Вот и сейчас ты рядом, но я вижу, что ты всеми мыслями далеко от меня...

Николай II качнул головой.

– Ты права... Извини. Для меня сейчас быть просто человеком непозволительная роскошь. От меня требуют все. Когда требую я, – получаю в ответ болтовню, сплетни, доносы. И, слава богу, пока не предательство... Но они дойдут и до этого...

Александра Федоровна с тревогой посмотрела на супруга. И хотя он говорил спокойно, она улавливала в его голосе скрытое отчаяние и горечь.

– ...Даже церковь и та упрекает меня. На днях митрополит Киевский заявил в Синоде, что церковь нужна власти только в минуты опасности. Но к кому же тогда обращаться, если не к ней?.. Разве сам Синод не духовная власть над всеми?

Николай II умолк и с грустной надеждой посмотрел на Александру Федоровну, словно хотел услышать от нее ответы на мучавшие его вопросы. Но она немо смотрела на супруга глазами полными слез. Наконец, еле слышно произнесла:

– И в самом деле так все плохо?

Николай II ответил не сразу.

– Не знаю... – наконец проговорил он.

– Но так же нельзя вести себя! Они разве этого не понимают?..

Александра Федоровна умолкла, словно испугалась своих слов. Набожная и суеверная, она со страхом подумала о божьей каре, которая неминуемо постигает любого, кто ведет себя вопреки воли церкви.

И в то же время Александра Федоровна была убеждена – падение монархии не принесет пользы высшим иерархам.

Она искренне любила Николая II и считала его человеком, вобравшем в себя все лучшее, что имел его отец император Александр III и его мать Мария Федоровна, дочь датского короля.

Россия, по ее мнению, не имела права забывать: за триста лет правления династии Романовых страна превратилась в огромную империю от Белого, Черного и Балтийского морей до Тихого океана!

Александра Федоровна была уверена, что беды, навалившиеся на Николая II со всех сторон в последние годы, исходят от его стремления сделать Россию еще более могучей как на Западе, так на Востоке.

8

Внеочередное заседание Правительства, назначенное премьером Витте на 11 часов 26 января, откладывалось. Ламсдорф, Плеве и Куропаткин были срочно вызваны к императору.

Днем раньше Правительство приняло решение обратиться к Николаю II с настоятельным предложением: срочно возобновить переговоры с Токио при посредничестве Лондона, с которым предварительно была достигнута устная договоренность об участии посла Великобритании в Токио в этих переговорах.

За возобновление переговоров выступило и правительство Франции.

26 января русский посол в Лондоне граф Бенкендорф передал российскую просьбу министру иностранных дел Великобритании лорду Лэнсдоуну.

Прочитав бегло текст послания, Лэнсдоун неожиданно заявил:

– Япония, к сожалению, не желает нашего посредничества, – и, повернувшись спиной к русскому послу, добавил: – Извините, но я занят...

Об отказе Лондона участвовать в переговорах с японской стороной Ламсдорф узнал через два часа, и тотчас доложил Николаю II.

В этот день Правительство так и не собралось.

...Рано утром 27 января Фредерикс вошел в спальню императора и, извинившись, подал ему срочное донесение от наместника на Дальнем Востоке генерала Алексеева.

Вид у Фредерикса был встревоженный.

«Всепоподданнейше доношу, Ваше императорское величество, – начал быстро читать Николай II. – Около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоящую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Причем броненосцы „Ретвизан“, „Цесаревич“ и крейсер „Поллада“ получили пробоины, степень их серьезности выясняется. Подробности представлю дополнительно».

– Проклятые макаки! – выругался Николай. – Они, видимо, забыли, с кем имеют дело!.. Фредерикс заметил, как потемнели зрачки у императора, и лицо его побагровело.

– Я могу идти, ваше величество? – спросил Фредерикс, выждав некоторое время.

Николай II качнул головой, но когда Фредерикс был уже у двери, остановил его вопросом:

– У нас сегодня встреча с предводителем бессарабского дворянства на сколько назначено?

– На десять утра, ваше величество. Отменить?

– Нет, – жестко ответил Николай II. – Мы не станем ничего менять. Не велико событие, чтобы из-за него менять наши планы. И вообще... я смотрю на все это, как на укусы блохи!

Фредерикс поклонился и вышел. В какой-то степени он был даже обрадован тем, что император спокойно отнесся к сообщению наместника. Но в то же время старый и опытный Фредерикс понимал – это не конфликт. Это необъявленная война...

Из бумаг военно-морского ведомства, поступающих на имя государя, Фредерикс знал, что Россия могла выставить на море не более семидесяти изрядно послуживших кораблей.

Япония же имела флот в сто шестьдесят кораблей. Из них половина – новейшего типа.

...Оставшись один, Николай II неожиданно почувствовал, как яростное удушье горячей волной стало медленно подкатывать к горлу.

Он встал и заходил по комнате, пытаясь успокоиться.

«...От этих макак нужно было ожидать именно вероломного нападения, – убеждал он сам себя. – Но ничего страшного не произошло!.. Самое страшное происходит здесь!.. Премьер Вите строит торговый порт накануне войны, а не крепость!.. Алексеев и Куропаткин только и занимаются разговорами о войне с Японией!.. Ламсдорф боится войны!.. Адмирал Макаров до сих пор так и не выехал во Владивосток!.. Куропаткин засиделся в Петербурге. Его немедленно надо отправить в Харбин!.. Пусть принимает войска!..»

Николай II еще долго ходил по спальным покоям, приказав дежурному флигель-адъютанту никого к нему не пускать. Он понимал – у него сдали нервы и никто не должен видеть его в таком состоянии.

Из газет и доносов он знал – было немало и таких, которых судьба России не волновала совсем. И они не скрывали этого.

К великому сожалению Николая II, к последним относился и граф Лев Толстой, которого Александра Федоровна считала духовным пастырем России.

Все эти мысли жгли воспаленный мозг, причиняя Николаю II почти физическую боль.

...Время близилось к обеду, когда к нему в покои вошла императрица Александра Федоровна.

– Они поплатятся за это! И очень скоро! – сказал ей Николай II. – Бог тому свидетель – я хотел все по-другому...

Александра Федоровна обняла супруга и прижалась к нему.

– Я верю тебе, – проговорила она тихо. – Я буду молить господ-а-бога, чтобы он придал тебе силы, мужество и мудрость...

Николай II слегка отстранил от себя супругу и внимательно посмотрел на нее.

– Тебе не надо тревожиться. Если из-за этого... – он хотел подобрать успокаивающее императрицу слово, но так и не найдя его, продолжил. – Все это не стоит твоих волнений... Меня интересует другое: как поведут себя наши министры, сановники, народ?.. За армию я спокоен. Я уверен – Россию японцам не одолеть, что бы там не произошло, в конце концов. Но Россия может погибнуть от смертельных ран, которые ей уже наносят народовольцы, разночинцы, социалисты, евреи, демократы разных мастей, бездуховная и тупая аристократия вместе с распоясавшимися газетчиками. И даже церковь, – и тут же добавил. – Если бы я был уверен, что все эти пороки можно изжить моим отказом от царствования, я бы пошел на эту жертву ради Отечества. Но я в этом не уверен. Больше всего я боюсь, что вместо меня придут те, кто разрушат наши вековые устои, введут иноземные порядки и, если народ не подчинится им, зальют русскую землю кровью! Такое с нами уже случилось...

Александра Федоровна, затаив дыхание, слушала супруга. Она не могла даже на минуту представить себе то, о чем он говорил. О крахе династии Романовых даже помышлять было грешно. Она кровно породнилась с Романовыми, приняла их веру и ответила искренней любовью человеку, ради которого не пожалела бы ничего на свете, даже жизни.

А он продолжал говорить так, словно исповедовался, но не перед ней, супругой, императрицей и матерью его детей, и даже не перед богом, а перед кем-то другим, владеющим его душой.

Александра Федоровна прикрыла свой рот ладонью, чтобы невольно из ее испуганной души не вырвался крик.

Николай II в это время посмотрел на супругу и неожиданно улыбнулся. Сказал, будто подвел итог.

– ...Чтобы там не уготовила мне судьба, я уверен – на Руси больше Мининых и Пожарских, чем Степок Разиных и Емелей Пугачевых...

Он хотел сказать еще что-то, но раздался тихий стук в дверь, и вошел Фредерикс, извинился перед императрицей, затем перед Николаем II.

– Ваше величество, – сказал он, – прибыли послы Франции, Германии и Великобритании. Просят срочно их принять...

9

Сообщение наместника на Дальнем Востоке о вероломном ночном нападении японцев на порт-артурскую эскадру Ламсдорф воспринял со смешанным чувством досады и сожаления.

Токийское Правительство намеренно сжигало последние мосты на пути мирных переговоров, и, естественно, это вызывало недоумение.

Досадно было оттого, что ни император, ни военное руководство, по его мнению, еще не осознали того рокового явления, что воевать России предстоит не с маленькой азиатской страной, а с народом, воспитанным в духе массовой истерии и самоотверженности. Именно в этом заключалась сила Японии, а не в новых крейсерах и линкорах, построенных на английских верфях.

Что могла противопоставить Россия? Этот вопрос Ламсдорф задавал себе много раз.

В низах – еврейские погромы, забастовки рабочих, тайные и не тайные общества, сходки студентов и гимназистов. В верхах – сплетни, дразги, сведение счетов, демократическая демагогия интеллигенции, ставшая чуть ли не признаком хорошего тона, и равнодушие к судьбе России ее сановников.

...К исходу дня в Зимний приехал генерал Куропаткин.

Ламсдорф увидел Куропаткина вместе с Фредериксом, выходя из кабинета Николая II. Государь вызвал его вместе с Витте и долго не отпускал, выясняя, как могло случиться внезапное нападение на эскадру, стоящую на рейде Порт-Артура.

На вопрос Ламсдорфа: «Что еще произошло?» Куропаткин ответил:

– Получено новое сообщение от Алексеева. У берегов Кореи японцы потопили крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» и начали высадку своих войск в Западной Корее...

У Ламсдорфа неприятно засосало под ложечкой.

– Я намерен сегодня же выехать в Харбин, – сказал Куропаткин и тут же поинтересовался. – Премьер еще долго будет у его величества?

Ламсдорф пожал плечами.

– У него тяжелый разговор с государем, – ответил он.

Куропаткин усмехнулся.

– Не мудрено, несмотря на прямое указание государя выделить деньги на оборонное строительство, по-прежнему держит «квантунцев» в черном теле!..

– Я полагаю, он это делает не умышленно, – заметил Ламсдорф.

Куропаткин метнул в его сторону сердитый взгляд.

– А вы знаете, что у него на уме?

– Нет, – ответил Ламсдорф.

– И я не знаю, милостивый сударь!.. И никто не знает!..

Ламсдорф не стал возражать. При Дворе уже давно ходили разговоры о том, что Витте попал в опалу за то, что часто в пример приводил правление Александра II, целью жизни которого было строительство России не для сильных, а России для слабых, и, таким образом, слабые делались сильными, а вся империя – великой.

Немилость государя по отношению к Витте стала заметна особенно после того, когда Плеве, будучи еще министром внутренних дел, принес Николаю II донос на главу Правительства и копию письма Витте без адреса. В письме Витте утверждал о необходимости уступок гражданскому обществу и привлечения его к сотрудничеству с Правительством.

Все, кто знал об этом, решили: на этот раз Витте несдобровать, но, на удивление Двора, Витте остался на своем посту премьера.

Видимо, Николай II помнил заслуги Витте в успешном строительстве транссибирской железной дороги и в проведении денежной реформы 1897 года, которая заметно улучшила экономическое положение России.

Что касалось самого Ламсдорфа, то он никогда не доверял Витте и старался решать все вопросы через государя.

В ноябре прошлого года Ламсдорф оказался свидетелем одного разговора государя с Витте.

Ламсдорф был приглашен к Николаю II, когда у него уже был Витте.

Государь, это случалось с ним очень редко, раздраженно упрекал премьера за то, что он не видит различия между властью и мужиком. И что его утверждение о революциях, возникающих по причине невнимания власти к нуждам народа, является домислом без веских на то оснований.

Ламсдорф тогда в душе посочувствовал Витте. Он и сам был склонен думать, что Витте в чем-то прав. Задача любой власти, по его мнению, заключалась не в создании рая на земле, а хотя бы в том, чтобы не допустить ада на ней.

...Когда за окнами кабинета Ламсдорфа уже начали сгущаться фиолетовые сумерки и он решил ехать домой, секретарь доложил, что приехал Столыпин и просит его принять.

Столыпина Ламсдорф знал давно как сторонника твердой руки. Столыпин не признавал либерализм, считая его погибельным для России, и неоднократно публично не соглашался с реформами, предлагаемыми правительством Витте.

Дважды Ламсдорф видел Столыпина на приеме у императора после того, как в марте прошлого года Николай II назначил Столыпина губернатором Саратовской губернии. Еще он

знал, что в правительстве Столыпин поддерживал дружеские связи с бывшими своими сослуживцами по министерству внутренних дел, Победоносцевым и Дурново.

Когда Столыпин вошел в кабинет, Ламсдорф поднялся ему навстречу и крепко пожал протянутую руку.

– Прошу вас, милостивый сударь Петр Аркадьевич, проходите. Что вы предпочитаете: чай, коньяк или чай с коньяком? – спросил Ламсдорф, усаживая гостя в черное кожаное кресло рядом с его рабочим столом.

– Благодарю вас, но я и в самом деле не хочу ни того, ни другого, ни третьего. Я прошу у вас прощения за столь поздний визит. Однако в другое время, насколько я знаю, вас не застать на месте.

Ламсдорф в ответ развел руками, давая понять Столыпину, что он в этом не виновен.

– Дел много всегда, а сейчас еще больше...

– Наслышан, – кивнул головой Столыпин и вздохнул. – Но это еще не самое страшное...

Ламсдорф удивленно поднял брови.

– Вы имеете в виду нападение японцев на нашу эскадру?

– Совершенно верно. Самое страшное происходит среди нас, так сказать, под своим носом. Сегодня либеральными идеями увлечены все, кому ни лень. И таких становится все больше и больше, к великому сожалению. Я не против реформ. Но сначала надо навести порядок в России, а затем уже заниматься реформами.

Столыпин при этих словах внимательно посмотрел на Ламсдорфа, однако тот промолчал. Ламсдорф еще не мог понять причины, которая привела в его кабинет Столыпина.

– ...Для любого преобразования, – продолжил Столыпин, – необходима сильная власть. Если она слабая или бездействует, наступает анархия!

Ламсдорф не стерпел и улыбнулся.

– Петр Аркадьевич, под властью вы кого имеете в виду? – поинтересовался он.

– Естественно, Правительство, – ответил тот. – Наше Правительство напугано социалистами и заражено идеями искательства. Однако оно ищет не там, где надо. Скажите, почему мы шарахаемся от земства, как черт от ладана? Земщина – это исконно русское начало, которое может связать по-настоящему преданных земле людей с государственной властью. Именно на земщину необходимо возложить часть государственных обязанностей перед русским народом.

При этих словах Столыпина Ламсдорф энергично запротестовал.

– Петр Аркадьевич, извините, но вы не правы! Вы, наверное, наслышаны о господине Герцене и его скандальных статьях? Насколько я понимаю, он тоже утверждает, что община спасла русский народ от монгольского варварства и спасет от императорской цивилизации. Позвольте спросить вас, разве земщина, о которой вы говорите, не является общиной?

– Нет, милостивый сударь, не является! Я знаком с идеями господина Герцена. Община, о которой поведал нам Герцен, должна представлять собой зародыш коллективной хозяйственности и административной деятельности. Герцен здесь стоит на позициях славянофилов и социалистов. Земство – это иное понятие...

– Любезный Петр Аркадьевич, – мягко прервал Столыпина Ламсдорф, – тем не менее, все, что вы говорите, похоже на либерализм, против которого вы выступаете...

– Нет! Нет! И нет!.. – горячо возразил Столыпин. – Либералы отрицают самодержавие. И в этом главный их порок! Они настаивают на национализации земли и не хотят видеть в этом гибельность для России. Земщина предусматривает помощь крестьянскому землевладению, в особенности трудолюбивому, коих мы называем солью земли русской, освобождение от стесняющих его условий и в первую очередь дать ему землю в неотъемлемую и наследственную собственность!

Ламсдорф с неподдельным сожалением вздохнул.

– Но государь на это никогда не пойдет, – сказал он. – Его не поймут...

– Кто не поймет? – спросил Столыпин и с неподдельным удивлением взглянул на Ламсдорфа. – Те, кто больше живут в Европе, чем в России? Если мы хотим сохранить самодержавие и сделать Россию еще более могущественной, мы обязаны убедить государя в пользе земщины!

Только теперь Ламсдорф понял причину приезда Столыпина к нему. Но, чтобы еще более убедиться в своей догадке, спросил.

– Петр Аркадьевич, скажите, пожалуйста, только откровенно, зачем вы все это мне рассказываете?

Столыпин немного помолчал, потом, глядя прямо в глаза Ламсдорфу, сказал:

– Я хочу, как и вы, добра для России... Им нужны великие потрясения, а нам с вами нужна великая Россия!..

Глава II

1

Январь был на исходе. Со стороны Желтого моря по-прежнему с утра до вечера дул сырой пронизывающий ветер, принося с собой на берег мокрый снег.

Порт-Артур словно замер, и только с бухты время от времени доносился унылый перезвон корабельных колоколов, да на дорогах, ведущим к деревням Суанцайгоу, Шининцзы и Домагоу, изредка появлялись конные разъезды от кавалерийских застав, выставленных после нападения японских миноносцев на Порт-Артурскую эскадру.

...29 января с утра комендант крепости генерал-лейтенант Стессель вызвал к себе начальника штаба полковника Хвостова и приказал срочно собрать командование крепости на совещание.

Когда Хвостов собрался уже уходить, Стессель поинтересовался:

– Из морского штаба какие-нибудь новости есть?

– Нет, Антон Михайлович, – ответил Хвостов. – Однако, насколько мне известно, командующий эскадрой вице-адмирал Старк распорядился готовиться к выходу к японским берегам.

– Давно бы так, – недовольно заметил Стессель.

К десяти часам в кабинет Стесселя прибыли начальник сухопутной обороны крепости генерал-майор Кондратенко, командиры первого и второго боевых участков Приморского фронта подполковники Стольников и Веприцкий, командиры третьего, четвертого и пятого участков Сухопутного фронта полковники Селлинец, Семенов, Рейс, а также командиры резерва полковники Мурман и Козляковский.

Стессель обвел усталым взглядом собравшихся. Многих он хорошо знал и был уверен в их верности долгу перед царем и богом.

Тревожило Стесселя другое. На 29 января в крепости было закончено строительство лишь незначительной части фортификационных сооружений.

В наиболее подготовленном состоянии находился только Приморский фронт. Однако и здесь из 25 батарей долговременного типа только 6 могли вести эффективный огонь.

На сухопутном фронте положение было сложным. Здесь из 8 стоящих фортов готов был только один. На все усилия генерала Кондратенко убедить Совет Квантунской области выделить деньги на строительство укреплений ответ приходил один – денег нет.

Запланированное два года тому назад строительство укреплений на Большой горе, Орлином гнезде, Горе Дугашань и Угловой даже не начиналось.

Накануне вечером за ужином генерал Кондратенко посетовал на то, что форты крепости слишком близко расположены к городу и порту, поэтому прикрыть их от бомбардировок противником с моря даже полевыми орудиями будет трудно.

Еще большую опасность представляли высоты перед крепостью. В случае захвата их японцы могли поставить на них батареи и вести огонь по городу.

Незащищенными оставались головная часть водопровода, идущего в крепость, и опреснитель воды.

Решение заместника генерала Алексеева выделить крепости дополнительно 110 орудий за счет флота не придало Стесселю уверенности в успехе обороны Порт-Артура. Не хватало и войск в крепости.

На 21 версту сухопутного фронта и почти 9 верст морского побережья в распоряжении командования крепости находилось всего две дивизии...

– ...Господа, я пригласил вас на совещание по важному делу, – начал говорить Стессель, поочередно задерживая короткий взгляд то на одном, то на другом из присутствующих. – Я хочу довести до вас разработанную штабом дислокацию войск крепости, к выполнению которой вы обязаны приступить, начиная с сегодняшнего дня.

Итак. Приморский фронт. Первый участок. Подполковник Стольников. Силами одной роты 27-го стрелкового полка и роты квантунской крепостной артиллерии вы должны занять позицию на Тигровом полуострове от казарм 27-го полка до Тигрового хвоста включительно. Второй участок. Подполковник Веприцкий. Вам надлежит силами одного батальона 10-го стрелкового полка и трех рот квантунской крепостной артиллерии оборонять линию Приморского фронта от Золотой горы до позиций крепостной батареи включительно.

Что касается задач Сухопутного фронта, они уже доведены до начальника сухопутной обороны генерала Кондратенко. – При этих словах Стессель повернулся к Кондратенко. – Роман Исидорович, единственное, о чем прошу вас, обратите внимание на участки обороны в районе первого форта и позиции на холме Панлуншан. – Стессель на мгновение умолк, затем продолжил. – Общий резерв находится в моем распоряжении. Полковнику Мурману с двумя батальонами к исходу дня стать у новых казарм, ближе к форту номер шесть. Полковнику Козляковскому силами батальона из состава 28-го стрелкового полка и квантунской саперной роты стать у церкви.

Конные подразделения в составе охотничьей команды 10-го стрелкового полка и 4-ой сотни Верхнеудинского полка поступают в распоряжение начальника штаба полковника Хвостова. Вопросы есть? – спросил Стессель и сам ответил: – Вопросов нет...

– Есть предложение, Анатолий Михайлович, – сказал, вставая с места, генерал Кондратенко. – Позволите?

Стессель коротко кивнул головой.

– Я предлагаю для усиления наблюдательных застав на побережье выслать дополнительно в районы бухт Сяобиндео, Лунвантан, Тахэ, Голубиной и бухты Десяти Кораблей конные подразделения с орудиями полевого типа. Это обеспечит нам прикрытие фланговых позиций. На всякий случай, – добавил Кондратенко.

Стессель некоторое время молчал, видимо, что-то обдумывая, наконец, произнес:

– Согласен, Роман Исидорович. Вы правы. Я бы не возражал, если бы вы одновременно усилили заставы на маньчжурской дороге. Если больше нет вопросов и предложений, все свободно. Роман Исидорович, вас я прошу задержаться, – попросил Стессель.

Когда они остались вдвоем, Стессель встал и заходил по кабинету, затем тяжело опустился в кресло и вялым голосом продолжил:

– Роман Исидорович, скажите мне, только откровенно, на что мы можем надеяться?.. У нас катастрофически не хватает личного состава, артиллерии, снарядов... Не дай бог, если окажемся еще и без поддержки эскадры. Тогда крепость превратится с огромную западню!..

– Без эскадры мы не останемся, – попытался возразить Кондратенко.

– Роман Исидорович, я не верю Старку! Я бы на месте его величества и одного корабля не дал бы ему под командование...

– Анатолий Михайлович, – мягко прервал Стесселя Кондратенко, – как бы там ни было, нам придется готовиться к осаде вместе...

– Почему к осаде, Роман Исидорович?

Лицо Стесселя даже слегка побагровело от волнения. Кондратенко это заметил и решил не продолжать этот разговор.

– Анатолий Михайлович, если я вам больше не нужен, разрешите идти. Мне необходимо сегодня осмотреть еще укрепления Цзинь-Чжоуской позиции. Полагаю, она может стать одной из ключевых на подступе к крепости...

Стессель обиженно пожал плечами.

– Ну коль так... Не смею вас задерживать, Роман Исидорович.

2

На Цзинь-Чжоускую позицию генерал Кондратенко прибыл во второй половине дня. Его сопровождали инженеры-фортификаторы полковник Третьяков и капитан фон Шварц.

Позиция занимала самый узкий перешеек Квантунского полуострова длиной в четыре версты и оборонялась подразделениями пятого Восточносибирского полка.

Полгода тому назад по настоянию Кондратенко позиция была усилена десятью батареями, одним редутом и четырьмя ракетными батареями с шестнадцатью пусковыми установками. И все же, по мнению Кондратенко, этого было недостаточно для надежного отражения атаки противника. Поэтому 24 января он представил в Совет Квантунской области доклад и проект по укреплению Цзинь-Чжоуской позиции, как одной из важнейших в системе обороны Порт-Артура.

Проект был подготовлен полковником Третьяковым и капитаном фон Шварцем.

В проекте предусматривалось строительство у полотна железной дороги сомкнутого укрепления и ряда траншей, чтобы не допустить прорыва противника по перешейку между оборонительной позицией и заливом Хунуэза и усилить южный фланг позиции между Цзинь-Чжоу и Артуром за счет расположения здесь опорного пункта с тремя батареями орудий полевого типа.

Кондратенко внес и свое предложение по обеспечению устойчивой связью позиции с ближайшими бухтами.

Областной Совет отклонил проект как дорогостоящий. Однако уже 27 января генерал Базилевский приказал Кондратенко срочно приступить к работам по укреплению Цзинь-Чжоуской позиции, не ограничивая себя в средствах.

В Цзинь-Джоу, типичном китайском городке с узкими и грязными улицами, где находился штаб части, Кондратенко и сопровождающих его офицеров встретил командир полка полковник Духовницкий, доложил обстановку и сразу посетовал на то, что в городе появилось в последнее время много китайцев, которых никто не знает.

– Шпионы что ли? – усмехнулся Кондратенко.

– А кто их знает, – ответил командир полка. – На лбу у них не написано.

– Как население отнеслось к нападению японцев на порт-артурскую эскадру? – поинтересовался Кондратенко.

Командир полка пожал плечами.

– Китайцев не поймешь. Японцев они боятся. Нас не любят... Куда прикажете ехать?

– Сначала к железной дороге, – предложил Кондратенко. – Посмотрим, как там идут работы.

Когда они прибыли на место, первое что бросилось в глаза – это пушки на деревянных основаниях вместо бетонных и отсутствие укрытий для артиллеристов и погребов для снарядов.

Кондратенко почувствовал, как гневная волна подкатила к горлу, однако, взяв себя в руки, спросил.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы сделать все как положено?

– Дня три, – ответил командир полка.

– Сутки! – жестко сказал Кондратенко. – Сутки и ни часа больше!

На позиции батареи, которая стояла у залива, Кондратенко подошел к солдатам инженерной роты. Те обивали доской стены капонира для орудия.

– Здравствуйтесь, братцы, – поприветствовал их Кондратенко. – Как живется?

– Как у бога за пазухой, ваше высокоблагородие, – ответил за всех здоровенный солдат и тут же, спохватившись, поспешил представиться. – Рядовой Иванов!

Кондратенко усмехнулся и подумал: «Не из робкого десятка солдат...»

Из опыта он знал – такие и в бою не сдрейфят.

– А как зовут? – поинтересовался Кондратенко, с любопытством разглядывая солдата. Он чем-то напоминал борца, облаченного в шинель, которая стесняла не только его тело, но и душу.

– Иваном, ваше высокоблагородие.

– А по-батюшки?

– Федоровичем...

– Родом откуда, Иван Федорович?

– Алтайские мы, ваше высокоблагородие.

– Если воевать с японцами придется, не сдрейфите?

– Мы-то не сдрейфим. Мы народ простой. Скажут умереть – умрем, а басурман не пропустим.

– Спасибо, – поблагодарил Кондратенко, и тут же поймал себя на мысли, что солдат не договорил главного: они-то не сдрейфят... Лишь бы начальство не сдрейфило...

По дороге к южному опорному пункту Кондратенко вдруг остановил лошадь и, повернувшись к полковнику Третьякову, спросил:

– Помните летом прошлого года мы с вами сопровождали сюда военного министра генерал-адъютанта Куропаткина Алексея Николаевича, когда он приезжал в Порт-Артур с инспекцией? Так вот, по возвращении в Петербург военный министр доложил его величеству императору Николаю, что все укрепления Порт-Артура готовы выдержать осаду любого по численности противника. Я, полагаю, наш военный министр или сам многое здесь не увидел, или не захотел гневить его величество. А напомнил я вам, господа офицеры, об этом потому, что ныне генерал-адъютант Куропаткин назначен Главнокомандующим Маньчжурской армией. С чем вас и поздравляю, – усмехнувшись, добавил Кондратенко.

– Бог даст, может, скоро и увидимся, – в тон ему ответил полковник Третьяков.

Полковник Духовницкий посчитал необходимым промолчать. Зато капитан фон Шварц не сдержался от язвительно замечания.

– Прекрасно! Значит теперь будем бить любого по численности противника... – И обратился к генералу Кондратенко: – Роман Исидорович, в крепости говорили, что во время встречи военного министра с командующим эскадрой вице-адмиралом Старком генерал-адъютант Куропаткин якобы заявил, что войны с Японией не будет, а если хотите с ней воевать, воййте, однако первый выстрел должны сделать японцы. Это верно или нет?

– Я на этой встрече не был, – уклонился от ответа Кондратенко, не желая говорить на эту тему при полковнике Духовницком, которого он практически не знал.

От Стесселя Кондратенко знал, что Куропаткин действительно так заявил, сославшись на точно такое же мнение императора Николая II.

На южном опорном пункте, куда они скоро приехали, работы велись активнее. Здесь вместе со взводом приданной инженерной роты брустверы вокруг батареи возводили не менее сотни солдат полка.

Кондратенко остался доволен.

– Я, конечно, не министр Куропаткин, однако скажу: Молодцы! Тут японцам, если они полезут, будет туго. – И, обращаясь к капитану фон Шварцу, продолжил: – Я попрошу вас взять на контроль организацию телефонной связи позиции с крепостью... – Кондратенко хотел еще что-то сказать, но в это время из-за мыса, прикрывающего бухту со стороны моря, примерно в миле от берега показались черные шлейфы дыма.

Прошло еще некоторое время, и все увидели, как несколько японских миноносцев преследуют легкий крейсер, уходящий в сторону Порт-Артура.

Кондратенко попросил бинокль. Поднес к глазам.

– Господи! Неужто не уйдет? – выдохнул он.

Солдаты, побросав работу, тоже с напряжением вглядывались в море.

– Наверяд ли уйдет, – отозвался полковник Третьяков. – У него скорость меньше...

У Кондратенко неприятно заныло в груди. Он невольно снова вспомнил прошлогодний приезд Куропаткина. Прощаясь, военный министр мельком взглянул на бухту, сказал Стесселю в присутствии офицеров: «Два года назад, даже год тому назад мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура от России и Приамурья. Теперь можно не тревожиться...»

Все это выглядело странным. Кондратенко знал, что накануне командующий эскадрой Старк доложил Куропаткину о том, что бухта не оборудована как база флота. Внутренняя гавань для стоянки кораблей тесна и имеет только один выход в море – мелкий и узкий. Крупные корабли могли выходить в море только во время прилива и при помощи буксиров.

Тем временем расстояние между японскими миноносцами и легким крейсером сократилось уже настолько, что японцы в любую минуту могли открыть по крейсеру огонь, если, конечно, не задумали захватить его или расстрелять наверняка с близкого расстояния.

И вдруг по всей позиции грянуло «Ура!». Кондратенко не сразу понял, что произошло. Он внимательно наблюдал в бинокль за японскими миноносцами и увидел, что практически наперерез японским кораблям стремительно шел большой бронированный крейсер с андреевским флагом на мачте.

Кондратенко направил бинокль в сторону большого крейсера и по его очертаниям узнал «Новик», самый быстроходный корабль на флоте.

Японцы тут же открыли по нему огонь. Через минуту и с «Новика» в ответ ударили носовые орудия. Затем крейсер, не снижая скорости, стал разворачиваться, и громыхнули его тяжелые бортовые пушки.

На какое-то мгновение «Новик» оказался среди сплошных разрывов японских снарядов. Они рвались слева и справа от него, поднимая огромные султаны воды.

«Новик» сделал еще один маневр, чтобы выйти из-под прицельного огня японских орудий.

Канонада росла с каждой минутой.

Солдаты на позиции, наблюдающие за боем в море, то замирали, когда японские снаряды ложились прямо у борта «Новика», то взрывались криками «Ура!», когда крейсер уходил из-под огня.

Кондратенко и сам закричал «Ура!.. Молодцы, ребята!», увидев, как на флагманском японском миноносце рванулся к небу огромный столб огня. Не прошло и минуты, как густо задымил еще один миноносец. Японские корабли тут же прекратили огонь, затем стали разворачиваться и уходить в море.

3

...Уже стемнело, когда на перекрестке двух дорог, под самым городом, Кондратенко и едущих с ним офицеров остановил казачий разъезд.

Есаул, старший разъезда, предупредил:

– Ваше высокоблагородие, будьте осторожны. Недалеко от города появилась китайская банда. Может, вас сопроводить?

– Спасибо. Нет необходимости, – ответил Кондратенко. – До города осталось совсем ничего.

Появление китайских банд в окрестностях Порт-Артура было обычным явлением. От нескольких человек до нескольких десятков банды постоянно действовали на дорогах. Однако на военных не нападали, и поэтому командование крепости не очень волновало их появление.

Когда отъехали от казачьего разъезда на сотню шагов, капитан фон Шварц спросил:

– А может, это японцы?

– Навряд ли, – ответил полковник Третьяков. – Японцы – шпионят, а эти грабят на дорогах...

Третьяков не успел договорить. Из-за валунов справа от дороги хлестко ударил выстрел. За ним второй, третий... Капитан фон Шварц охнул, схватился за плечо и стал сползать с коня.

Одна из пуль пролетела над самой головой Кондратенко, зацепив папаху. И Кондратенко, и Третьяков спрыгнули с коней на дорогу и залегли. Капитан фон Шварц сидел на земле и держался за плечо.

– Ложитесь, капитан! – приказал Кондратенко. – Умирать не было приказа!

В это время со стороны перекрестка послышалось гиканье, свист и конный топот. Это казачий разъезд, слышав перестрелку, поспешил на помощь.

Несколько казаков отделились от разъезда и поскакали в обход валунов.

Через несколько минут подъехали остальные. Есаул спрыгнул с коня и подбежал к Кондратенко.

– Целы, ваше высокоблагородие?

– Капитан ранен, – ответил Кондратенко. – Помогите ему...

– Это мы мигом. Расторгую! – крикнул есаул. – Давай сюда со своей аптекой!

Пока капитана фон Шварца перевязывали, есаул в сердцах, забыв о том, что перед ним генерал, выговаривал:

– Я же вам сказал. Так можно и жизни лишиться не за понюх табака!..

– Бывает и на старуху проруха, – усмехнулся Кондратенко. – А вот за помощь спасибо.

Вскоре вернулись казаки, которые поскакали в обход валунов.

– Пусто, – доложили они. – За валунами низина. По ней, видать, и ушли.

...С генералом Стесселем Кондратенко встретился на следующий день в штабе крепости. Здесь уже шло жаркое обсуждение вчерашнего боя крейсера «Новик» с японскими миноносцами.

Оказывается «Новик» получил приказ выйти вслед за легким крейсером «Боярином» на разведку. Исполнив приказ, и в полной уверенности, что неприятеля поблизости нет, «Новик» стал возвращаться в Порт-Артур, и вдруг наблюдатели увидели «Боярина», который держал сигнал о приближении японских кораблей.

Капитан «Новика», не раздумывая, принял решение атаковать японские миноносцы, пользуясь своим превосходством в скорости – 24,5 узла, и дать «Боярину» уйти к Порт-Артуру.

Потеряв два миноносца, японцы прекратили бой.

Однако и «Новик» вернулся в Порт-Артур с пробоиной в кормовой части.

Расспросив генерала Кондратенко о его поездке на позицию, Стессель, вдруг помрачнев, сказал:

– ...Еще совсем недавно Российской империи принадлежало все Тихоокеанское побережье, омываемое Баренцевым, Охотским и Японским морями, Аляска, Алеутские и Курильские острова. И никому там, – Стессель указательным пальцем показал вверх, – и в голову не приходило, что все это необходимо беречь. И вот результат... Приамурье – ушло к Китаю, Курилы – отдали японцам, Аляску и Алеутские острова вместе с русскими поселенцами продали американцам. Теперь на очереди Маньчжурия... Разве не было ясно, что после подписания в 1895 году Симосекского договора, по которому японцы заполучили от Китая Формозу, Пескадорские острова и Ляодунский полуостров, они не останутся. А их союз с Англией

о создании соединенных морских сил? А закон о всеобщей воинской повинности? А открытие сотен военных школ с привлечением в них для преподавания военного дела немецких и английских инструкторов? Неужели все это не беспокоило тех, кому его величество император Николай доверил повелевать, а значит нести и ответственность?..

Кондратенко внимательно слушал длинный монолог Стесселя и старался понять, кого он винит? Государевы земли продали не генералы. Задача генералов завоевывать и отстаивать. Большого им не дозволено. А вот насчет Японии Стессель прав. На японцев из Петербурга смотрели свысока, как порой взрослые смотрят на бойких детишек, не задумываясь над тем, что из бойких детишек вырастают бойкие взрослые...

– ...У нас здесь был неплохой союзник – Китай. И тот мы умудрились потерять в 1897 году, когда китайское правительство обратилось к нам за помощью по поводу захвата немцами порта Циндао, – продолжал говорить Стессель. – Что мы им ответили? В декабре того же года наши корабли вошли на рейды Порт-Артура и Талиенваня без согласия Китая и остались там зимовать...

– Милостивый сударь, Анатолий Михайлович, – мягко прервал Стесселя Кондратенко. – Китай сам и добровольно подписал с нами конвенцию о передачи в аренду на 25 лет Порт-Артура...

– Конечно, конечно! И Квантунский полуостров, и острова Элиот, Бланд, Санташантао, Роунд, Мурчисан и другие. Это китайцы назвали все Квантунской областью и включили ее в состав Российской империи! – с нескрываемой иронией ответил Стессель на возражение генерала Кондратенко. – Дело в другом, – продолжил он. – Россия все больше и больше становится бельмом в глазу мирового сообщества. А что мы предпринимали в ответ? Ровным счетом ничего!..

Откровенность, с которой говорил Стессель, была не свойственна его натуре, и потому Кондратенко терялся в догадках: что заставляет идти его на такой разговор.

Скорее всего, это был нервный срыв человека, теряющего под собой привычную опору, решил, наконец, он.

Стессель, по мнению Кондратенко, был чем-то похож на Куропаткина. В сердцах Кондратенко называл их «свадебными генералами», внешне преданными его императорскому величеству, но в душе им было наплевать на все, что не касалось их лично.

– Меня очень беспокоит одно обстоятельство, Роман Исидорович, – продолжил говорить Стессель, ободренный тем, что Кондратенко внимательно его слушал. – Выдержим ли мы, если случится, как вы сказали, штурм крепости?.. – И перехватив на себе слегка удивленный взгляд Кондратенко, спешно добавил: – Казематированных помещений в крепости нет! Нет даже круговой дороги для скорого маневра внутри крепости!.. Нет проводного сообщения между позициями и фортами!.. Сколько я об этом ни говорил, ни писал генералу Алексею – все впустую.

Стессель умолк и с тяжелым вздохом, в котором послышалось отчаяние, отошел к окну. Кондратенко на какое-то мгновение даже стало жалко Стесселя.

«В конце концов, – подумал он, – Стессель не хуже и не лучше многих других». А вслух произнес:

– Ну что ж, Анатолий Михайлович, если дойдет дело до штурма, будем защищаться тем, что есть. На то воля божья...

– Если бы только божья, – не оборачиваясь к Кондратенко, возразил Стессель.

4

В госпиталь, проведать капитана фон Шварца, Кондратенко заехал в конце дня и застал в палате доктора, с которым капитан фон Шварц спорил, не сдерживая гнева.

– Что случилось? – поинтересовался Кондратенко, догадавшись по обрывкам услышанных фраз, о чем идет спор.

– Ваше высокоблагородие... Роман Исидорович! – взмолился доктор. – Раненый не хочет лежать в госпитале. Грозится самовольно уйти. Я буду вынужден написать об этом рапорт!..

Кондратенко успокоил доктора, затем обратился к капитану фон Шварцу.

– Вы почему не хотите лечиться? – с напускной строгостью спросил он. – Почему доктор должен за вас беспокоиться?

– Ваше высокоблагородие, – капитан умоляюще скрестил на груди руки. – Я уже здоров. Вы же сами дали мне поручение... Руки, ноги – все целое!..

Кондратенко не выдержал, улыбнулся.

– Николай Петрович, успокойтесь. Поручение уже выполняется. А вот доктор прав. – И, обернувшись к доктору, спросил: – Что у него?

– Пуля прошла навывлет, кость не повреждена, но лежать ему надо не меньше недели...

– Не могу я лежать, доктор! Не могу! Роман Исидорович, скажите ему!

Кондратенко развел руками, призывая эти жестом к миру обе стороны.

– Вы оба правы, – сказал он. – Однако, Николай Петрович, на войне нужны здоровые люди. Придется вам, батенька мой, подчиниться доктору.

Уже на выходе из госпиталя, прощаясь с доктором, поинтересовался у него, сколько раненых в госпитале.

– С пулевыми ранениями один ваш капитан. Двенадцать получили увечья и ранения по неосторожности во время проведения различных работ, – ответил тот и добавил: – А вот в морском много...

– Это я знаю...

– Роман Исидорович, – доктор как-то пристально посмотрел на Кондратенко. – А нельзя было избежать всего этого?

Кондратенко слегка пожал плечами.

– Войны начинают не генералы, а политики. Это у них надо спросить.

Доктор привычным движением поправил пенсне.

– Я не разбираюсь в делах политиков. Я просто вижу, что происходит, и знаю, чем это закончится...

– Чем? – не удержался от вопроса Кондратенко.

– Бедой...

– Мой дорогой доктор, – грустно усмехнулся Кондратенко, – любая война – малая или большая – это беда. И так было испокон веков. Прощайте, доктор. А капитана фон Шварца постарайтесь подлечить побыстрее. Он мне очень нужен.

В штабе Кондратенко уже дожидался вестовой от командира крепости генерала Стесселя.

– Ваше высокоблагородие, – обратился вестовой к Кондратенко, – вас срочно просят прибыть к коменданту крепости.

Отпустив вестового, Кондратенко поинтересовался у поручика Гриневича исполняющего должность начальника штаба сухопутной обороны крепости:

– Не знаете, что у них там случилось?

– Вестовой не сказал, Роман Исидорович...

– Придется ехать, – с явной неохотой произнес Кондратенко.

... В кабинете Стесселя Кондратенко застал начальника штаба крепости полковника Хвостова, а спустя минуту вошли командиры пяти участков Приморского и Сухопутного фронтов.

– Господа, – начал Стессель. – Я только что получил телеграмму от наместника генерала Алексеева. Он сообщает, что японцы начали сосредотачивать крупные сухопутные силы в Корее на рубеже реки Ялу с целью вторжения на территорию Южной Маньчжурии.

Одновременно наместник доводит до нашего сведения, что в районе Ляолян-Хайчен начато формирование нашего отряда войск в составе пехотной и казачьей бригад, артдивизиона и саперной роты для выдвижения войск на реку Ялу. И получено, наконец, разрешение из Петербурга на выход нашего флота в море для противодействия высадке японцев в Чемульпо.

Стессель умолк и выжидающе посмотрел на собравшихся командиров.

– Час от часу не легче, – отозвался Кондратенко в наступившей тишине.

Стессель слегка кивнул головой.

– Теперь, господа, – продолжил он, – все будет зависеть от того перейдут японцы разделительную линию к северу от тридцать восьмой параллели или нет... Если перейдут, надо готовиться к осаде с суши. Роман Исидорович, – обратился Стессель к Кондратенко, – на вас теперь ляжет вся полнота ответственности за готовность сухопутной обороны...

Пока он говорил, в памяти Кондратенко невольно всплывали события последнего времени.

...В начале января наместник генерал Алексеев, по настоянию Совета Квантунской области, обратился к Николаю II с просьбой разрешить мобилизацию войск на Дальнем Востоке. Через две недели пришло разрешение на объявление военного положения только в крепостях Порт-Артур и Владивосток.

15 января Алексеев вновь обратился в Петербург и повторно потребовал разрешить провести мобилизацию и переброску войск в районы плановых сосредоточений. Ответ так и не пришел...

Завербованные китайские лазутчики тем временем доносили, что японцы перебрасывают воинские части на Цусиму и в крепость Хакодате, а в районе порта Сасебо сосредотачивают морские транспорты.

«Интересно, зачем он сказал о полноте ответственности за сухопутную оборону? – машинально подумал Кондратенко. – Я и так отвечаю за нее по долгу службы, и никто более... Неужели струсил, милостивый сударь?..»

Он поднял голову и внимательно посмотрел на Стесселя, надеясь увидеть на его лице следы испуга или растерянности. Однако Стессель был спокоен и держался ровно.

«Значит, я или ошибся, – снова подумал Кондратенко, – или Стессель решил подстраховаться...»

– Как у нас обстоят дела на Приморском фронте? – обратился тем временем Стессель к полковнику Хвостову.

– Все по плану, Анатолий Михайлович, – ответил тот. – Выделенные подразделения заняли свои рубежи. На Тигровом полуострове практически все готово. На Крестовые батареи заканчивают завозить снаряды, но их недостаточно. Вот если бы флот помог...

И полковник Хвостов посмотрел на генерала Кондратенко.

Стессель усмехнулся.

– Роман Исидорович, только у вас с морским штабом прекрасные отношения. Я, полагаю, полковник Хвостов на это нам намекает.

– Хорошо, Анатолий Михайлович, я поговорю с контр-адмиралом Витгефтом, – ответил Кондратенко. – Только я ничего не обещаю...

В эту минуту со стороны гавани прогремел взрыв такой силы, что задребезжали стекла в окнах. Стессель побледнел и попросил всех сидеть на местах. Полковнику Хвостову приказал:

– Узнайте, что там произошло.

Хвостов вышел, и в кабинете сразу наступила напряженная тишина. Было даже слышно, как за окнами кто-то пробежал. Потом в гавани завывла сирена.

Вернулся полковник Хвостов скоро.

– На входе в гавань подорвался на японской мине наш легкий крейсер, – доложил он. – Идут спасательные работы...

– Вот беда-то какая! – произнес Стессель и перекрестился. – Господа, все свободны.

...Из своего штаба по телефонной линии Кондратенко связался с контр-адмиралом Витгефтом и расспросил о случившемся. Со слов Витгефта понял: крейсер подорвался на мине, возвращаясь из разведки. Витгефт также сообщил, что получены сведения о выходе в море японского объединенного флота под командованием адмирала Того. Один отряд из 10 кораблей взял курс на Порт-Артур, другой – из 6 кораблей движется в направлении Тялиенвана. И третий – из 2 крейсеров и 4 миноносцев направляется к островам Элиот.

Выслушав Витгефта, Кондратенко решил отложить разговор о помощи снарядами до лучшего случая.

На памяти еще была нелепая трагедия, разыгравшаяся на рейде в ночь с 26 на 27 января.

Кондратенко был уверен – этого бы не случилось, если бы командование флотом не было так благодушно.

Буквально за несколько часов до нападения японских миноносцев на эскадру на флагманском броненосце «Петропавловск» командующий эскадрой вице-адмирал Старк на совещании командиров заверил всех, что войны не будет.

Вся эскадра в эту ночь стояла тесно на внешнем рейде, освещенная корабельными прожекторами.

Дежурные крейсера «Аскольд» и «Диана» вместо того, чтобы быть в море, тоже стояли на рейде...

За одни сутки флот потерял два броненосца, крейсера «Полтава», «Варяг» и канонерку «Кореец».

Среди офицеров крепости сразу пошли разговоры, что надеяться на порт-артурскую эскадру нельзя до тех пор, пока командовать ею будет вице-адмирал Старк.

Кондратенко вдруг вспомнил, что на днях Стессель говорил о якобы уже имеющемся решении императора Николая II назначить командующим Тихоокеанским флотом адмирала Макарова с местом пребывания в Порт-Артуре. Однако насколько это было верным, никто не знал.

Сообщение Витгефта о выходе в море японского объединенного флота, как ни странно, успокаивающе подействовало на Кондратенко. Все становилось на свои места. Хотя в глубине души он не мог до сих пор примириться с мыслью, что это уже война, хотя и не объявленная.

Передав тут же Стесселю сообщение Витгефта о выходе в море большого японского флота, Кондратенко выехал на третий участок обороны к полковнику Селлинену. Этот участок представлял собой целый ряд укреплений и опорных пунктов с двумя батареями морских орудий.

Осмотрев участок обороны, Кондратенко посоветовал полковнику Селлинену:

– Блиндажи у вас полевого типа. От тяжелых снарядов не защита. Бревна накатывайте сверху не менее чем в три ряда.

Возле одного из блиндажей поинтересовался у солдат саперной роты:

– Ну что, братцы, не мерзнете?

– Не мерзнем, ваше высокоблагородие, – ответили ему.

– Видать, скоро совсем жарко будет...

По словам и по тону как они были сказаны Кондратенко понял – растерянности и уныния нет.

«Вот и слава богу, – подумал он. – Солдат не должен бояться. Иначе он умрет до смерти...»

5

К исходу дня по всей крепости Стессель приказал объявить повышенную готовность. Полковника Хвостова попросил докладывать ему о любых сведениях, которые будут поступать от разъездов и лазутчиков.

Несколько раз спрашивал сам, заходя к Хвостову в кабинет:

– Что нового?

Полковник Хвостов неизменно отвечал одно и то же:

– Пока ничего нового нет, Анатолий Михайлович. Я вам сразу доложу...

– Ну, хорошо... Я буду у себя.

Вернувшись в свой кабинет, Стессель некоторое время ходил взад и вперед, садился за стол. Наконец взял телефонный аппарат и приказал соединить его с командиром резерва полковником Мурманом.

Когда услышал в трубке его голос, спросил:

– Как у вас дела?.. Нормально?.. Я вот о чем вас попрошу. Направьте в бухту Сяобиндао роту с хорошим командиром. Да... да... На случай десанта. И по два взвода в бухты Лунвантан и Тахэ. И организуйте с ними связь.

Положил трубку и сразу как-то успокоился.

За окнами уже наплывали темно-фиолетовые сумерки, когда к нему зашел дежурный офицер связи и протянул телеграмму от заместителя. Генерал Алексеев сообщал, что в ближайшее время в Порт-Артур прибудет Главнокомандующий Маньчжурской Армией генерал-адъютант Куропаткин.

Стессель досадливо поморщился. Приезд Куропаткина в Порт-Артур ничего кроме лишних хлопот не даст.

В то же время у Стесселя не было причин обижаться на Куропаткина. Его прошлогодняя инспекция и доклад императору о готовности Порт-Артура к серьезной осаде противником только укрепил авторитет Стесселя как коменданта крепости в глазах Николая. Все остальное было поправимо. Любая война, какая бы она не была, всегда вносила коррективы в планы и генералов и царедворцев. В этом Стессель был уверен.

...Первое сообщение о появлении японских кораблей на расстоянии видимости от берега Тигрового полуострова Стессель получил от полковника Стольникова на следующий день в 8 утра.

Через полчаса об этом поступила информация и от контр-адмирала Витгефта.

– ...Принято решение дать бой на внешнем рейде Порт-Артура, – сказал он Стесселю под конец разговора.

Не прошло и часа, как со стороны моря прогремел первый залп.

Стессель торопливо накинул на плечи шинель, схватил бинокль и выбежал на крыльцо здания штаба. Он увидел, как два дозорных броненосца вели огонь по приближающимся пяти японским быстроходным миноносцам.

Снаряды с броненосцев то недолетали, то перелетали цели.

И вдруг в тот момент, когда миноносцы стали делать разворот для атаки, на одном из них в районе кормы взметнулся к небу султан огня.

У Стесселя даже перехватило дыхание.

– Молодцы! – услышал Стессель за своей спиной голос полковника Хвостова. Тот в бинокль тоже наблюдал за боем.

– Действительно молодцы! – согласился Стессель. – Вот так бы каждый раз!..

Через несколько минут задымил и окутался густым паром еще один японский миноносец.

Оставшиеся три миноносца стали разворачиваться и уходить, увеличив скорость, под прикрытие основной группы своих кораблей, которые медленно приближались к рейду Порт-Артура.

– Для начала неплохо, – сказал Стессель. – Что будет дальше...

В это время на крыльце появился дежурный по штабу офицер и доложил Стесселю, что его требует к телеграфному аппарату генерал Алексеев.

Стессель чертыхнулся про себя. «Нашел время для разговоров!»... – подумал он и направился в аппаратную.

Доложив, что он у аппарата, Стессель стал читать текст на медленно ползущей ленте.

Наместник сообщал, что на рубеже реки Ялу складывается обстановка не в пользу выдвинутого туда отряда. Возможен отход с целью занятия более выгодного рубежа обороны. В силу этого Алексеев требовал ускорить оборонительные работы по укреплению Порт-Артура с суши.

Тем временем гул артиллерийской канонады с моря нарастал с каждой минутой, и Стессель решил ехать на командный пункт, который находился на Электрическом утесе, но вдруг передумал.

Походив бессмысленно по кабинету, он снова взял бинокль и направился на крыльцо.

– Что там у них? – Стессель кивнул в сторону рейда.

– Сдается мне, японцы собираются уходить, – ответил Хвостов.

– Ну, и слава богу! – с облегчением вздохнул Стессель. – Ни город, ни наши позиции не бомбили?

– Нет, Анатолий Михайлович, – ответил Хвостов. – Расстояние большое...

Хвостов оказался прав. Через несколько минут канонада оборвалась, и сразу наступила звенящая тишина, которая не приносит облегчения.

Японские корабли уходили от Порт-Артура в море, заволакивая низкий горизонт густым черным дымом.

Вскоро в штаб приехал генерал Кондратенко.

Стессель показал ему телеграфную ленту с текстом разговора с Алексеевым.

Кондратенко молча прочитал.

– Что скажете, Роман Исидорович?

– Что я могу сказать... Плохо. Отвод войск с рубежа реки Ялу означает, что мы начинаем отступать. Как бы это не вошло в дурную привычку... – добавил он.

Стессель прищурил глаза и внимательно посмотрел на Кондратенко.

– Вы серьезно так думаете?

– Серьезно, Анатолий Михайлович. Превосходство японцев в силах будет везде, однако это не должно означать, что мы должны повсеместно отступать. Я не знаю, кто там принимает решения: Алексеев или Куропаткин, но в любом случае им должно быть ясно – отступая к северу, они открывают дорогу японцам на Порт-Артур...

6

К концу дня поручик Гриневич, докладывая Кондратенко обо всем, что произошло за сутки на сухопутном фронте обороны, вдруг сказал:

– Роман Исидорович, капитан фон Шварц прибыл на службу...

– Где он? – спросил Кондратенко.

– У меня в кабинете...

– Бойтся ко мне зайти?

– Попросил доложить вам...

Кондратенко усмехнулся.

– Хорошо. Пусть зайдет ко мне.

Когда капитан фон Шварц вошел в кабинет, Кондратенко, не дав ему представиться, с напускной строгостью спросил:

– Сбежали, батенька мой?..

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – ответил капитан. – Доктор выписал...

Кондратенко недоверчиво покачал головой.

– За три дня такие раны не лечатся. Ну хорошо... Проверять я не буду. Но при одном условии. Будете пока находиться при штабе.

– Есть находиться при штабе!

– Идите, но помните, что я вам сказал, – все с той же напускной строгостью продолжил Кондратенко.

Капитан фон Шварц козырнул, круто повернулся и вышел из кабинета.

«Мальчишка, – по доброму подумал о нем Кондратенко. – А все же молодец!..»

Оставшись один, он развернул на столе схему линии сухопутной обороны. Что-то уже успели доделать. Однако не готовы были укрепления в районе фортов третьего, четвертого и пятого. На высотах Тыловая, Соборная, Скалистый кряж еще шло строительство редутов первой и второй линии обороны.

На душе у Кондратенко становилось тревожно и досадно оттого, что не делалось годами, теперь надо было возвести за считанные дни...

От неприятных размышлений Кондратенко отвлек приход поручика Гриневича.

– Роман Исидорович, на ваше имя пришла срочная телеграмма из Совета Квантунской области с требованием доложить о готовности обороны крепости...

Кондратенко с недоумением посмотрел на Гриневича.

– Николай Петрович, я не комендант крепости, – сказал он. – Я начальник сухопутной обороны.

– Роман Исидорович, телеграмма на ваше имя...

– Сообщите о ней генералу Стесселю и, если он не станет возражать, подготовьте доклад.

– Будет сделано, Роман Исидорович, – ответил Гриневич и, усмехнувшись, добавил. – В штабе генерала Стесселя не любят готовить доклады. Возражать они не станут.

Проводив Гриневича взглядом до двери, Кондратенко потянулся к телефонному аппарату, чтобы связаться со Стесселем и самому сообщить о телеграмме из областного Совета, но в последнее мгновение раздумал.

«Гриневич доложит, – подумал он. – Пусть сами разбираются с областным Советом».

С «квантунцами», так про себя Кондратенко называл Совет, он не ладил. Все его попытки обратить внимание Совета на положение Порт-Артура и на необходимость перевооружения крепости наталкивались на один и тот же ответ: нет денег. Генерал Базилевский даже как-то сказал Кондратенко: «Роман Исидорович, не осложняй ситуацию. С кем ты собрался воевать? С японцами? Да мы их одним щелчком уничтожим!»

В Петербурге тоже не замечали, что с 1868 года Япония стала другой страной.

Объявив войну Китаю, японцы в 1895 году потребовали у Китая огромных территориальных уступок, и только вмешательство России, Германии и Англии остудили пыл японских генералов. Но не на долго. Главным препятствием в осуществлении японских планов стала Россия. И в Токио это понимали.

...Время подходило к полудню, когда со стороны бухты трижды прерывисто раздался вой сирены.

Кондратенко прислушался, однако вой сирены не повторился.

Он поднял телефонную трубку и попросил соединить его с контр-адмиралом Старком.

– У вас тревога? – спросил Кондратенко.

– Нет, Роман Исидорович, это эскадра готовится к выходу в море.

- Если не секрет, далеко?
- Не очень, – уклончиво ответил Старк.

Через три дня Кондратенко узнал от поручика Гриневича о подробностях похода эскадры к северному побережью Японии. Уже на подходе к Японским берегам эскадра потопила японский дозорный эскадренный миноносец и перехватила транспортное судно под английским флагом с артиллерийскими снарядами, которое шло в Японию из Ливерпуля.

Перед рассветом эскадра вернулась в Порт-Артур без потерь.

7

После набега порт-артурской эскадры на северное побережье Японии до середины февраля на море воцарилось относительное затишье. За это время японские миноносцы только трижды появлялись в районе Порт-Артура, однако сторожевые корабли эскадры успешно отражали их атаки.

Не удалось попытки японцев в ночное время затопить на фарватере порт-артурской бухты транспортные суда с целью закупорить эскадру в бухте.

В полном составе порт-артурская эскадра выходила в море один раз для встречного боя с отрядом японских кораблей. И все это время в крепости не прекращались разговоры о замене вице-адмирала Старка адмиралом Макаровым.

...17 февраля за обедом Стессель сказал Кондратенко:

– Роман Исидорович, а ведь разговоры о назначении адмирала Макарова командующим Тихоокеанским флотом подтвердились. Час назад я получил телеграмму от наместника. Не сегодня – завтра Макаров выезжает из Москвы к нам со своим штабом и группой путиловских и обуховских рабочих.

– А рабочие-то зачем? – поинтересовался Кондратенко.

– Наверное, ремонтники корабельные.

– А как же Старк?..

Стессель скептически усмехнулся.

– Роман Исидорович, о чем вы?.. В России он без службы не останется...

О новом Командующем флотом больше не вспоминали. О нем снова заговорили только 24 февраля, когда адмирал Макаров рано утром прибыл в Порт-Артур и поднял свой флаг на крейсере «Аскольд».

В этот же день, вопреки устоявшимся правилам приглашать командиров кораблей на прием, новый Командующий сам побывал на всех кораблях и познакомился с матросами.

Порт-артурская эскадра к этому времени состояла из 5 броненосцев, 1-го бронированного крейсера, 3 легких крейсеров и 24 эскадренных миноносцев.

Против нее в Желтом море японцы сосредоточили флот из 86 кораблей, большая часть которых была новейшей постройки.

...В штаб крепости Макаров прибыл на второй день.

– Адмирал Макаров, – просто представился он собравшемуся в кабинете Стесселя командованию крепости.

Когда Стессель закончил представлять Макарову командование крепости, заместитель Стесселя генерал Смирнов, обращаясь к Макарову, спросил:

– Степан Осипович, говорят, что командующий японским флотом адмирал Того когда ложится спать, под подушку кладет вашу книгу о тактике морских сражений. Что вы на это скажете?

Макаров усмехнулся.

– Если это правда, – ответил он, – мне будет легче с ним воевать. Ибо действовать он станет по моим правилам...

Пока Макаров отвечал на вопросы офицеров, Кондратенко внимательно присматривался к новому Командующему флотом.

«Уж больно прост, – подумал он о Макарове, зная в то же время, что первое впечатление о человеке зачастую бывает обманчивым. – Однако, молодец».

За ужином, который состоялся сразу после знакомства, Стессель, поднимая бокал шампанского в честь адмирала Макарова, не удержался от вопроса:

– Степан Осипович, скажите, пожалуйста, можно было избежать трагедии, которая произошла здесь в ночь с 26 на 27 января?

Макаров слегка задумался.

– Можно, Анатолий Михайлович, – наконец, сказал Макаров. – За двое суток до нападения японцев на эскадру я подал управляющему морским министерством адмиралу Авеляну рапорт, в котором предлагал убирать эскадру Порт-Артура на ночь с внешнего рейда в гавань с обеспечением дозорной службы в море.

Однако мой рапорт с резолюцией «доложить его величеству» попал почему-то не к императору Николаю II, а в архив. Это мне стало доподлинно известно перед отъездом в Порт-Артур.

Макаров умолк, и за столом снова воцарилась неловкая тишина. Молчание нарушил Стессель.

– Я предлагаю, господа, выпить за русского моряка адмирала Макарова Степана Осиповича, за удачу ему на море, за славу российского флота!

Ужин проходил шумно, однако длился не долго. Когда адмирал Макаров уехал, Стессель попросил зайти к нему в кабинет генералов Смирнова и Кондратенко.

– Что скажете о новом Командующем флотом? – поинтересовался он.

– Поживем – увидим, Анатолий Михайлович, – сдержанно ответил Кондратенко.

– А вы? – обратился Стессель к Смирнову.

– Внешне производит хорошее впечатление. А остальное, как сказал Роман Исидорович – увидим... Тем более, что до этого у нас с флотскими отношения были довольно не простые...

Стессель усмехнулся.

– Я вижу вы оба дипломаты. А теперь послушайте мое мнение. Адмирал Макаров, несмотря на открытую неприязнь к нему со стороны морского ведомства, в котором сидят люди не по заслугам, а по родству, пользуется благосклонностью его величества Николая II. Макаров действительно один из лучших русских моряков, и он добился уважения в сражениях на море, а не в кабинетах.

Ни Кондратенко, ни Смирнов не стали возражать. Время было позднее, и пора уже было разъезжаться по квартирам.

С моря напал холодный низкий туман. Оседая на деревья, крыши домов и камни, он превращался в серебристые иголки, которые звенели даже при легком прикосновении к ним.

Над гаванью туман был еще плотнее. Силуэты кораблей растворились в молочной мгле, и если бы не свет дежурных корабельных прожекторов, освещающих вход в гавань, можно было бы подумать, что и в гавани, и на пирсе все вымерло.

...Ночью Кондратенко разбудил торопливый стук в дверь.

Ординарец пошел открывать. По голосам в коридоре Кондратенко догадался: что-то произошло.

Одевшись, он тоже вошел в коридор.

– Что случилось? – спросил он у незнакомого казачьего офицера.

Тот представился.

– Есаул Воронов, командир четвертой сотни Верхнеудинского полка. Ваше высокоблагородие, на квартире убит ваш начальник штаба поручик Гриневиц. Генерал Смирнов приказал срочно доложить вам об этом...

8

Приезд Главнокомандующего Маньчжурской армией генерал-адъютанта Куропаткина в Порт-Артур выпал на первое число марта.

В этот день с утра шел густой снег, затем усилился ветер, разогнал низкую облачность, и к полудню на западной стороне, чуть выше сопок, проглянуло холодное солнце.

От Квантунского областного Совета Куропаткина сопровождал генерал Базилевский с тремя штабными офицерами и казачьей полусотней.

Куропаткин сразу попросил не устраивать ему торжеств.

– Анатолий Михайлович, – обратился он к Стесселю, – давайте не забывать, что идет война, времени у меня мало, а посмотреть надо много. Сразу хочу предупредить – это не инспекция. Хочу лично убедиться в готовности крепости к обороне. – И добавил, окинув усталым взглядом присутствующих: – Что касается военных действий, прошу быть терпеливыми. И спокойно, с полным сознанием мощи России ожидать дальнейших событий.

Первые наши шаги связаны с передвижением войск через громадные расстояния. Терпение и еще раз терпение, господа!..

«Да-а-а... – подумал Кондратенко, – Куропаткин – не Баркляя-де-Толли...»

– Анатолий Михайлович, – продолжил тем временем Куропаткин, – я хотел бы сегодня осмотреть хотя бы частично сухопутную оборону крепости. А завтра мы встретимся с адмиралом Макаровым.

– Как прикажете, Алексей Николаевич, – ответил Стессель. – Если не возражаете, вас будет сопровождать начальник сухопутной обороны генерал-майор Кондратенко...

– Роман Исидорович, – оборачиваясь к Кондратенко, сказал Куропаткин, крепко пожимая ему руку. – Вот видите, я до сих пор помню ваше имя и отчество, – добавил он.

– Я очень рад, – ответил Кондратенко. – С какой позиции начнем?

Куропаткин вопрошающе посмотрел на генерала Базилевского.

– Ваше мнение?

– Я полагаюсь на начальника сухопутной обороны, – ответил тот.

Поездка Куропаткина и сопровождающих его генералов и офицеров на 3-й и 4-й боевые участки заняла оставшиеся полдня.

Куропаткин остался доволен увиденным. Поблагодарил подполковника Семенова, ответственного за оборону боевых участков, за усердие.

Потом, отведя в сторону Кондратенко, неожиданно сказал:

– Роман Исидорович, а не сдастся вам, что все наши хлопоты могут оказаться напрасными?.. Уж больно неравные у нас с ними силы...

Кондратенко даже показалось на какой-то миг, что он ослышался. А когда до его сознания дошел весь смысл сказанного, у него появилось нестерпимое желание напомнить Главнокомандующему, что еще летом прошлого года, когда здесь не было и половины того, что сделано теперь, Куропаткин говорил, прощаясь со Стесселем: «...Ныне можно не беспокоиться, если даже большая часть японской армии обрушится на Порт-Артур».

Однако Кондратенко сдержался. Вступать в спор с главнокомандующим он посчитал не нужным и бесполезным.

– Действительно, Алексей Николаевич, – согласился он, – силы неравные, однако это не дает нам право падать духом...

– Да... да... Вы правы, Роман Исидорович, – торопливо сказал Куропаткин. – Таково предначертание Всевышнего... Ну что, возвращаемся в штаб?

Несмотря на просьбу Куропаткина не устраивать торжеств по поводу его приезда в Порт-Артур, Стессель к возвращению Главнокомандующего в город организовал, как он выразился, скромный ужин в офицерском клубе. В ярко освещенном зале столы блистали приборами.

«Хорошо, что окна догадались закрыть шторами», – невесело подумал Кондратенко, войдя в зал.

– Господа! Прошу к столу! – пригласил Стессель. – Война – войной, однако мы с вами имеем право и на маленькую отдушину.

Когда все приглашенные расселись и легкий шум стих, Стессель продолжил.

– Господа, прошу поднять бокалы за нашего Главнокомандующего генерал-адъютанта Куропаткина Алексея Николаевича, за его здоровье и успех в ратном деле. – И, повернувшись к Куропаткину, продолжил: – Я знаю – вы не любите громких слов в свой адрес. Но, тем не менее, я оставляю за собой право сказать – ваше назначение его величеством императором Николаем II на должность Главнокомандующего Маньчжурской армией в столь ответственный для судьбы России час является доказательством вашего военного таланта и веры в вас государем. За вас, Алексей Николаевич!

Стессель наполовину отпил из бокала и поставил его на стол.

Куропаткин, пока говорил Стессель, спокойно, даже как показалось Кондратенко, со скукой слушал его и только в конце речи коменданта крепости коротко обронил:

– Благодарю вас, Анатолий Михайлович.

Кондратенко за столом оказался рядом с генералом Базилевским. Тот сидел весь вечер насупившись, много пил и мало ел. Потом, склонившись к самому уху Кондратенко, сказал:

– Я бы предпочел на месте нашего героя видеть генерала Скобелева. Тогда и у его величества, и у России было бы меньше хлопот...

Кондратенко промолчал, хотя в душе был согласен с Базилевским.

Ужин затянулся за полночь. Выбрав минуту, Кондратенко спросил у Стесселя:

– Анатолий Михайлович, а адмирала Макарова приглашали?

Стессель пожал плечами...

– Я не думаю, что не приглашали... Спросите у полковника Хвостова. Я ему поручил подготовить ужин и приглашение гостей.

Отсутствие среди командования крепости адмирала Макарова заметил не только Кондратенко.

Уже перед тем как расходиться, генерал Базилевский, тяжело опираясь руками о стол, довольно громко спросил:

– А где же флот? Или мы ему не ровня?..

– Адмирал Макаров проводит ученье эскадры... – ответил Стессель.

– Чушь! – прервал Стесселя Базилевский. – На войне не учатся!.. Адмирала Макарова прислали сюда воевать!..

Куропаткин, наблюдая за этой неприятной сценой, неопределенно хмыкнул. А, прощаясь со Стесселем, сказал:

– Я, полагаю, Анатолий Михайлович, вы найдете общий язык с новым Командующим флотом... Кстати, в 1887 году на корвете «Витязь» Макаров провел здесь блестящую разведку малопосещаемых дальневосточных портов... Об этом в столице помнят до сих пор. Но... Человек он не простой. Имейте это в виду.

Стессель понимающе кивнул головой.

– Я знаю. У адмирала Макарова натянутые отношения с морским ведомством...

– Если бы только с морским! – заметил Куропаткин. – Алексеев тоже не в восторге от назначения Макарова Командующим флотом. А его мнение при дворе что-то значит.

Стессель догадывался, на что намекал Куропаткин. Алексеев был внебрачным сыном Александра II и в значительной мере это обуславливало его положение при Дворе.

На следующий день состоялась встреча Куропаткина с адмиралом Макаровым в штабе крепости.

Куропаткин обнял Макарова, как давнишнего друга, на глазах у всех офицеров.

– Наслышан о вас, Степан Осипович. Наслышан... Говорят, с первого дня вы начали наводить порядок в эскадре. Это хорошо...

– Приходится, Алексей Николаевич, – коротко ответил Макаров.

Рядом с Куропаткиным огромная фигура Макарова выглядела еще впечатлительнее.

Стессель это заметил и отошел в сторону, чтобы и самому не казаться рядом с Макаровым невыразительным.

– И какое же ваше мнение об эскадре? – поинтересовался Куропаткин.

– Эскадра боеспособна, Алексей Николаевич...

Куропаткин искренне удивился.

– За что же тогда отстранили Старка?

Вопрос этот у Куропаткина вырвался невольно. По всей видимости, судьба вице-адмирала Старка решалась без участия Алексея и Совета Квантунской области.

Макаров, глядя прямо в лицо Куропаткина, ответил:

– У меня о вице-адмирале Старке, после знакомства с положением дел в эскадре, осталось хорошее мнение. Я полагаю, он делал все, что мог...

Куропаткин дружески рассмеялся.

– Вы, моряки, один другого не обижаете. Это хорошо... Степан Осипович, – вдруг став серьезным, продолжил Куропаткин, – не может быть, что вы не ознакомились уже с состоянием сухопутной обороны.

Макаров взглянул на Стесселя, по-прежнему стоящего чуть в стороне, затем перевел взгляд на генерала Кондратенко и только после этого ответил:

– По сравнению с тем, что было здесь даже год тому назад, сделано много...

– Это верно. Я это тоже заметил, – согласился Куропаткин. – Командование крепости постаралось...

– Алексей Николаевич, вы к нам надолго? – поинтересовался Макаров.

– Сегодня уезжаю в Харбин, – ответил Куропаткин. – Дел навалилось много.

– Я бы хотел с вами обговорить одну очень важную проблему, – сказал Макаров. – На мой взгляд, пока у нас есть еще время, необходимо создать объединенный штаб по планированию и руководству операциями на сухопутном и морском театре военных действий.

Куропаткин слегка пожал плечами, давая понять, что он не возражает.

– Степан Осипович, я за это. Когда я ехал в Порт-Артур, я об этом думал. Полагаю, и наместник согласится с вами, как и я...

9

Расследование по делу убийства поручика Гриневича закончилось без результатов. Военный врач сделал заключение, что сначала поручика ударили по голове тяжелым предметом, затем задушили.

Из квартиры пропала только папка с документами, которую Гриневич имел привычку брать с собой для работы над бумагами дома.

Схемы сухопутной охраны крепости или других документов, касающихся оборонительных работ, в папке не было. Все это хранилось в штабе в сейфе.

Кондратенко тяжело переживал нелепую гибель поручика Гриневича. Город был наводнен шпионами, и Гриневич не мог этого не знать. Неясным оставалось и то, зачем ночью он кому-то открыл дверь.

Через неделю на южной окраине города нашли папку Гриневича, но без документов...

А на следующий день Кондратенко поехал на встречу с адмиралом Макаровым, чтобы договориться о снятии орудий с поврежденных кораблей «Ретвизан» и «Цесаревич» и установки их на мысе Электрический для усиления прикрытия бухты с суши.

Макарова он нашел в доке. Адмирал наблюдал, как обуховцы подводили кессон под пробоину «Цесаревича».

Макаров сдержанно поздоровался и тут же спросил:

– Роман Исидорович, а как вы меня нашли?

– По голосу...

Макаров рассмеялся.

– Это что же я так громко кричу?

– Да нет... Моряки подсказали. А что это вы делаете? – поинтересовался Кондратенко, хотя уже догадался, по какой причине рабочие подгоняют кессон под корпус «Цесаревича».

– Решили отремонтировать. Команда попросила. На берег не хотят сходить.

– Получится? – спросил Кондратенко и тут же решил, что о снятии орудий с кораблей говорить не стоит.

– Получится, Роман Исидорович. Мастеровые опытные. С работой такой знакомы. – И вдруг внимательно посмотрел на Кондратенко. – Роман Исидорович, вы ко мне приехали беды мои выслушивать или со своими?

Кондратенко тяжело вздохнул.

– Бог видит, расхотелось говорить, когда усмотрел, что тут делается. Честное слово, Степан Осипович...

– Да будет вам, Роман Исидорович, исповедоваться передо мной. Говорите, зачем приехали.

– Помощь нужна, – сказал Кондратенко и коротко изложил свою просьбу.

Выслушав его, Макаров оживился.

– Роман Исидорович, странное дело, но я тоже об этом уже думал. И даже знаю, где взять орудия! Из арсенала! Но с условием – установка батареи за вами. Надо полагать – времени у нас уже в обрез. Сегодня получил сообщение из Владивостока. Утром японская эскадра под командованием вице-адмирала Камилеура пыталась атаковать наш крейсерский отряд, но безуспешно. Там у нас крейсера достаточно быстроходные и маневренные. И, тем не менее, Порт-Артур для японцев главная цель. Захват Порт-Артура – это ключ к успеху в войне не только на море, но и на суши. А для нас – полное поражение, – добавил Макаров.

Кондратенко согласился с Макаровым. Подкупала его и искренность в словах адмирала Макарова, и если при первой встрече Кондратенко с некоторой настороженностью отнесся к новому Командующему флотом, сейчас это чувство растаяло.

«Тяжко ему будет, – подумал он. – Начальство умных и непокорных не жалуется...»

Вернувшись в крепость, Кондратенко доложил Стесселю о готовности адмирала Макарова помочь крупнокалиберной артиллерией для установки на мысе Электрический.

Стессель остался доволен. И тут же заметил:

– Да... Макаров не Старк. Однако лишен покровительства. Более того, Роман Исидорович, скажу я вам по секрету – Алексеев видит в Макарове конкурента. А Алексеева я знаю... Он может сделать все, что угодно... Кстати, адмирал Макаров вчера отправил телеграмму, минуя Алексеева, на имя его величества императора Николая II с докладом о положении дел на Тихоокеанском флоте.

– Куропаткин об этом сообщил? – поинтересовался Кондратенко.

Стессель хитровато сощурил глаза.

– Нет, Роман Исидорович, ни Куропаткин, ни Алексеев еще об этом не знают...

Откровение Стесселя удивило Кондратенко. Он представил себе, что произойдет, когда «квантунцам» станет известно о телеграмме адмирала Макарова государю.

– Анатолий Михайлович, – обратился Кондратенко к Стесселю, – если вы решили открыть мне один секрет, не сможете ли открыть и другой? На ужин адмирал Макаров не был приглашен по причине нелюбви к нему заместника?

Стессель рассмеялся.

– Роман Исидорович, вы хотите знать все. Ну что ж... Отчасти и по этой причине. Я человек подневольный...

Кондратенко горько усмехнулся.

– А он был бы для нас хорошим помощником, – произнес он после слов Стесселя.

Тот в ответ беспомощно развел руками.

– Роман Исидорович, я не возражаю... Пригласите его на сегодняшнее совещание командования крепости. Хотя... лучше это сделаю я.

Совещание, на которое был приглашен адмирал Макаров, началось во второй половине дня. Проводил его заместитель Стесселя генерал Смирнов. Сам Стессель выехал на утес Электрический, где находился его командный пункт, и обещал вернуться к началу совещания. Но так и не возвратился...

На совещании сначала о положении дел доложили командиры боевых участков. Затем генерал Белый проинформировал о состоянии артиллерийского вооружения крепости. Отдельно остановился на характеристике защищенности крепости от огня орудий крупного калибра, считая ее слабой.

Когда генерал Белый закончил доклад, Смирнов спросил:

– Господа, кто еще желает высказать свое мнение?

– Разрешите мне, – встал с места Макаров. – По пути в Порт-Артур во время стоянки в Киньчжоу я осмотрел часть укрепления на перешейке и был удивлен, не увидев там ни одной батареи для обороны флангов со стороны моря...

Кондратенко искоса глянул на генерала Белого – главного артиллерийского начальника крепости. Тот хмуро слушал и что-то помечал на бумаге.

– ...Я полагаю, хотя бы по одной батарее там необходимо иметь. Уж больно выгодное место для высадки десанта на малых судах... – пояснил Макаров.

– Где эти батареи взять? – усмехнувшись, спросил Смирнов.

– На флоте, – ответил Макаров. – Я думаю, 8 шестидюймовых орудий хватит.

– Степан Осипович, это не за счет нашей договоренности? – настороженно поинтересовался Кондратенко.

– Нет, Роман Исидорович. Наш договор остается в силе, – ответил Макаров. И, обращаясь к Смирнову, продолжил: – У меня есть просьба к командованию крепости – поддержать мое обращение в морское министерство о срочной переброске на Дальний Восток нашей эскадры из Средиземного моря. А по железной дороге – в разобранном виде малых миноносцев для охраны портов и побережья в ночное время. Такие миноносцы с ходом в 15 узлов могут удаляться от места стоянки на 100 миль и обнаруживать противника в ночное и дневное время на дальних подступах. Тогда мы с вами положим конец властвованию японцев на море, лишим их возможности проводить ночные торпедные атаки и ставить мины на рейде Порт-Артура.

Макаров сел на свое место. В кабинете воцарилась тишина.

Все ждали, что ответит генерал Смирнов. Просьба Макарова была обоснована. Усилить флот – значило усиливать оборону Порт-Артура. Понимал это и Смирнов, однако принимать решение без Стесселя он не мог.

– Я предлагаю поддержать просьбу адмирала Макарова, – нарушил затянувшееся молчание Кондратенко. – И не на словах, а письменно, – добавил он.

В поддержку просьбы Макарова высказался и генерал Белый, и другие офицеры.

Смирнов кивнул головой.

– Степан Осипович, я сегодня же доложу о вашей просьбе генералу Стесселю, – сказал он. – Полагаю, он согласится с нами...

10

Стессель вернулся в штаб, когда совещание уже закончилось.

Выслушав генерала Смирнова о просьбе Макарова, Стессель на какое-то мгновение задумался.

– Это будет не самое лучшее решение, – заметил он. – Обращаться через голову заместника в Петербурге я бы не рискнул. – И тут же продолжил: – Поступим так: сначала я доложу об этом Алексееву, а потом уже будет видно...

– Анатолий Михайлович, просьбу адмирала Макарова поддержали Кондратенко, Белый и практически все...

Стессель поморщился так, словно у него попало что-то на зубы.

– Кондратенко и Белый не могут жить без потрясений, а я хочу жить спокойно и вам того же советую!.. Не волнуйтесь. Я сам доложу Алексееву. Геройствовать не надо. У нас, в России, героями признаются только после смерти. Я полагаю, этот разговор останется между нами?

Генерал Смирнов мельком перекрестился.

– Вот вам крест, Анатолий Михайлович.

– Спасибо. Теперь давайте займемся делом...

В эту минуту в гавани пронзительно взвыла сирена. Стессель настороженно глянул на Смирнова, потом накинул на плечи шинель, взял бинокль и вышел из кабинета. То, что он увидел, поразило его, как гром с ясного неба: через узкий проход бухты в море выходила во главе с миноносцем «Аскольд», на котором был поднят вымпел Командующего флотом, вся порт-артурская эскадра – корабль за кораблем.

Такого еще не было. Обычно корабли выходили в море по одному и с помощью буксиров.

– О, боже, что он делает!.. – недоуменно воскликнул Стессель. – Он же рискует столкновением...

За Стесселем на крыльцо вышел и генерал Смирнов. Увиденное поразило его не меньше, чем Стесселя.

Эскадра тем временем медленно, но уверенно, как один корабль, проходила фарватер.

– Анатолий Михайлович, да он же гений!..

Стессель опустил бинокль.

– Действительно: или гений, или самоубийца, – отозвался он.

За выходом эскадры в море в полном составе наблюдали многие в крепости.

Кондратенко с капитаном фон Шварцем в это время находился на утесе Электрический. Они выбирали площадку под новую батарею морских орудий, которые должны были подвезти сюда с минуты на минуту.

Фарватер с утеса просматривался как на ладони. Первым его прошел миноносец «Аскольд» и, увеличив ход, двинулся на внешний рейд, сходу занимая боевую позицию. За ним почти вплотную шел бронированный крейсер «Петропавловск» и тоже, как «Аскольд», повторил его маневр.

Капитан фон Шварц хлопнул в ладони.

– Вот это да!.. Такого я еще не видел!.. Роман Исидорович, вы посмотрите!..

– Вижу, вижу, батенька мой, – ответил Кондратенко. – Учиться у них надо.

Капитан фон Шварц возразил:

– На войне поздно учиться...

– Учиться никогда не поздно, – назидательно сказал Кондратенко. – И лучше на чужих ошибках...

...В конце недели Стессель снова провел совещание командования крепости с участием адмирала Макарова. Днем раньше японские корабли с дальнего расстояния в течение часа бомбили город и крепость тяжелыми снарядами, причинив во многих местах серьезные разрушения.

Стессель был явно подавлен.

– Анатолий Михайлович, – обратился к нему Макаров, когда уже все высказались, – а почему молчали крепостные орудия? Если бы ваша артиллерия поддержала эскадру, японцам, я думаю, было бы сложнее вести огонь.

Стессель, с трудом сдерживая раздражение, парировал:

– Давайте этот вопрос зададим начальнику крепостной артиллерии генералу Белому.

Многим офицерам стало не по себе. Кондратенко опустил глаза. Ему было стыдно и досадно за Стесселя.

Генерал Белый встал и спокойно ответил, обращаясь к Макарову:

– Степан Осипович, вы правы, но у нас нет стальных сегментных снарядов, которые бы обеспечивали дальность стрельбы. Еще полгода тому назад я обращался в Петербург в артиллерийское ведомство с просьбой обеспечить артиллерию крепости необходимым количеством таких снарядов, однако мне ответили, что крепостные орудия не могут стрелять на более дальнее расстояние, чем предписано в инструкциях.

Генерал Белый сел, а Стессель достал носовой платок и вытер взмокшую шею.

– Степан Осипович, вы удовлетворены ответом? – спросил он.

– Нет, Анатолий Михайлович, – неожиданно для всех ответил Макаров. – Это отговорка. Я предлагаю сегодня же провести пробные стрельбы нашими снарядами.

Стессель недоверчиво посмотрел на адмирала Макарова, потом перевел взгляд на генерала Белого.

– Степан Осипович, мы стреляем только чугунными снарядами с уменьшенным зарядом...

Предложение Макарова меняло тактику обороны крепости. Стессель это понимал. Но его настораживало то, что в Петербурге могут не одобрить идею стрелять на большие расстояния снарядами для этого не предназначенными.

Макарова поддержал генерал Кондратенко.

– Анатолий Михайлович, адмирал Макаров прав. Отказав нам в помощи, артиллерийское ведомство не запретило нам искать возможность по усовершенствованию стрельбы по целям противника...

– Я тоже так думаю, – неожиданно для самого себя согласился с мнением Кондратенко Стессель. – Ответственность за пробные стрельбы я возлагаю на генерала Белого... Господа, все свободны.

...На исходе дня с Тигрового полуострова громыхнул выстрел шестидюймовой мортиры. Снаряд с угрожающим гулом ушел в море, где в восьми милях от берега стояла канонерская лодка для наблюдения за падением снаряда.

Через две минуты после выстрела с канонерки просигналили: снаряд упал далеко за пределами восьми миль от берега.

Когда Стесселю доложили об этом, он с облегчением перекрестился.

– Слава тебе Господи! – выдохнул он. – Теперь мы им покажем, где раки зимуют...

11

Продолжая выполнять обязанности начальника морского штаба, контр-адмирал Витгефт ни на минуту не забывал, что отныне его дальнейшая судьба зависит от нового Командующего флотом. Поэтому Витгефт делал все, чтобы штаб работал как часы.

Побывав на всех кораблях, Макаров отстранил от должности почти половину из командиров.

...Неожиданный скандал разразился, когда Макаров перевел командира броненосца «Цесаревич» на другую должность, а вместо него назначил бывшего командира «Ермака» капитана 1 ранга Васильева.

Буквально на следующий день Алексеев отменил назначение Васильева. В телеграмме он выказал недовольство действиями Макарова и просил согласовывать с ним все перемещения по флоту.

Когда Витгефт доложил об этом Макарову, тот спокойно прочитал телеграмму и отложил ее в сторонку.

На немой вопрос Витгефта ответил:

– Алексеев не читал «Морского устава». Право снимать и назначать офицеров на флоте принадлежит Командующему флотом. Мой приказ остается в силе.

У Витгефта даже перехватило дыхание. Не уступить требованию заместителя... Такого на флоте еще не было.

А Макаров продолжил, как будто ничего и не произошло:

– Я прошу вас встретиться с капитаном 2 ранга Шульцем. Он предлагает применять трал для вылавливания японских мин на фарватере. Идея очень простая, но полезная. Подготовьте приказ по флоту на изготовление и применение тралов и формированию специального отряда тральщиков. Для этой цели, я полагаю, можно приспособить минные крейсера «Всадник» и «Гайдамак» и четыре паровых минных катеров. Этого будет вполне достаточно.

Витгефт чуть заметно кивнул головой.

– Я могу быть свободен, Степан Осипович? – спросил он.

Макаров медлил с ответом. Прошел к окну. Некоторое время смотрел на гавань, потом спросил:

– Вы можете подробно рассказать о первой попытке японцев блокировать выход из гавани?

– Конечно, Степан Осипович, – ответил Витгефт, стараясь восстановить в памяти все детали того события в ночь на 12 февраля. – Японские пароходы появились у берега, когда уже стемнело. Цель их была, как потом мы выяснили, незаметно войти в проход, бросить якоря и затем взорвать брандеры.

Их подход заметили наблюдатели на Электрическом утесе. Огнем «Ретвизана» и береговых батарей три парохода были затоплены, а два, потеряв ход, были выброшены на берег...

Выслушав Витгефта, Макаров хмыкнул и заходил по кабинету, о чем-то сосредоточенно размышляя. Потом остановился перед начальником штаба.

– Кто-нибудь осматривал японские пароходы на берегу?

– Пароходы как пароходы... Старые. Иначе бы японцы не стали их затапливать...

Макаров усмехнулся.

– Наша нищета исходит от нашего богатства, – заметил он.

Витгефт слегка побагровел.

– Я прошу прощения, Степан Осипович, я не понял вас.

Макаров согнал с лица улыбку.

– Это я так... к слову. Дело в том, что я приказал обуховцам провести осмотр пароходов. И вот что они мне доложили: пароходы не старые, водоизмещение каждого около 2000 тонн, вооружены малокалиберной артиллерией. Все цело. Василий Васильевич Верещагин, художник из Москвы, который прибыл со мной, тоже там побывал. И уверяет, что японские пушки можно снять и установить на берегу. Заметьте – это мнение художника. Затонувшие пароходы нетрудно поднять с грунта и использовать для надобности порта.

– Надо полагать, вы ставите мне на вид, что до сих пор японские пароходы не были осмотрены?.. – Витгефт произнес эти слова, с трудом сдерживая нервную дрожь в голосе.

– Да нет же, – ответил Макаров. – Я вас не виню. Более того, я ходатайствовал перед морским министром о назначении вас моим заместителем.

Витгефт недоуменно посмотрел на Макарова.

– А... кто будет начальником штаба? – придя в себя, спросил он.

– Я просил назначить контр-адмирала Моласа.

– И вы полагаете, морской министр согласится с вами?

– Да, – коротко ответил Макаров.

День был уже на исходе, когда Макарову доложили, что на горизонте замечена группа японских кораблей. Прошло не менее часа, прежде чем с Электрического утеса подтвердили, что к Порт-Артуру приближаются в сопровождении крейсера «Тацута» и девяти миноносцев четыре больших парохода.

Макаров все понял – Того предпринял еще одну попытку блокировать с гавани Порт-Артура эскадру.

Быстро наступили сумерки. Были погашены все огни в порту и на кораблях.

Контр-адмирал Молас предложил подпустить японские брандеры поближе к берегу, затем включить сразу все прожектора, ослепить и расстрелять огнем дежурных миноносцев и береговых батарей.

Макаров согласился. Вместе с Моласом он отправился на Электрический утес и оттуда с тревогой наблюдал в бинокль за тем, что происходило в море. Но оно казалось пустынным.

Время тянулось медленно. Наконец, кто-то из наблюдателей доложил, что примерно в полумиле от берега замечены силуэты кораблей.

Контр-адмирал Молас дал команду включить прожектора. Через мгновение море вспыхнуло ослепительным светом от ползущих по его поверхности гигантских лучей.

Первым обнаружил брандер и открыл по нему огонь миноносец «Сильный» под командованием капитана 2 ранга Криницкого.

Японский пароход стал разворачиваться, чтобы выйти из-под обстрела, и вдруг оглушительный взрыв потряс округу. Пароход развалился на части и пошел ко дну.

Второй пароход под прикрытием крейсера «Тацута» продолжил двигаться к гавани, но когда до прохода оставалось не более четырехсот метров, наперерез ему на полном ходу пошел миноносец «Решительный» и почти в упор расстрелял огромный брандер.

Пароход стал крениться на правый борт, потерял управление, и его стало сносить к берегу.

Макаров увидел, как и третий брандер сел на мель у берега, а четвертый с множеством пробоин медленно погружался в море, окутываясь паром.

Тем временем японские миноносцы открыли ураганный огонь по «Сильному» и «Решительному», которые, бросив брандеры, устремились к ним.

Один из японских миноносцев загорелся. Сначала пламя полыхнуло у него на корме, затем стало распространяться по всей палубе.

По всей видимости, это была удача «Сильного» потому, что он сразу перенес огонь на другой миноносец, приближаясь к нему на полном ходу.

Макаров не сразу понял, что задумал капитан 3 ранга Криницкий, а когда понял, почувствовал, как холодок проникает под самое сердце. Криницкий шел на таран.

– Черт!.. – невольно вырвалось из груди Макарова. – Мальчишка!..

– Он попал в мертвую зону, – сказал стоящий рядом контр-адмирал Молас. – У него нет другого выхода...

Уже в последнее мгновение японский миноносец все же успел уклониться от удара и стал уходить в море.

Остальные японские корабли тоже прекратили огонь и покинули место боя.

– Прикажите передать на «Сильный», – обратился Макаров к контр-адмиралу Моласу, – через полчаса капитану 3 ранга Криницкому прибыть ко мне в штаб...

В штабе, обменявшись мнением с контр-адмиралом Моласом и Витгефтом о бое, Макаров сказал:

– В городе распространяется слух, что японцы собираются применить в качестве брандеров устаревшие броненосцы, начиненные сотнями тонн динамита. Людей пугают, что взрыв этих броненосцев уничтожит не только эскадру, но и крепость с городом. Я понимаю: панические слухи кому-то нужны. Однако прошу быть готовыми ко всему. Дыма без огня не бывает...

Макаров вдруг умолк и посмотрел на часы.

– Ну, где же наш герой? – сердито спросил он.

– У него еще десять минут в запасе, – ответил контр-адмирал Молас. – Степан Осипович, вы и в самом деле решили его наказать?

Макаров хмыкнул, стараясь спрятать улыбку в уголках губ.

– А вы что, хотите его защищать?

– Если откровенно, то да, – сказал Молас.

Макаров не выдержал и рассмеялся.

– Успокойтесь. За десять минут успеете подготовить приказ по флоту о награждении капитана 3 ранга Криницкого орденом Георгия 4-ой степени?

– Успею.

– Тогда готовьте, – приказал Макаров.

28 марта крейсер «Баян» задержал недалеко от порта Дальний и привел в Порт-Артур английский пароход «Хаймун», оборудованный беспроводным телеграфом. Когда телеграфиста заставили включить аппарат, на связи оказался японский штаб...

В этот же день к Порт-Артуру приблизился германский пароход, который начал быстро уходить, как только с парохода увидели приближающийся к нему дежурный миноносец порт-артурской эскадры.

С миноносца просигналили приказ остановиться, однако пароход не выполнил приказа. Он застопорил ход только после двух выстрелов в его сторону с миноносца.

Пароход тоже оказался оборудован беспроводным телеграфом для связи с японским морским штабом. Оба парохода были задержаны.

И словно в отместку за это к исходу дня на горизонте снова замаячили японские корабли.

Броненосцы «Фуджи» и «Яшима», обогнув Ляотешанский мыс, открыли яростный огонь по гавани.

Порт-артурская эскадра с дистанции 80 кабельтов открыла ответный огонь из двенадцатидюймовых орудий.

Один из снарядов, выпущенный с «Ретвизана», попал в корму в «Фуджи». Броненосец прекратил огонь и стал уходить в море.

Броненосец «Яшима» продолжал обстрел гавани. Неожиданностью для японцев стало, когда по «Яшима» ударила батарея девятидюймовых орудий, установленных два дня назад на Ляотешанском мысе.

Японский броненосец тут же прекратил обстрел гавани и на всех парах ушел подальше от берега.

Ночь прошла спокойно.

Утром Макаров пригласил к себе контр-адмирала Витгефта, контр-адмирала Моласа и начальника инженерного отдела штаба полковника Агапеева, приехавшего вместе с Макаровым в Порт-Артур из академии Генштаба.

– Друзья, прошу прощения за то, что с раннего утра не даю вам заниматься своими делами, – сказал Макаров. – Однако мне необходимо с вами посоветоваться. Я уверен, что

японцы не оставят попыток блокировать эскадру в гавани. В очередной раз, надо полагать, Того отправит на операцию значительно больше брандеров с расчетом, что часть пароходов все же прорвется к гавани. Что мы можем сделать, дабы не допустить этого. Александр Петрович? – обратился Макаров к полковнику Агапееву. – Ваше мнение. Вы у нас старый генштабист...

– Это хорошо или плохо, Степан Осипович? – спросил Агапеев, вставая с места.

– Хорошо, Александр Петрович, – ответил Макаров. – И прошу не надо никому вставать.

– Придется, Степан Осипович, – сказал Агапеев. Он подошел к карте-схеме гавани и прилегающему району Желтого моря. – Я бы предложил организовать не менее трех линий охраны подступов к фарватеру и гавани, – продолжил он и взял в руки указку. – Вот здесь, у входа в гавань слева и справа, необходимо, на мой взгляд, установить круглосуточное дежурство двух миноносцев, которые при появлении брандеров должны с двух сторон атаковать их с целью не допустить к фарватеру. Адмирал Того, будучи умным человеком, по всей видимости, избрет для набега кратчайший путь. Вот этот, – и Агапеев указкой прочертил предполагаемый путь движения брандеров. – Что обязаны предпринять мы?

– Затопить здесь пару старых пароходов, – ответил Молас.

– Верно, – сказал Агапеев. – Только не пару, а три. Вот здесь, здесь и здесь. – И он очертил указкой места предполагаемого затопления пароходов.

– Такие пароходы у нас есть, – поддержал полковника Агапеева Макаров. – «Хайлар», «Харбин», «Шилка».

– Далее, – продолжил Агапеев, – район затопления пароходов следует заминировать. Это первая линия охраны. Вторая может быть организована за счет береговой обороны и дежурства канонерских лодок вдоль побережья. И третья линия – дежурство в море наиболее быстродвижущих крейсеров.

– Александр Петрович, мы рискуем крейсерами, – заметил Витгефт.

С мнением Витгефта согласился и Макаров, хотя тут же добавил:

– ... Впрочем, степень риска можно уменьшить, если все корабли будут нести дежурство со спущенными в воду противоминными сетями. Александр Петрович, – обратился Макаров к Агапееву, – ваше предложение нас устраивает. А посему и карты вам в руки. С сегодняшнего дня надо приступить к делу. Возражений ни у кого нет?.. Вот и прекрасно. Теперь о грустном. Мое предложение об объединении усилий командования крепостями и флота по защите Порт-Артура не принято. Причин не назвали. И еще. К нам на должность начальника военно-морского отдела указом его величества императора Николая II назначен великий князь Кирилл Владимирович. Все. Свободны, друзья.

Из кабинета Макарова полковник Агапеев выходил последним. Уже у двери оглянулся. Макаров стоял у окна, сгорбившись, с опущенными плечами и таким выражением на лице, как будто его вели на плаху.

Агапеев закрыл дверь и подошел к Макарову.

– Степан Осипович, что случилось? – осторожно спросил он. – На вас лица нет...

– Ничего не случилось, Александр Петрович.

– Но я же вижу...

– Я буду подавать рапорт об отставке... – глухим голосом сказал Макаров.

Агапеев побледнел. Но тут же взял себя в руки. Холодно и жестко спросил:

– Степан Осипович, зачем вы тогда меня уговорили бросить академию генштаба и ехать с вами в Порт-Артур? Слезы вам вытирать? Увольте! Я на это не способен!.. Говорите, что произошло? Назначение к вам великого князя Кирилла Владимировича? Или отказ Алексева?

Макаров поднял на Агапеева усталые глаза. От этого взгляда Агапееву стало не по себе.

– Ну хорошо... хорошо... – проговорил торопливо Агапеев. – Я понимаю вас. Иметь в качестве подчиненного члена императорской фамилии, который не отличается ни умом, ни тактом и обладающего только великокняжеской спесью, нелегко. Но вы не думайте, что это

вам в наказание. В столице хочется погреться в лучах чужой славы, коли своей нет. Вы же моряк. На вас столько возложено надежды на флоте теми, кому завтра, может, суждено будет умереть. Поймите это!..

Макаров усмехнулся.

– Уже понял, Александр Петрович.

– Ничего вы не поняли! – обозлился вдруг Агапеев. Помолчав с минуту, спросил: – Дома как дела?.. Капиталина Николаевна, Дина? Живы, здоровы?..

– У них все нормально, Александр Петрович... За исключением одного – Капиталине Николаевне вечно не хватает денег, – признался Макаров. – Вы уж меня извините за банальную откровенность. Перед отъездом сюда я оставил им пять тысяч четыреста рублей и еще доверенность на получение моего жалования за два месяца. Вчера получил телеграмму от Капиталины Николаевны. Жалуется, что сидят без денег. Все ушло на шляпки и наряды... Неужто они там не понимают, что идет война?.. И жить надо всем по-другому!..

Агапеев положил руку на плечо Макарова.

– Забудьте об этом, Степан Осипович. У вас сегодня есть и другая семья. Тысячи жизней в ваших руках и вы за них несете ответственность не только перед государем, но и перед всевышним.

Глава III

1

Фредерикс никогда еще не видел председателя комитета министров в таком возбужденном состоянии.

Витте вышел из кабинета Николая II сразу после Плеве. Что там произошло, Фредерикс мог только догадываться.

Накануне кабинет министров подготовил Николаю II доклад о положении в стране. Волна патриотических выступлений, вспыхнувшая в связи с нападением японского флота на порт-артурскую эскадру, улеглась тихо и незаметно. Только церковь проводила молебны о даровании победы русскому войску, но и это скоро всех утомило.

В Петербурге курсистки высших женских курсов заявили, что они против молебна о даровании победы.

В Баку армянские революционеры бросили бомбу в церковь, где шел молебен. Было убито два человека и десятки ранены.

Правда, в Москве и Петербурге все еще распространялось письмо Струве к студентам с призывом «Кричите: Да здравствует Победа! Да здравствует армия! Да здравствует Россия! Да здравствует свобода!..». Однако особого впечатления на студентов это письмо не производило.

Фредерикс поспешил Витте навстречу. Глаза его горели, а губы мелко подрагивали.

– Сергей Юльевич, – взволнованно заговорил Фредерикс, – да на вас лица нет. Может, вам отправиться домой?..

– Не надо меня никуда отправлять, – ответил Витте. – Где этот пережиток российской истории? – спросил он.

– Вы кого спрашиваете?

– Где Плеве? Я ему еще не все сказал!..

– Сергей Юльевич, – взяв Витте под руку, мягко проговорил Фредерикс, – вам необходимо сначала успокоиться. А Плеве уехал сразу...

Витте чертыхнулся. В нем еще горело негодование, и он не мог себя сдерживать.

– Черт знает что! Вместо того чтобы продолжать реформы, мы благодаря таким господам, как Плеве, тянем страну назад, к самым мрачным временам бюрократического абсолютизма! – с досадой произнес Витте. – Неужели никому и ничего не понятно? Все революции в мире произошли и будут происходить оттого, что правительство и правители не понимали и не понимают простой истины: в любом обществе заложена закономерность движения. Мы обязаны регулировать это движение и держать его в берегах, а если этого не делать, а грубо загораживать путь, то происходит революционный потоп!..

Откровение Витте удивило и озаботило Фредерикса. В первую минуту он не знал, что ответить, однако почувствовал, что этот разговор не стоит продолжать, да еще в присутствии флигель-адъютантов.

– Сергей Юльевич, поезжайте домой, – посоветовал он. – Его величество сегодня навряд ли уже вспомнит о вас. У него через час встреча с морским министром, затем они с императрицей Александрой Федоровной едут в церковь. Так что отдохайте спокойно. На всякий случай я буду знать, где вас найти.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Витте. И тут же спросил: – Вы не знаете, что в Ставке наместника на Дальнем Востоке?

Фредерикс слегка пожал плечами:

– Как вам сказать... В этой странной войне вот уже два месяца нападению подвергались только Порт-Артур и тихоокеанская эскадра. А вчера пришло пренеприятное донесение от наместника из Мукдена. Пока мы тут кричали «Да здравствует! И Ура!» японцы высадили в Корее целую армию под командованием генерала Куроки. А на территории самой Японии сформировали еще одну армию под командованием генерала Оку...

По мнению Алексеева, эта армия будет высажена или в корейском порту Цинамю, или на Ляодунском полуострове.

– Но самое нелепое в том, – продолжил Фредерикс, перейдя на французский, – что против Куроки, имеющего в своем распоряжении 60-тысячную армию, Куропаткин, располагая 100-тысячной армией, не только ничего не предпринял, но и приказал отступить к Ляояну. Когда вчера я вручил его величеству это донесение, у императора даже дыхание перехватило, – сказал в заключение Фредерикс.

– И что теперь? – поинтересовался Витте. Он уже успокоился, а услышанная новость еще раз укрепила его мысль о том, что война на Дальнем Востоке будет стоить России таких потрясений, которых она еще не испытывала.

– Что теперь... – Фредерикс скептически усмехнулся. – По мнению его величества, теперь открыта прямая дорога японцам на Ляодун. А это значит, что Порт-Артуру осады не миновать.

Витте вдруг почувствовал, как вместо чувства удовлетворенности, которое тайком поселилось у него в душе с первых дней неудач под Порт-Артуром, появилось другое чувство – угрызения совести. Он ненавидел всех придворных чинуш за их спесь и дремучую отсталость, которая граничила, по его мнению, со средневековьем. Они упорно держались за прошлое и не хотели видеть, что мир шагнул уже в другую историческую эпоху, и отставание России будет смерти подобно. Что же касалось его самого, то он был уверен: все им сделанное до сих пор – сделано на благо России.

– Но... Надо же что-то делать, – проговорил Витте, слегка ошеломленный услышанной новостью.

Фредерикс согласился и пояснил:

– Император приказал усилить порт-артурскую эскадру за счет крейсерского отряда под командованием адмирала Иессена, который базируется под Владивостоком. И распорядился готовить к выходу на Дальний Восток из Кронштадта Балтийскую эскадру.

– И это все? – невольно вырвалось у Витте.

– Насколько мне известно, все, – ответил Фредерикс.

...По дороге домой, покачиваясь в коляске, Витте, перебирая в памяти моменты своих взлетов и падений, все время мысленно возвращался к 1890 году, когда предложенная им система реформ дала толчок к развитию промышленности и транспорта в стране, и Россия стала выходить на ведущее место в мире.

Став министром финансов, он фактически выдвинулся на вершину бюрократического аппарата империи.

Он искренне, не жалея себя, делал все, чтобы доказать: жизнеспособность самодержавия в условиях несовместимых с его природой – развитием капитала.

Ему хотелось сделать еще больше. Однако первый удар по его замыслам нанес неожиданно разразившейся мировой кризис. Резкий спад в промышленности, сокращение притока иностранного капитала, сохранившиеся пережитки крепостного права в деревне, обострение отношений с Англией и Германией, огромные расходы на освоение завоеванных территорий на Дальнем Востоке и в Средней Азии, подкосили его славу и доверие императора.

В 1896 году Плеве, Победоносцев и Дурново открыто выступили против него и нашли поддержку у Николая. Это было равносильно политической смерти. И все же он надеялся на то, что его заслуги перед государством не будут забыты.

Однако эта надежда рухнула 26 февраля 1903 года. В этот день вышел царский манифест, определявший программу царизма на долгие годы. Манифест был подготовлен министром внутренних дел Плеве, его закоренелым врагом.

В августе Витте предложил передать портфель министра финансов Плеве, а самому занять пост председателя комитета министров. Свое новое назначение Витте тогда расценил, как почетное тюремное заключение...

Приехав домой, Витте прошел в свой кабинет и попросил прислугу никого к нему не пускать.

Долго ходил из одного угла в другой. Уже стемнело. Витте подумал, что надо зажечь свечи. Однако не стал этого делать. Подошел к столу, выдвинул ящик и достал револьвер. Почувствовал, как холодок вороненой стали ожег ладонь...

В эту минуту за дверью раздались шаги, и в кабинет вошла жена.

– А мы тебя ждали, – сказала она. – Все собрались за столом, а тебя нет...

Витте торопливо сунул револьвер в ящик стола и закрыл его. «Черт!.. Что я делаю...» – подумал он.

– Я сейчас приду, – проговорил Витте, стараясь придать своему голосу уверенность. – Вот только бумаги уберу со стола...

– Не задерживайся, – попросила жена. – У нас гость.

– Кто? – удивился Витте.

– Твой старый знакомый. Петр Аркадьевич Столыпин.

– И давно он у нас?

– Только что приехал.

Витте недоуменно пожал плечами. Неожиданный приезд Столыпина его слегка озадачил.

– Я сейчас приду, – повторил он.

Появление Столыпина в его доме показалось Витте странным, тем более что единомышленниками они никогда не были. Однако отказывать саратовскому губернатору в гостеприимстве Витте не мог.

Когда Витте вошел в гостиную, он увидел Столыпина, стоящего к нему спиной у картины Рембрандта «Саския».

– Нравится? – спросил Витте.

Столыпин обернулся.

– Добрый вечер, Сергей Юльевич. Я не любитель Рембрандта. Однако картина хорошая, – ответил Столыпин.

– Это не подлинник, – пояснил Витте. – Подлинник находится, скорее всего, где-то в Европе.

Витте провел гостя к креслу.

– Прошу садиться, Петр Аркадьевич. Давно я не видел вас в столице. Соскучились по ней, или по делам?

Столыпин улыбнулся.

– Скучать в наше время не приходится, Сергей Юльевич. Конечно же, по делам, а если говорить прямо – по крестьянским делам...

Витте искренне удивился. Тягостное чувство, с которым он приехал домой, стало уходить. Слова Столыпина вызвали любопытство, и оттого стало немного легче на душе.

– А ко мне пожаловали с чем? – напрямую спросил Витте.

– Именно с этим делом. Я тысячу раз прошу прощения за столь странный визит, однако только вы можете мне пояснить, что у нас происходит?..

Витте внимательно посмотрел на Столыпина. Тот говорил искренне, и все выражение его фигуры говорило о том же.

И, тем не менее, Витте ответил:

– Сегодня в России крестьянским вопросом занимаюсь не я, а Плеве...

– Сергей Юльевич, – умоляюще заговорил Столыпин, – я все знаю, как и то, что Плеве – это тот человек, который своим действием причинит зла России больше, чем социалисты!.. И, если его вовремя не остановить, неизвестно чем все закончится!..

Столыпин произнес эти слова взволнованно, глядя прямо в глаза Витте.

– Я рад, что вы это понимаете, – ответил Витте. – Однако у Плеве сегодня самая высокая поддержка... И мы с вами ничего не сможем сделать.

– Сергей Юльевич, затем я к вам и приехал. Поверьте мне, я говорю не только от себя. Да, у нас с вами разные взгляды на крестьянскую проблему, но и вы, и я хотим одного – не позволить кому-либо сначала расшатать, а затем уничтожить наши устои, нашу веру, нашу Россию!

– Но я не гожусь в заговорщики, Петр Аркадьевич, – попытался отшутиться Витте.

– Бог с вами, Сергей Юльевич! Разве я призываю вас в заговорщики? Я перечитал все ваши публикации по крестьянскому делу. Не совсем, но в какой-то мере разделяю вашу позицию! Скажите мне откровенно: вы утверждаете, что рост эффективности сельскохозяйственного производства при низких ценах на его продукцию является составной частью вашей программы индустриализации. Вы не опасаетесь, что этот процесс подорвет крестьянское дело?

Витте ответил не сразу. Этот вопрос он задавал себе много раз и приходил к убеждению – мера эта необходимая. Иначе из крепостной России не вырастет Россия индустриальная...

– Я отвечу, Петр Аркадьевич, на ваш вопрос, – наконец заговорил Витте. – Только наберитесь терпения выслушать меня до конца. Во-первых, эта программа должна носить временный характер. Мы должны успеть за счет высвобождающихся в деревне рабочих рук насытить ими промышленность и удешевить труд промышленного пролетариата. Это очень важно, если учесть, что Россия – крестьянская держава. И главным тормозом тут окажется община, приверженцем которой я был до недавнего времени, – признался он и продолжил: – Во-вторых, сегодня община для нас – главная причина крестьянского оскудения и предмет особого внимания как консерваторов, так и социалистов. Почему – вы, надеюсь, догадываетесь. Консерваторам община нужна как тормоз, дабы не дать тронуть патриархальные устои дворянства и помещиков, социалистам община нужна как форма революционного воздействия на сознание крестьян.

Поэтому суть крестьянского вопроса для России заключается, на мой взгляд, в замене общинной собственности на землю – индивидуальной. – Последнее слово Витте произнес почти по слогам. – И не верьте тому, дорогой Петр Аркадьевич, кто будет вам говорить, что у нас не хватает земли и крестьянский вопрос можно решать только за счет принудительного отчуждения помещичьих владений!

Теперь о вашем вопросе: подорвет ли этот процесс крестьянское дело? Нет, не подорвет! Оставшийся в деревне крестьянин должен стать персоной за счет уравнивания его в правах с другими сословиями. А его выход из общины должен сопровождаться выделением ему земли с правом наследия.

Столыпин недоверчиво качнул головой.

– Сергей Юльевич, все это прекрасно, но, извините, нереально. По крайней мере, сегодня, – добавил он и указательным пальцем показал вверх.

– Вы хотите сказать, что я похож на запоздалого умника? – усмехнувшись, спросил Витте. Столыпин энергично замахал руками.

– Что вы!.. Что вы!.. Сергей Юльевич, я далек от такой мысли! Просто мне кажется, ваше время еще не пришло...

2

...Первая срочная телеграмма за подписью Алексеева с сообщением о гибели броненосца «Петропавловск» 31 марта в 9.43 утра на рейде Порт-Артура пришла в морское ведомство спустя час после этой трагедии.

Во второй, которая поступила немного позже на имя императора Николая II, наместник сообщал, что вместе с броненосцем «Петропавловск» погиб и адмирал Макаров...

Пока Фредерикс выяснял достоверность обеих телеграмм, прошло еще два часа.

Николай II в это время находился на молебне в церкви. Было решено доложить ему о случившемся после его возвращения из церкви в Зимний дворец.

...В 2 часа дня Фредериксу, наконец, сообщили, что Николай II направляется в Зимний дворец. Через несколько минут поступило новое сообщение: император поедет в Петергоф к императрице.

У Фредерикса сдали нервы.

– Быстро едем в Петергоф! – приказал он флигель-адъютанту.

Не успели они спуститься вниз к подъезду, как поступило еще одно сообщение: император вот-вот прибывает в Зимний...

...Николай II появился в приемной своего кабинета в сопровождении князя Бярятинского. На императоре был морской мундир.

У Фредерикса на мгновение перехватило дыхание. «... Мистика какая-то, – подумал он. – Неужели он предчувствовал...»

Николай II подошел к Фредериксу и протянул ему узкую холодную ладонь.

– А я сегодня о вас вспоминал, – проговорил он. – Посмотрите, какая погода! Давненько мы с вами не были на охоте. Сегодня у нас что – пятница? Хотите завтра поедем?

И взяв Фредерикса под руку, провел в кабинет.

– Князь, – обернулся он к Бярятинскому, – прошу и вас, проходите. Так как насчет охоты?

– Ваше величество, – проговорил Фредерикс, с трудом сдерживая волнение, – у меня печальная новость. Генерал Алексеев сообщил телеграммой, что сегодня около 10 часов утра подорвался на японской мине броненосец «Петропавловск». Корабль затонул за две минуты. Погибло 652 матроса и 29 офицеров... – Фредерикс на минуту умолк, потом добавил. – В том числе и адмирал Макаров...

У Николая II не дрогнуло на лице ни один мускул. Он стоял, окаменев, словно изваяние. Так прошло, наверное, несколько минут.

– Ваше величество, – обеспокоено спросил князь Бярятинский, – может, пригласить доктора?..

– Зачем? – неожиданно резко спросил император и удивленно посмотрел на князя. Затем перевел взгляд на Фредерикса.

– Они там ничего не перепутали? – спросил он.

– Нет, ваше величество...

Николай II, с трудом передвигая ноги, дошел до кресла и медленно опустился в него.

– Тяжкое и невероятно грустное известие... – рассеянно проговорил он, не поднимая головы. – Целый день сегодня во мне было какое-то непонятное тревожное чувство. И вот оно подтвердилось...

– Ваше величество, Николай Александрович, на все воля божья... – произнес князь Бярятинский.

Николай II медленно поднял голову и пристально посмотрел в лицо князя.

– Да... Наверное... – согласился он. – Одно к другому... Вчера Англия и Германия подписали между собой договор по Дальнему Востоку, который ущемляет интересы России.

Сегодня эта новость... Передайте Ламсдорфу, – обратился Николай II к Фредериксу, – пусть немедленно приглашает к себе послов Англии и Германии и предупредит их от моего имени, что Россия расценивает их договор как недружелюбный акт и не потерпит вмешательства в свои дела. Вот видишь, друг, как все оборачивается... – эти слова были обращены уже к князю Барятинскому. – На востоке – японцы... На западе – немцы с англичанами... А здесь – гнилая российская интеллигенция, прикрываясь лозунгами о народовластии, разжигает вражду и нетерпимость!.. Тысячу раз был прав Победоносцев, утверждая, что одним из самых лживых политических начал есть идея народовластия, утвердившаяся со времен французской революции, и которая до сих пор вводит в заблуждение так называемую интеллигенцию, одурманивая русские безумные головы!.. – Николай безнадежно махнул рукой и вздохнул. Затем тихо продолжил: – Посмотрите на сочинения графа Толстого! Они несут в себе страшные извращения понятий о вере, церкви, Правительстве и обществе! И заметьте: Толстой не один в своих суждениях! Его проповедует совершенно сумасшедший Соловьев, выставя себя пророком земли русской! И его слушают, читают, ему рукоплещут!.. Их даже не остановило отлучение Святейшим Синодом графа Толстого от церкви!.. Что происходит?

Николай обвел воспаленным взглядом стоящих перед ним князя Барятинского и Фредерикса.

Тот и другой молчали, не решаясь говорить. Они оба понимали, что всплеск эмоций, переполнивший сейчас душу Николая, может закончиться для него истерикой.

Однако Николай сам вдруг сменил тему разговора и на удивление Фредерикса спокойно спросил:

– Прошлый раз я просил вас подготовить досье на Столыпина. Вы это сделали?

– Так точно, ваше величество! Оно со мной.

– Читайте, – приказал Николай II. – Только коротко.

Фредерикс достал из объемной папки плотный лист бумаги, исписанный убористым подчерком, и начал читать.

– ...Прадед Столыпина – сенатор, близкий друг Сперанского. Отец – Аркадий Дмитриевич – участник Крымской войны, друг графа Льва Николаевича Толстого. Мать – Анна Михайловна – урожденная Горчакова – племянница канцлера России Горчакова. Жена – правнучка Суворова...

– Достаточно, – остановил Фредерикса Николай II. – Остальное мы знаем. Оставьте досье у себя. Я полагаю, к этому разговору мы скоро вернемся. Можете быть свободны, если у вас ко мне больше нет вопросов.

Когда Фредерикс закрыл за собой дверь, Николай II встал и привычно прошелся по кабинету из угла в угол. Это явно его успокаивало и придавало некую уверенность в себе.

Казалось, на какое-то время он даже забыл о присутствии в кабинете князя Барятинского.

– ...Я вот о чем хотел поговорить, – вдруг обратился Николай к князю, продолжая ходить. – Время меняется быстрее, чем люди... И я чувствую, не далек тот час, когда придется подбирать себе помощников, способных обеспечить сожительство самодержавия, как ни печально, с представительством народа. Я полагаю, таким помощником может стать Столыпин. Он в отличие от Витте не столь радикален. И потому никто не будет мешать ему работать над созданием сильной и цельной империи, экономически здоровой и культурно развитой на основе русских традиций.

– А как же по отношению дружбы семейства Столыпиных с графом Львом Толстым? – спросил Барятинский.

Николай II скептически усмехнулся.

– У Столыпиных это в крови. Они были в родстве и с поэтом-бунтарем Лермонтовым, и дружны с поэтом-дуэлянтом Пушкиным. Перед назначением Столыпина в марте прошлого

года губернатором Саратовской губернии я беседовал с ним и убедился, что он достаточно умен, чтобы понять, что от него требуется...

3

Поминки на десятый день после гибели «Петропавловска» и его экипажа прошли в Зимнем дворце скромно.

Император с императрицей Александрой Федоровной посидели за столом несколько минут и удалились в свои покои.

Плеве, сидевший за столом рядом с командиром корпуса жандармерии генералом Рыдзевским, коротко обронил:

– Богу – богово, Кесарю – кесарево...

Рыдзевский, полуобернувшись, тихо ответил:

– У его величества недомогание... На охоте простыл...

Через полчаса приглашенные стали разъезжаться. Плеве уже на выходе догнал Рыдзевского, взял его под руку и отвел в сторонку.

– Константин Николаевич, может, вы знаете, по какой причине господин Столыпин зачистил в столицу? В губернии ему дел нет?.. – спросил он тихо.

Рыдзевский с нескрываемым удивлением посмотрел на Плеве и пожал плечами.

– В Зимнем до сегодняшнего дня его не было давно...

– Вот видите, – почти нараспев произнес Плеве. – И никто не знает. Да... Такие дела... Константин Николаевич, еще в августе прошлого года, если вы помните, я утвердил положение о начальниках охранных отделений, коих теперь будет назначать директор Департамента полиции из офицеров корпуса жандармерии. Вы бы не могли подсказать несколько хороших кандидатов на эти должности? Я полагаю, вы знаете многих. Деньги на жалование этих офицеров и соответственно оплату осведомителей, содержание конспиративных квартир ну и все остальное отпускаются приличные. А толку мало.

– Я думаю, ваше внимание к охранным отделениям не связано с появлением в столице Столыпина? – мрачно пошутил генерал Рыдзевский и тут же пожалел. Лицо Плеве изменилось, словно окаменело.

– Напрасно вы так шутите, Константин Николаевич, – сказал он обиженно. – За губернаторами мы с вами не следим. А вот за политиками, кои сегодня невесь откуда стали приобретать взрывчатку и оружие, не мешало бы проследить. На днях заведующий заграничной агентурой Рачковский донес мне, что и деньги, и оружие начали поступать из-за границы особенно активно с началом японского нападения. О чем это говорит?

Рыдзевский вспомнил, что действительно не так давно Рачковский рассказывал что-то и даже упомянул о «пятой колонне» самураев, однако Рыдзевский не придавал тогда особого значения этому разговору.

– Если я вас обидел, прошу прощения, – сказал Рыдзевский, чтобы сгладить возникшую неприятную ситуацию. – Я согласен, все эти студенческие волнения, стачки, забастовки, уличные беспорядки и манифестации стоят денег. Надо полагать, кто-то выходит на улицы по идейным соображениям, а кто-то получает за это деньги. И последние не менее опасны, нежели первые.

Плеве чуть заметно усмехнулся.

– Ну, вот видите. Вы меня правильно поняли, – примирительно проговорил он. – А насчет Столыпина, Константин Николаевич... Любая информация о любом подданном его величества нам не будет лишней... Теперь что касается финансирования смутьянов. Рачковский доложил, а немецкий министр иностранных дел Вильгельм фон Шен подтвердил, что в Польше и Финляндии свила себе гнездо японская разведка. Руководит ею полковник Акаси. Ближайшим

помощником Акаси является финский революционер некий Кони Зиллиакус. На всякий случай вы это имя запомните. Дело в том, – продолжил Плевел, – что в июле этого года в Швейцарии планируется провести нелегальную встречу представителей всех оппозиционных движений России, в том числе и еврейской партии Бунда. Но куда более печальным фактом является то, что в этой встрече дали тайное согласие принять участие князь Павел Долгорукий-Рюрикович и граф Гейден, член императорского экономического общества и начальник военно-походной канцелярии его императорского величества...

Генерал Рыдзевский недоверчиво посмотрел на Плевел.

– Такого быть не может! Выдумка и больше ничего!..

– Вот вы и проверьте, Константин Николаевич, – посоветовал Плевел. – На то мы с вами и облечены доверием государя. – Плевел на минуту умолк и внимательно посмотрел на генерала Рыдзевского. – Константин Николаевич, а почему вы не верите? Рачковский получает информацию практически из первых рук. Одним из приближенных сподвижников к Зиллиакусу является наш старый и проверенный агент Азеф. Это благодаря ему нам стало известно, что Акаси и Зиллиакус закупают для наших революционеров взрывчатку в Гамбурге, браунинги в Соединенных Штатах, а револьверы в Англии. Вы же знаете – все подтвердилось. Поэтому не верить этой информации мы не можем.

Рыдзевский на мгновение задумался, затем спросил:

– Его величество знает о князе Долгоруком и графе Гейдене?

Плевел отрицательно качнул головой.

– Нет и ни в коем случае не должен знать. Пока. Император не сдержится и станет выяснять, что да почем и испортит нам все дело. Был бы у него характер пожестче... Нам нужны неопровержимые факты! Иначе нам головы не сносить. Да и дело предстоит хлопотное. Зиллиакус намерен перенести свою штаб-квартиру из Копенгагена в Лондон. Делает он это по требованию Акаси. Для них Лондон куда более безопасное место, чем Копенгаген, – Плевел протянул Рыдзевскому руку, чтобы попрощаться и тут же спросил: – Говорят, вчера его величество встречался с адмиралом Бирилевым. Вы, случайно, не знаете о чем шла речь?

Генерал Рыдзевский рассеянно кивнул головой.

– Его величество назначил вместо покойного адмирала Макарова Командующим Тихоокеанским флотом адмирала Скрыдлова, – ответил он.

– Удивительно! – воскликнул Плевел. – Кто бы мог подумать!.. А еще о чем?

– ... Стессель назначен командующим Квантунского района, а заместитель Стесселя генерал Смирнов – комендантом Порт-Артура, – продолжил Рыдзевский.

Плевел притворно застонал.

– Да-а-а... Дела!.. – проговорил он. – Алексеев сидит в Мукдене и не высовывает оттуда своего носа. Куропаткин с 28 марта – в Ялу. И из железнодорожного вагона пытается командовать отступающей армией, а японцы в это время преспокойно продвигаются в глубь российской территории!.. Они уже в десяти верстах от Ляояна, главной нашей базы на Дальнем Востоке! А что делает Куропаткин? Он заявляет: «Или я разобью их, или умру!» Умрет – не велика потеря! Лучше бы начал воевать. А впрочем... – Плевел безнадежно махнул рукой.

– Всевышний воздаст каждому по заслугам, – генерал Рыдзевский поразился откровенности Плевел, которая была ему не свойственна.

– Это точно, Константин Николаевич, – согласился тот. – И, тем не менее, я уверен – чтобы ни случилось на Дальнем Востоке, все будет несравнимо с тем, что произойдет здесь! У России есть враг куда более опасный, чем Япония, – это грядущая революция. Хотим мы признавать это или не хотим – это уже не столь важно. Вспомните, как под напором революции рухнул французский трон! В Германии социалисты уже забирают в руки армию и аппарат управления! Сегодня и у его величества императора Николая II, и у кайзера Вильгельма должна быть одна забота: как уберечь от революции свои троны. Но, увы! Оба величества

заняты другими делами. К великому сожалению, у нас остается только один способ защитить себя: утопить социалистические идеи в крови!

– Но это не возможно! – возразил Рыдзевский. – Если идти таким путем, можно спровоцировать революцию гораздо раньше, чем она, если можно так выразиться, созреет!

Плеве рассмеялся. Глядя прямо в лицо генералу Рыдзевскому, произнес назидательным тоном:

– Вы истинный вояка, Константин Николаевич. Но не политик. Я вам не открою большого секрета, если скажу, что в условиях войны и при наличии воли у царствующих особ, легко и просто избавить Россию или ту же Германию от любой революционной заразы! И очень многое будет зависеть от нас с вами. – Сказав это, Плеве слегка обнял Рыдзевского за плечи и отвел в сторонку от дверей, возле которых они стояли. – Я не могу понять его величество, – продолжил он, – почему он так упорно ищет союза с Францией вопреки желанию Германии? И его величество, и кайзер Вильгельм – кузены! Хотя бы это бралось во внимание! Я понимаю, будучи кронпринцем, Вильгельм не стыдился подать шинель Александру III. Почему тогда с нашим императором у кайзера другие отношения?..

Генерал Рыдзевский понимающе кивнул головой, но ничего не ответил. Из достоверных источников он знал, что Вильгельм не блистал умом, но и не был дураком. Он писал сонеты, рисовал картины акварелью и даже сочинил оперу. Но явным недостатком Вильгельма было его физическое уродство. Зато Вильгельм преуспел в другом. Сдавая экзамены в академию германского Генштаба, он защитил диссертацию, в которой изложил варианты фронтального наступления на просторах России с отторжением от нее западных губерний...

– Ну что. Нам пора и прощаться, – сказал Плеве. – И не забудьте, о чем я вас просил, – напомнил он.

4

...Настроение у Ламсдорфа было скверное. Вчера он дважды пытался через Фредерикса добиться аудиенции у его величества и дважды ему отказали со ссылкой на занятость императора.

Ламсдорф утром через силу заставил себя приехать в свое министерство, которое по-прежнему располагалось в правом крыле здания Главного штаба и выходило окнами на набережную Мойки. По мнению Ламсдорфа, было бы справедливей, если бы набережную назвали Помойкой.

Хотел снова созвониться с Фредериксом, но секретарь оповестил его о том, что в министерство приехал Плеве.

«С чего бы это?» – подумал про себя Ламсдорф и заторопился встречать неожиданного гостя.

Плеве, как всегда, был одет строго по-немецки.

Ламсдорф провел его в свой кабинет, предложил кресло и только после этого поинтересовался:

– Что вас, милостивый сударь, привело к нам?

– Желание поговорить и обменяться мнением, – ответил Плеве.

Ламсдорф заставил себя улыбнуться.

– Хорошее желание, – произнес он. – Я полагаю, у нас появились неприятности?

– Неприятности нас никогда не покидали. Однако это мелочи по сравнению с тем, на мой взгляд, что нас ожидает в скором времени.

Ламсдорф удивленно приподнял брови, а Плеве продолжил:

– После гибели адмирала Макарова ровно через три дня японцы повели наступление на суши. О делах наших на море можно теперь забыть. Русские всегда отличались героизмом

одинок, однако в массе своей они инертны. И ни Алексеев, ни Куропаткин, ни, тем более, вновь назначенный на Тихоокеанский флот адмирал Скрыдлов ничего уже не сделают. Россия эту войну проиграла еще до ее начала.

Ламсдорф вдруг почувствовал, что его начинает раздражать манера Плеве говорить так, как будто он единственный пророк в этом отечестве. Однако он не подал вида. Ему вдруг захотелось поскорее узнать, зачем все же приехал Плеве и что он старательно скрывает за кружевом слов о неминуемом поражении России на Дальнем Востоке.

Ламсдорф вспомнил, как однажды в гостях у графа Бенкендорфа Плеве рассказал о поведении птенца кукушки, который, вылупившись из яйца, первым делом старается столкнуть на землю другие яйца, чтобы пожирать все, что принесут родители в гнездо, одному.

Решив вести себя с Плеве осторожно, Ламсдорф сделал вид, что внимательно слушает его. Выждав, когда Плеве закончил говорить, спросил:

– Я полагаю, вы приехали ко мне не только за тем, чтобы сообщить эту пренеприятную весть?

– Я приехал потому, что при Дворе его величества перевелись люди, с которыми можно говорить о серьезных делах!

– Прошу прощения, – Ламсдорф прижал ладонь к сердцу. – Я очень ценю ваше доверие и разделяю ваше мнение по поводу того, что происходит вокруг. Я, как и вы, не понимаю, почему его величество вместо того, чтобы идти на союз с Германией, донкиходствует в пользу Франции. Сегодня в Европе доминируют две цивилизации – немецкая и русская. И многие уже понимают, что только их союз позволит сохранить эти цивилизации от революционных потрясений, – сказал Ламсдорф, решив не играть с Плеве в кошки-мышки. И тут же продолжил: – В прошлом году в Берлине я встречался с германским министром иностранных дел Вильгельмом фон Шеном. Замечательный и дальновидный человек! Он заверил меня, что Германия готова к созданию такого союза. Встречный шаг остается за Россией.

Ламсдорф заметил, как Плеве, услышав эти слова, оживился и заерзал в кресле.

– Надеюсь, его величество тоже понимает это? – спросил он.

Ламсдорф безнадежно махнул головой.

– Вы же знаете, мы связаны по рукам и ногам договорными обязательствами с Парижем... И государь не хочет ничего другого слышать... К тому же он очень настороженно относится к тройственному союзу Германии, Австрии и Венгрии.

– Да... да... да... Его величество Николай II – ни Павел I и ни Александр III. И это плохо, – заключил Плеве и внимательно посмотрел на Ламсдорфа, стараясь определить его реакцию на свои слова.

Однако лицо Ламсдорфа было непроницаемым. Его, видимо, уже занимали другие мысли. И Плеве не ошибся.

– Мы упускаем одно очень важное обстоятельство, – заговорил Ламсдорф, отойдя к окну и взирая на набережную Мойки. – Сегодня в Государственном Совете из 318 ее членов у 80 в жилах течет прусская, баварская и саксонская кровь! Я уже не говорю о департаментах, отделах, генералах и ее величестве Александре Федоровне... Император не может не учитывать это...

Высказав невольно то, о чем он часто думал и боялся произнести вслух, Ламсдорф вдруг испугался. А если Плеве донесет? И он решил сразу, после отъезда Плеве, поехать в Казанский собор и помолиться, чтобы не дай бог, этого не произошло...

Ламсдорф порой ненавидел себя за трусость больше, чем страну, в которой довелось ему жить. Каждый раз, проезжая мимо памятника Петру I, он со злорадством наблюдал, как голуби засиживают величественную голову Петра, некогда носившую императорскую корону. А когда однажды, будучи в Германии, Ламсдорфу попал в руки Готский альманах, называющий дом Романовых домом Гольштейн-Готторпов, хохотал от души.

Ламсдорф все чаще и чаще приходил к мысли о том, что наступает время защитить Романовых от Романовых, а самодержавие от Николая II...

Предшественник Ламсдорфа на посту министра иностранных дел Гирс как-то в пылу откровенности признался Ламсдорфу, что не за горами время, когда Европа должна будет взять на себя ответственность за спасение России от России... На практике это выглядело, по мнению Гирса, просто – Россия не должна противиться европейским домогательствам, в особенности германским, и покорно отойти на обочину европейской цивилизации. И он для этого делал все, что мог.

– ...По поводу Госсовета я с вами согласен, – сказал Плеве после минутного раздумья. – Однако нам с вами необходимо убедить его величество в том, что любое противодействие интересам Германии может вызвать в самой Германии революционный взрыв. В этом Россия не может быть заинтересована. Ибо следующая революция грянет уже здесь, в России!

Ламсдорф кивнул головой. Сомнения по поводу неожиданного появления в его кабинете Плеве прошли разом. Осталось теперь подумать, как остаться на вершине, а не у основания новой политической пирамиды. И не остаться без головы...

– Что будем пить? Коньяк или шампанское? – спросил Ламсдорф, полагая, что разговор с Плеве подходит к концу.

– Чай, – усмехнувшись, ответил Плеве. – По утрам я пью только чай, – добавил он. – А впрочем, и чаю не надо. У меня сегодня два совещания, и, если удастся, надо встретиться с его величеством...

Когда Плеве уехал, Ламсдорф еще долго не мог решить: ехать ему в Казанский собор или не ехать. Наконец, решил ехать, памятуя русскую поговорку: чем черт не шутит, когда бог спит...

По дороге в собор Ламсдорф перебрал в памяти все нюансы разговора с Плеве. Большой опасности для Ламсдорфа этот разговор не представлял. На крайний случай в сейфе у Ламсдорфа хранился такой криминал на самого Плеве, о котором он и не подозревал.

В свое время по рекомендации Плеве Николай II назначил Главным государственным инспектором Шванебаха. Совершенно случайно Ламсдорф выяснил, что Шванебах передавал одно время секретную информацию через австрийского посла в России Эренталья кайзеру Вильгельму. «Если это всплывет, – размышлял по дороге Ламсдорф, а это теперь зависело только от него, – ни Шванебаху, ни Плеве Сибири не миновать...»

5

...Неспокойно было на душе и у Плеве. Вернувшись в свое ведомство, он занялся было делами, но ненадолго. Что-то заставило его все время тревожиться. Плеве старался понять, откуда идет это чувство? От встречи с Ламсдорфом? Нет... Они оба видели себя хранителями немецкой элиты на русской земле. И оба верили, что именно в этом заключается их предназначение. Немецкая раса как полноценная не должна исчезнуть или быть изгнанной из России. Они в этом были убеждены. Значит, ему бояться нечего... Благоклонность императрицы к нему и к Ламсдорфу была явной и гарантировала их неприкосновенности...

Пожалуй, самую большую опасность для них представлял сам Николай II. Плеве, как прилежный ученик, изучил даже самые потаенные места в родословной его величества, чтобы заранее знать, откуда может исходить для него, Плеве, угроза.

Присматриваясь к Николаю, Плеве замечал в нем странные, порой несовместимые черты в характере. С одной стороны, прятавшуюся в глубине души жесткость, с другой – способность обласкать даже того, кого он считал своим недругом, и смотреть на него почти влюбленными глазами.

Со временем Плевелю понял: первое император унаследовал от отца, Александра III вместе с тягой к спиртному, второе – малый рост, скрытность, но способность смотреть на врага любящими глазами, от матери, датской принцессы Дагмары.

За этими размышлениями и застал Плевелю Шванебах, который почти вломился в его кабинет и плюхнулся в кресло.

– Что за чертовщина эта нынешняя зима! – произнес он громко, смахивая со лба пот. – То холодно, то жарко!..

Все это Шванебах выпалил на страшно ломаном русском языке, отчего вызвал улыбку на лице Плевелю.

– Я что-то сказал не так? – спросил Шванебах и выжидательно умолк.

– Все так, милостивый сударь, – успокоил его Плевелю. – Вы живете в России полвека, а русский язык так и не выучили...

– К черту этот русский язык! – побагровел Шванебах. – Пусть на нем говорят русские!.. Я к вам, граф, по делу. Нужна помощь. Вы, вероятно, слышали, что адмирал Гейден предложил его императорскому величеству план реорганизации командования военно-морского флота, используя опыт Германии...

Плевелю кивнул головой. А Шванебах продолжал с еще большим напором.

– ...Его величество дал согласие на реорганизацию, однако не согласился с этим морской министр Бирилев. Вы знаете, что это за человек? Бездарность и еще раз бездарность!..

– Но... позвольте, – прервал Шванебаха Плевелю, – если есть решение его величества, значит нам с вами не о чем волноваться. Так?

– Не так! – почти взревел Шванебах. – Бирилев добился выноса на обсуждение этой проблемы на Особое совещание...

– И его величество согласился? – поинтересовался Плевелю. Ему даже показалось, что Шванебах что-то перепутал.

– Вы что не знаете своего государя? – вместо ответа задал вопрос Шванебах.

– Знаю. И все же я удивлен...

– Можете не удивляться! согласился! Но и это еще не беда. Беда в том, что Особое совещание не поддержит идею адмирала Гейдена, как чуждую русскому флоту! Я это уже знаю!

Плевелю слегка пожал плечами. Горячность Шванебаха ему не понравилась, как и то, что Главный инспектор России явно занялся не своим делом.

– Я полагаю, последнее слово все же будет за его величеством, а не членами Особого совещания, – решил успокоить Шванебаха Плевелю. И тут же поинтересовался. – Если не секрет, почему вы так печетесь о плане адмирала Гейдена?

– Потому, что он...

– Из Пруссии? – с легкой иронией в голосе перебил Плевелю своего гостя.

Шванебах вскочил из кресла и заходил по кабинету.

– Какая разница!.. Из Баварии!.. Пруссии!.. Мы все кровно связаны с одной страной, имя которой Германия!..

Плевелю встал из-за стола. Подошел к Шванебаху и взял его под руку.

– Не надо горячиться, друг мой, – посоветовал он. – И не надо без надобности так громко говорить о своей любви к Германии. Насколько я знаю, премьер Витте уже не раз напоминал его величеству об излишнем засилье в русском государстве лиц немецкого происхождения, назвав это германофобией...

Последнее слово Плевелю подчеркнул особо.

Шванебах резким движением освободил руку.

– Кто такой Витте? Нищий, обрусевший немец! Неизвестно за что получивший титул дворянина! Плевелю я хотел на Витте! Придет время, пусть не в этом, пусть в другом столетии, и наши внуки и правнуки спросят со всех, кто забыл о своем происхождении, за все!.. И тогда

достаточно будет одного толчка, чтобы гены немецкой расы в России превратились в такую силу, которая погребет под собой всех, кто кровно с нами не связан!.. Если же говорить о русских, заселяющих этот огромный континент, то они больше всего на свете дорожат своим ленивым спокойствием, и нужны огромные усилия, чтобы они перестали предпочитать самое плохое, но уже привычное, неизвестному и рискованному будущему. Заметьте, это не мои слова. Это сказал один из русских террористов – Бакунин!

Плеве добродушно улыбнулся. А про себя подумал: «Да вы, милостивый сударь, отъявленный националист! Ну что ж... Это даже хорошо. Не всякий немец в России думает так».

Вслух же произнес:

– Действительно русских порой трудно понять. Я всегда с недоумением смотрю, когда во время поездки его величества по стране на железнодорожных и шоссейных магистралях объявляется военное положение, поднимаются по тревоге полки и приводятся в боевую готовность. А солдатам выдают боевые патроны! И они стреляют в крестьян, ненароком оказавшихся вблизи переездов, в плотогонов, если те не успели проплыть под мостом, по которому должен пройти царский состав. И даже в железнодорожных обходчиков...

– Мое ведомство и без этого предпринимало достаточно мер, чтобы исключить любую неожиданность. Ну хорошо... Давайте вернемся к вашей просьбе... Чем я могу помочь адмиралу Гейдену? – спросил Плеве.

Шванебах впервые за весь их разговор рассмеялся, обнажив крупные изрядно пожелтевшие зубы.

– Да у вас на каждого члена Особого совещания досье заведено! – воскликнул он. – Вы думаете, я не знаю, почему его императорское величество питал такую большую симпатию к вашему ведомству?

– Даже нежность, – съязвил Плеве.

– Может быть и нежность, – согласился Шванебах, не замечая иронии в голосе Плеве. – Мне же от вас нужна помощь именно в этом.

Плеве деланно вздохнул.

– Хорошо, мой друг, – согласился он. – Только услуга за услугу...

Шванебах в ответ бесцеремонно хлопнул Плеве по плечу.

– Любую вашу просьбу я выполню с удовольствием, – завершил он.

– Вы и Витте достаточно часто сопровождаете его императорское величество в поездках. Я был бы вам очень признателен, если бы вы запоминали, о чем Витте говорит с царем, как на это реагирует его величество, и сообщали об этом мне.

С лица Шванебаха улыбку сдуло, словно ветром.

– Помилуйте, граф, но я не осведомитель жандармского управления!

– Конечно, конечно! – воскликнул Плеве. – Но мы с вами должны, даже обязаны беспокоиться о безопасности его величества в первую очередь... Вот и все. Я именно это и имел в виду.

Шванебах хитро прищурил один глаз и погрозил Плеве указательным пальцем.

– Я согласен, – ответил он. – Услуга за услугу...

И снова рассмеялся.

– Я сказал что-то смешное? – спросил Плеве.

– Нет, нет!.. Просто я подумал – кто же на его величество может покушаться? Он не Александр III и тем более не Александр II...

Шванебах уехал явно довольный разговором, а у Плеве из головы не выходили последние слова Главного государственного контролера «...Он не Александр III и тем более не Александр II...»

Действительно сравнивать сына с отцом и тем более дедом было нельзя.

Плеве невольно вспомнил о страшном дне коронации Николая II в Москве и чудовищной трагедии на Ходынском поле. Москва была в трауре, однако по церемониалу в этот день должен был состояться бал у посла Франции Монтебелло, на который были приглашены император с императрицей.

Николаю II советовали не ехать на бал и просить французского посла отменить его, однако император без тени смущения попросил не придавать большого значения тому, что случилось на Ходынском поле, и поехал на бал.

В те минуты, когда у французского посла в банкетном зале расставлялись сто тысяч роз, специально доставленных из Франции, а слуги сервировали столы, сияющие серебром, привезенном из Версаля, на Ходынском поле солдаты убирали трупы...

Плеве, никогда не питавший к русским сколько-нибудь уважительного чувства, узнав об этом, просто не поверил. Через два дня от великого князя Сергея Александровича он узнал, что и бал у французского посла, и другие увеселительные мероприятия в Москве отменены не были.

Император всего лишь отстранил от должности московского обер-полицмейстера полковника Власовского за беспорядки в Москве и отбыл с супругой в Нижний Новгород открывать Всероссийскую ярмарку. Затем уехал в Вену, оттуда в Берлин в гости к кузену Вильгельму, где в Бреслау они вместе с Вильгельмом провели смотр и парад германских войск. Уже в конце августа царская чета посетила Копенгаген, побывав в гостях у деда со стороны матери, датского короля Христиана IX. А в начале сентября император с императрицей прибыли в Лондон в гости к королеве Виктории. Из Лондона их путь лежал в Шербург, где Николая II ждал французский президент. Три недели, проведенные во Франции, окончательно выветрили из памяти Николая II ходынскую трагедию. И только в середине октября Николай II с супругой прибыли в Петербург.

Спустя два месяца Плеве встретился с императором в Малахитовом зале Зимнего дворца, где царская семья наряжала новогоднюю елку.

Пожимая Плеве руку, Николай сказал: «Дай бог, чтобы и следующий, 1897 год, был таким же благополучным, как и этот».

6

Заканчивая свой рабочий день в 14 часов, Николай II по обыкновению открыл и просмотрел ящики стола. Все они были без документов. И только в самом нижнем из глубины ящика виднелся уголок какой-то бумаги. Николай достал ее больше из любопытства, чем из необходимости. Это было письмо графа Льва Толстого, переданное ему великим князем Николаем Михайловичем.

Николай сразу вспомнил его, скорее по странному обращению. Граф Толстой начинал письмо словами: «Любезный брат!..». Николая II тогда ошеломило такое обращение, однако письмо он прочитал до конца, хотя и не следовало бы.

Граф Толстой убеждал его в бессмыслии самодержавия и советовал передать все помещичьи земли крестьянам, уповая на то, что в противном случае в России случится взрыв народного негодования.

Когда он показал это письмо императрице Александре Федоровне, та удивленно вскинула вверх белесые брови и ахнула. Ей не верилось, что кумир многих придворных дам, граф Толстой, мог так поступить. Она была против отречения графа Толстого от церкви, однако Победоносцев уговорил императора проучить писателя, а заодно и приструнить тех, кто разделял его взгляды.

Теперь, вспоминая это, Николай II пришел к мысли, что он не ошибся, когда год назад взял под свое негласное покровительство «Союз русского народа», который газетчики почему-то называли «черной сотней».

...Летом 1903 года во время одного из балов императрица подвела к нему и представила фон Краммера, члена Государственного Совета, прибалтийского помещика, назвав его своим соотечественником.

Вскоре Краммер стал частым гостем императрицы и ее окружения.

Через месяц фон Краммер познакомил императрицу, а она императора с неизвестным никому при Дворе Дубровиным, председателем «Союза русского народа», который сразу пришелся Николаю по душе.

Правда, когда в Гомеле «черная сотня» Дубровина устроила массовые побоища митингующих и премьер Витте распорядился провести расследование, все тот же фон Краммер убедил Николая II не быть чрезмерно строгим к «черносотенцам», заявив, что они – его надежная опора. И Николай II тогда дал слово Краммеру, исправить приговор суда, если такой состоится... И попросил его передать это Дубровину лично.

Витте посоветовал держаться в тени от «Союза русского народа».

Николай II согласился.

На какое-то время даже разговоры придворных о «черной сотне» были запрещены.

Однако на одном из званных обедов в Зимнем супруге премьера Витте ненароком сказала, что Рачковскому на содержание типографии господина Дубровина выдано 75 тысяч рублей...

Никто за столом не придал особого значения этим словам, однако с того дня вход госпоже Витте в Зимний дворец был запрещен.

Откуда было знать супруге Витте, что неделей ранее на докладной записке Плеве о работе подпольной фабрики Дубровина император собственноручно написал: *«Выдать 75 тысяч рублей Рачковскому за успешное использование общественных сил».*

Николай не раз ловил себя на мысли о том, что Дубровин интересуется его все больше и больше. В то же время подсознательно он понимал, что за Дубровиным и его «Союзом русского народа» стоят обыкновенные лабазники и вышибалы.

Правда, великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович сразу и без всяких сомнений поверили Дубровину и его союзу.

«Эти люди, – сказал как-то Владимир Александрович в присутствии генерала Рауха и князя Путятина, – образец патриотизма и должны стать национальной гордостью!»

Еще раз рассеянным взглядом оглядев стол, император собрался было уже уходить, однако в это время в дверях появился великий князь Владимир Александрович и с ним Витте. «Легок на помине», – подумал Николай о великом князе. Но увидев его озабоченное лицо, спросил:

– Ну что случилось еще?

– Ничего особенного, – ответил великий князь Владимир Александрович с нескрываемой издевкой в голосе, – если не считать, что сегодня японцы перешли реку Ялу и атаковали наши войска по всему фронту...

Николай II грохнул кулаком по столу:

– Чем там занимается Куропаткин?! Он меня заверил – или умрет, или победит!..

– Лучше бы побеждал, ваше величество, – заметил Витте.

– Куропаткин будет отступать, пока не окажется под Читой! – заговорил великий князь Владимир Александрович.

Николай II метнул в его сторону недобрый взгляд.

– А кто мне советовал назначить Куропаткина Главнокомандующим маньчжурской армией? Вы с генералом Раухом!.. Назначил!.. Ну и что? Нашли мне второго Кутузова!.. – и тут же приказал Витте: – Сергей Юльевич, распорядитесь от моего имени направить Алек-

сееву телеграмму с требованием не отступать! Пусть вводят военно-полевые суды без исключения для всех чинов! И разберитесь со своим Бирилевым. Адмирал граф Гейден предлагает разумную реорганизацию командования военно-морского флота – разделив функции морского министра между начальником морского штаба и тремя командующими флотами. Я считаю это разумно! Однако Бирилев не согласен с графом Гейденом и требует, чтобы я вынес их спор на обсуждение Особого совещания. Неужели нам больше делать нечего?..

К этому времени Николай уже немного успокоился и, хитро подмигнув великому князю Владимиру Александровичу, вдруг спросил у Витте:

– Сергей Юльевич, позвольте вам задать один вопрос. Отчего вы не записались до сих пор в «Союз русского народа»? В подобной организации, насколько я знаю, вы когда-то состояли...

Вопрос Николая II не смутил Витте, хотя в душе у него что-то и екнуло.

– Не думал я над этим, ваше величество, – ответил осторожно Витте.

Николай II усмехнулся.

– А вот великий князь Владимир Александрович мне доложил, что побывал в «Союзе русского народа» на Большой Вульфовой и записался в союз...

– Я подумаю, ваше величество, – склонив голову, ответил Витте.

– Подумайте, подумайте, Сергей Юльевич. И не надо гнушаться, что там у них извозчики. Они истинно русские люди и готовы за самодержавие жизни не пожалеть!..

Николай II вернулся к столу и достал из верхнего ящика два значка с надписью «СРН».

– Это Дубровин подарил мне, – сказал он. Подошел к великому князю Владимиру Александровичу и приколот значок ему на грудь.

– Ну вот. Теперь ты равноправный член «Союза русского народа».

Витте заставил себя улыбнуться. А Николай II, повернувшись к нему, добавил:

– Вам не досталось, Сергей Юльевич... Из-за вашей нерешительности. – Он посмотрел на часы и, словно спохватившись, предложил. – Я приглашаю вас на обед. И никаких отказов!

Великий князь Владимир Александрович с радостью потер ладони.

– Если-с с водочкой, то отказов не будет, – сказал он.

...К обеденному столу императрица Александра Федоровна не вышла.

На вопрос великого князя Владимира Александровича, что случилось с Александрой Федоровной, Николай II ответил:

– Недомогание у нее... Ты же знаешь...

– Это верно?

– Вернее уже не может быть, – с затаенным вздохом ответил Николай II и неожиданно перешел на шепот, хотя рядом никого не было. – Александре Федоровне сказали – будет мальчик...

Великий князь Владимир Александрович коротко хохотнул.

– И как же определили?

Николай II взглянул на Витте, затем на своего сородича.

– По ногтям... По цвету ногтей, – пояснил он. – Вы можете не верить, а я верю.

Великий князь Владимир Александрович смущенно пожал плечами.

– На все воля божья, – сказал он и поднял рюмку с водкой. – Давайте за это и выпьем...

Николай II испуганно поставил свою рюмку на стол.

– Нет! За это я не буду пить! Раньше времени нельзя.

– Тогда за здоровье ее величества, – предложил Витте.

Государь согласился.

Приняв предложение отобедать с Николаем II, Витте не рассчитывал, что застолье затянется надолго.

Великий князь Владимир Александрович поглощал водку рюмку за рюмкой.

Николай II, подтрунивая над сородичем, сам пил тоже много, но не хмелел.

Витте, сославшись на головную боль, выпил только три рюмочки и то под давлением великого князя, который сказал «Бог любит троицу!..»

Уже к концу застолья великий князь, неизвестно кому грозя пальцем, с трудом выдавил из себя, обращаясь к Николаю II.

– ... А твой Плеве хитрая лисица!.. Ты знаешь, где он поместил типографию Дубровина?.. В подвале департамента полиции!.. Вот шельма!..

Великий князь потянулся к графину с водкой, однако Николай II остановил его.

– Хватит, – сказал он. – Ты уже начинаешь нести черт знает что...

– Хватит, значит, хватит, – безропотно согласился великий князь Владимир Александрович. – Тогда мы пошли...

– Ты иди, – сказал Николай II, – а Сергей Юльевич останется. Мне надо с ним кое о чем еще поговорить...

7

Особое совещание, на которое был вынесен спор между адмиралом фон Гейденом и военно-морским министром Бирилевым, затянулось допоздна.

По мере того как члены Особого совещания выступали против реформирования в руководстве военного флота, лицо императора становилось все мрачнее. Он сидел на месте председательствующего, набывшись, и не смотрел на выступающих.

Витте сидел рядом с генералом Драгомировым и видел, как тот время от времени покусывает ус, явный признак его расстройства.

Выбрав момент, Витте тихо спросил генерала:

– И каково будет решение, как вы думаете?

Генерал в ответ также тихо чертыхнулся.

– Решение уже есть, – и он кивнул в сторону Николая. – Вы же видите – ему не нравится все, что тут говорят...

Генерал Драгомиров оказался прав.

Выслушав всех, Николай II медленно поднялся с места и, глядя перед собой на поверхность стола, сказал:

– Господа, я выслушал вас внимательно. Взвесив все за и против, я принял решение – реформу командования флотом проводить будем. Это не моя прихоть. Такие способы командования уже оправдали себя в европейских морских странах, в том числе и в Германии, – Николай поднял голову, посмотрел на Гейдена и продолжил: – Адмирал фон Гейден был в Германии, видел, как это выглядит на деле, и я его поддерживаю. А по сему прошу адмирала фон Гейдена и министра Бирилева до конца апреля представить мне план реформирования для подготовки указа. Все, господа. Можете быть свободными.

– Ну что, угадал? – спросил генерал Драгомиров, поджидая Витте у выхода из зала.

Витте слегка пожал плечами.

– Угадали, угадали... – ответил он задумчиво. – Только я не особенно понимаю, зачем это реформирование?..

– Затем, чтобы нас потом легче было бить! – сердито перебил Витте генерал Драгомиров. – Не за горами время, когда нам придется иметь дело с Германией. И воевать мы будем с ней по методам кузена Вильгельма. Как, между прочим, и на Дальнем Востоке! – добавил он и тут же спросил: – Вы думаете, его величество знал все, что там происходит? Черта с два! На Дальнем Востоке безраздельно командует всем даже не Алексеев, а безобразовская шайка!

Слова старого генерала явились для Витте неожиданным откровением.

– Этого не может быть! – невольно вырвалось у Витте. – Никто против Алексеева не пойдет, и вы это знаете не хуже меня...

– Я это знаю также хорошо, как и самого Безобразова! – с возмущением продолжил генерал Драгомиров. – Вы, наверное, помните, что папенька нашего Безобразова был петербургским губернским предводителем. Надо отдать должное ему – крепок мужик. Если сказал слово – сдержит. А вот сынок, Алексей Михайлович, неизвестно в кого пошел. После Николаевского кавалерийского училища дослужился до полковника, но подал в отставку. Занялся коммерцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Попросту стал купцом. Тут купил, там продал! А несколько лет тому назад объявился в Петербурге, всюду вел темпераментные речи против японцев и их притязаний на Дальнем Востоке. Где-то они с императором встретились, и Безобразов понравился Николаю II. Хотя по сути своей Безобразов – человек тупой и малограмотный. Это я знаю не понаслышке.

– Выходит, из Безобразова и коммерсанта не вышло? – поинтересовался Витте. – А Сибирь ведь для многих благодатный край...

Генерал Драгомиров усмехнулся.

– Отчего же не вышло? Еще какой вышел коммерсант! Правда, не без помощи некоего фон Бриннера, родом из Баден-Вюртемберга. Этот хитрый лис в 1896 году получил от корейского правительства концессию на разработку лесов в районе реки Ялу. Вскорости фон Бриннер выпросил у нашего Правительства два миллиона рублей денег и открыл «Русское лесопромышленное товарищество», а пайщиками этого товарищества стали... кто бы вы думали? – генерал Драгомиров хитро прищурил один глаз. – Сказать? Император и его матушка императрица Мария Федоровна. Правление товарищества по сей день находится в Петербурге, а главой правления является Безобразов! Теперь вам понятно, Сергей Юльевич, откуда дует ветер? А вы мне про Алексея толкуете...

– Это для меня новость, честное слово, – признался Витте. – Я кое-что знал из того, в чем заинтересован его величество на Дальнем Востоке, я имею в виду в личном плане. А вот насчет матушки императрицы и Безобразова во главе русского лесопромышленного товарищества даже и не подозревал...

Генерал Драгомиров дружески хлопнул Витте по плечу.

– Дорогой Сергей Юльевич, я в таком возрасте, что мне уже нечего опасаться. Обидно за Россию. Все ратовали за войну с Японией: и фон Ламсдорф, и фон Плеве, и фон Розен... Я уже не говорю о шайке Безобразова! Но все они хотели маленькой победоносной войны с большой контрибуцией, за счет которой можно было бы списать все свои расходы. Однако на деле получается все не так, – генерал Драгомиров умолк и досадливо дернул себя за ус... – А будет еще хуже! Потому как даже при Дворе на эту войну смотрят, как на легкое недоразумение.

Витте знал об этом. Он вспомнил, как однажды кто-то из придворных при Николае II назвал японцев: «пруссаки Востока». На что император пренебрежительно заметил: «Этим макакам далеко до пруссаков. Ростом не вышли».

– И, тем не менее, война идет, и ее надо выигрывать, – произнес Витте. – Иначе нам грош цена в базарный день...

Генерал Драгомиров тяжело вздохнул и тоскливо посмотрел за окно. Там стоял апрель, но было такое впечатление, что зима еще не прошла.

– Выигрывать надо, батенька мой, коль ввязались в драку, – ответил Драгомиров. – Только кто будет выигрывать? Алексеев? Он не способен даже полком командовать! Куропаткин? Умный, однако трусливый. И потому войска свои будет держать вдоль железной дороги, чем дает возможность японцам обходить его!.. Стессель? Этот боится даже своей тени!.. Кровью солдатской, может быть, и выиграем. И то я уже сомневаюсь...

– Я слышал, его величество намерен в первых числах мая ехать в Полтаву, Белгород, Тулу и Москву для смотра войск и освещения частей, которые будут отправлены на Дальний Восток.

Драгомиров слегка приподнял лохматые брови.

– Правильно, Сергей Юльевич! – усмехнулся он. – Мы будем бить японцев образами наших святых, а они нас будут лупить снарядами да гранатами! Ты его святым образом, а он тебя гранатой! Ты его евангелием, а он тебя – пулей!.. Веселенькая война... Война кое-каков с макаками... Господи, прости мою душу грешную, – и генерал Драгомиров мельком перекрестился.

Вернувшись домой на Каменноостровский проспект, Витте отказался от ужина и уединился в своем кабинете. Хотелось побыть одному, подумать над всем, что он сегодня увидел и услышал.

Однако мысли его все время невольно возвращались к вопросу государя о том, почему он не в «Союзе русского народа». И эта шутка со значком...

«Неужели это и есть спасение монархии от крамолы?.. – мучительно размышлял он. – Боже мой!.. Неужели они не понимают, что роют себе могилу?..»

Он вдруг вспомнил, когда 6 и 7 апреля прошлого года в Кишиневе случился погром, следственная комиссия, направленная им в Кишинев, доложила, что погром был инсценирован министерством внутренних дел... Из доклада следовало, что 4 апреля к кишиневскому губернатору прибыл агент министерства внутренних дел, он же оказался и доверенным лицом «СРН», и вручил губернатору директиву о проведении монархической манифестации, инструкцию, как ее проводить, и деньги, которые следовало сразу передать в местное отделение «СРН».

Через два дня по центральным улицам Кишинева прошла беспорядочная толпа. Она несла хоругви, иконы и портреты царя.

В людных местах толпа останавливалась, и ораторы произносили подстрекательные речи. Тут же разбрасывались на головы прохожих листовки с провокационными призывами. Затем в центре Кишинева прошел молебен в защиту монархии. По его окончании, депутация была направлена на телеграф и дала от имени манифестантов на имя его величества телеграмму с выражением преданности и любви.

В этот же день из Петербурга пришла ответная телеграмма с благодарностью.

Следователи выяснили, что ответная телеграмма была сигналом к действию.

7 апреля с утра еще большая толпа черносотенцев, вооружившись кольями, ломami и ножами, а кое-кто и ружьями, двинулась в еврейские кварталы, громя и поджигая все на своем пути. Затем толпа направились на окраину города, застроенные рабочими лачугами, и там завершила свой погром.

8

Первая половина мая в северной столице выдалась сырой и холодной. Ночью с Финского залива напоздали густые липкие туманы, с рассветом туманы таяли, оставляя после себя сырые стены домов и скользкие мостовые.

На голых ветвях деревьев мостилось только воронье, крикливое и вороватое.

Перелетных птиц еще не было.

...Витте в этот день, как всегда, приехал на службу к девяти часам. Не успев переступить порог своего кабинета, как ему сообщили, что его срочно вызывают к императору в Зимний дворец.

Когда Витте вошел в рабочий кабинет Николая, увидел великих князей Николая Николаевича и Владимира Александровича, Ламсдорфа, Плеве, военного министра Сухомлинова, морского министра Бирлева и адмирала фон Гейдена.

– Ну, слава богу, теперь можно и начинать, – обронил Николай II в ответ на приветствие Витте. – Садитесь, Сергей Юльевич.

И император указал на кресло с правой стороны от своего стола.

– Кто будет докладывать? – обратился он к адмиралу фон Гейдену. – Вы или Сухомлинов?

– Я, ваше величество, – ответил Сухомлинов, вставая с места.

– Докладывайте...

– Ваше императорское величество, господа, – начал Сухомлинов, – за несколько последних дней наше положение на Дальнем Востоке осложнилось.

5 мая японцы высадили свои войска в северной части Ляодунского полуострова недалеко от Бицзиво и, выставив мощный заслон против Маньчжурской армии Куропаткина, начали продвигаться на юг в направлении Цзинь-Чжоутской позиции, занимаемой нашими войсками.

Наместник генерал Алексеев еле успел выехать из Порт-Артура в свою ставку в Мукден. Сообщение по железной дороге в сторону Квантуна прервано.

Командующий Квантунским районом генерал Стессель приказал генералу Фоку, возглавляющему оборону Цзинь-Чжоутской позиции, задержать противника, однако не рисковать, основывая свое решение на том, что эта позиция, несмотря на наличие тяжелой артиллерии, слаба и находится далеко от Порт-Артура, – Сухомлинов сделал зачем-то паузу, затем продолжил. – 13 мая японцы атаковали Цзинь-Чжоутскую позицию, понеся большие потери. По докладу генерала Фока перед линией обороны японцы оставили около 5 тысяч убитыми.

В общей сложности бой шел 16 часов, после чего генерал Фок приказал отступить, бросив тяжелые орудия...

– Значит дорога на Порт-Артур открыта? – спросил Николай. Он поднял голову и тяжелым взглядом уперся в Сухомлинова. – А что Порт Дальний?

Сухомлинов, сдерживая волнение, кашлянул в кулак.

– Порт Дальний, ваше величество, сдан... По поступившей информации от генерала Куропаткина можно сделать вывод, что здесь готовится высадка новой японской армии...

Витте заметил, как последние слова Сухомлинова слегка ошеломили Николая II. Он откинулся на спинку кресла и сидел так неподвижно несколько минут, упершись взглядом в одну точку где-то на потолке.

В кабинете воцарилась мрачная тишина.

Ее нарушил великий князь Николай Николаевич.

– Приплыли, – произнес он медленно будто про себя.

Николай II очнулся.

– Что? – спросил он и обвел присутствующих сверлящим взглядом. Небольшого роста, он показался Витте в эту минуту еще меньше. Усы, френч с полковничьими погонами на узеньких плечах – все как-то сразу померкло и потеряло царское величие, которое буквально еще несколько минут тому назад довлело над всеми. – Что? – переспросил император.

– Я сказал, приплыли, – повторил великий князь Николай Николаевич.

– Куда приплыли? – не понял Николай II.

– Уже никуда, – ответил великий князь и обратился к Сухомлинову. – Ну, а что там наше командование делает?

Военный министр выжидающе посмотрел на Николая. Тот слегка кивнул головой, давая понять Сухомлинову, что он может ответить на вопрос великого князя Николая Николаевича.

– Трудно сказать, ваше сиятельство, – начал Сухомлинов. – На мой взгляд, там нет единого командования. В одном Порт-Артуре три власти: командующий войсками Квантунского района генерал Стессель, комендант крепости генерал Смирнов, временно командующий флотом адмирал Витгефт. Адмирал Скрыдлов в Порт-Артур до сих пор не прибыл. Он находится во Владивостоке...

– Хватит! – вяло махнул рукой Николай II. – И так все ясно. Генералов и адмиралов много, а командовать войсками и флотом некому! – И обратился к Бирилеву: – Сегодня же отправьте от моего имени запрос во Владивосток. Я хочу знать, почему адмирал Скрыдлов

не в Порт-Артуре. Такой же запрос – наместнику Алексееву. Почему Куропаткин отступает? Почему Алексей не руководит боевыми действиями? Кто сдал Порт Дальний?..

Император умолк и закрыл глаза. И снова в кабинете воцарилась тишина, от которой холодок пробегал по коже. Лицо императора было бледным, губы слегка подрагивали.

Наблюдая за Николаем II, Витте почувствовал, что ему становится не по себе.

Прошло, наверное, минуты две или три пока Николай II открыл глаза и тихо произнес:

– Министры Сухомлинов, Бирилев и адмирал фон Гейден свободны... Остальных прошу остаться...

Когда Сухомлинов, Бирилев и фон Гейден вышли, Николай II продолжил также тихо:

– На днях императрица Александра Федоровна получила престранное письмо от герцога Гессенского. Герцог сообщает, что в Германии наблюдается рост влияния социалистов не только в обществе, но и в армии. Я полагаю, это хуже для Вильгельма, чем его необъявленная война с князем Бисмарком.

Опасения герцога Гессенского подтверждаются сообщениями, которые поступают от нашего посла в Берлине и от военного атташе, – Николай II прервал речь и перевел взгляд на Плеве. Тот встал. Однако император жестом показал ему, чтобы он сел. – Мне кажется, в России происходит то же самое.

Николай II сделал паузу, возможно, для того, чтобы кто-то из присутствующих высказал свое мнение. Однако все молчали.

– Одному всевышнему известно, что для нас лучше: изменить свое отношение к Германии или довести дело до логического конца и утопить разом в крови своих и чужих бунтовщиков...

Витте вдруг догадался, о чем сказал Николай II.

– Ваше величество, – не выдержал он, – если вы имеете в виду войну с Германией, то как и в любой войне будет победитель и будет побежденный. Если Россия окажется побежденной, от нас потребуют сдачу и рынков сбыта, и сырьевые ресурсы! А, возможно, и жизненное пространство...

– А потерять все?! – раздражено возразил великий князь Владимир Александрович. – Это как, по-вашему?

Гнев великого князя Владимира Александровича был столь велик, что Николай II даже поморщился.

– Не будем ломать копыта раньше времени, – сказал он. – Я оставил вас для того, чтобы поделиться мнением, а не для того, чтобы решать вопрос о мире и войне с Германией. Мне сдается, хватит нам и этой войны.

– Ваше величество, – поднялся с места Ламсдорф, – разрешите мне высказать свое мнение.

– Говорите.

– Ваше величество, среди нас нет ни одного, кто бы ни разделял вашу тревогу. Но, слава богу, мы еще помним те дни, когда ради возвышенных целей в походе против бунтующей черни на Пиренеях объединили свои усилия русский царь, немецкий кайзер и даже французские либералы. В результате были спасены португальский и испанский троны...

– Только вознаграждение за это оказалось не одинаковым, – впервые за все время подал голос великий князь Николай Николаевич. – России предоставили возможность быть довольной своим участием в этом союзе, Германия получила анклав и военно-морские базы в Анголе, Мозамбике и на Мадейре. А о французах я и говорить не хочу!

– Действительно... Вы правы. Бурбены оказались неблагодарными, – согласился Николай II. – Однако бог с нами... Сегодня речь идет не о контрибуциях, а об угрозе нашей государственности. И каждый из нас может оказаться в роли жреца, от которого в той или иной мере будет зависеть судьба России.

9

Встреча Плеве с Ламсдорфом и их разговор убедили Плеве в том, что появилась еще одна возможность повлиять на Николая II, чтобы изменить отношение к Франции в пользу Германии.

Последнее срочное совещание, которое провел император, еще более укрепило уверенность Плеве в том, что его час пробил.

Плеве был уверен: война с Японией будет проиграна, и Николаю II, чтобы сохранить монархию в неприкосновенности, придется идти на союз с Германией.

Перебрав в памяти всех, кто из окружения Николая II был ближе к нему, и с кем надо встретиться, Плеве остановился на двух фигурах: сенаторе Нейгардте, который в молодости служил вместе с Николаем II в Преображенском полку. Император имел хорошую память и не забывал друзей юности. Не без помощи Николая II Нейгардт попал на службу в министерство внутренних дел, особо опекаемым его величеством, затем был назначен градоначальником Одессы. Там уличен в казнокрадстве, но выручил друг юности. После Одессы Нейгардт получил назначение на пост губернатора сначала Нижегородской губернии, затем Екатеринославской.

Вторым был барон Будберг, помещик, прибалтийский немец. Из досье на Будберга Плеве знал, что барон окончил Петербургский пажеский корпус и служил сначала в юстиции, потом в военном ведомстве. Приблизился невесть каким образом к Александру III и постоянно сопровождал его в поездках по Австрии и Германии.

При Николае II получил назначение главного управляющего канцелярии прошений на имя царя. Был вхож к его величеству и слыл тайным советником государя.

«Немецкое ядро» внешнеполитической службы фон Ламсдорфа, как окрестил прусаков Плеве, работало неплохо, но уже и недостаточно хорошо. До последнего времени им все же удавалось не допускать серьезных разногласий во внешней политике России с Германией.

Неприятным было то, что появилась серьезная трещина в династическом союзе с прусским двором. Кузен Николая II открыто встал на сторону Японии.

Попытка Плеве повлиять на Николая II через императрицу Александру Федоровну и провести встречу монархов ничего не дала. Николай II был настолько зол на своего прусского сородича, что даже не стал говорить с императрицей.

Надо было срочно что-то предпринимать.

... «Тайная вечеря» состоялась у Плеве дома в третье воскресенье мая.

Первым приехал Будберг, минута в минуту. Нейгардт немного опоздал. Извинился, ссылаясь на то, что его задержала супруга Столыпина, родная сестра Нейгардта, пребывающая ныне в Петербурге.

После приезда Нейгардта Плеве предложил для разговора пройти к нему в кабинет

Вслед за ним в кабинет вошла супруга Плеве, принесла чай с лимоном и сразу вышла.

– Хотите новость? – спросил Будберг и хитро прищурил один глаз.

– Новость? – переспросил Плеве, усаживаясь поудобнее в кожаное кресло. – Ну расскажите.

– Императрица Александра Федоровна беременна!.. Ждет мальчика!

Барон произнес эти слова почти торжественно и взглядом победителя обвел всех присутствующих в кабинете.

Нейгардт неожиданно хмыкнул. А Плеве сразу же напряг память, стараясь вспомнить, от кого он уже это слышал. Вспомнил! Об этом как-то упоминал великий князь Николай Николаевич...

– Ну что ж... Слава богу, – отозвался Плеве. – Российскому престолу нужен наследник...

– Но не такой как его величество, – буркнул Нейгардт. – На заседаниях Сената слово из нашего величества не выдавишь...

– Ну-у-у, Дмитрий Борисович, – возразил Будберг. – Вы не правы. Русская пословица гласит: кто молчит, тот жнет, а кто говорит, тот сеет.

Нейгардт вяло отмахнулся от него.

– Мне ваши русские пословицы не нужны. Настоящей самодержавности царю, к сожалению, не хватает. Толи дело был Павел! Он прямо говорил: «В России вельможа лишь тот, с кем я говорю, и лишь до тех пор, пока я с ним говорю!»

– Друзья мои! – остановил их Плева, опасаясь, что гости могут перессориться с самого начала. – Не будем спорить. Время – лучший судья. Оно всех поставит на свои места. Я бы хотел вот о чем с вами посоветоваться... Не знаю, что вы думаете о войне с Японией, а мне кажется – ничего хорошего из нее для нас не выйдет. Значит, уже сегодня мы должны искать себе надежного союзника. И хотя его величество по-прежнему уповает на Париж...

– Париж!.. – прервал Плева Будберг. – Однажды Александр II, царство ему небесное, во время поездки во Францию сказал: «Не поверите, какую муку я испытываю, когда на церемониях приходится выслушивать их «Марсельезу»! Лучше бы это был «Венский вальс».

– Bravo, Александр Андреевич! – усмехнулся Нейгардт. – Но давайте лучше до конца выслушаем хозяина, а потом уже будем предаваться воспоминаниям.

Будберг низко склонил голову и приложил руку к сердцу.

– Прошу прощения, – сказал он, обращаясь к Плева. – Буду нем как рыба.

– Ну, отчего же, – улыбнулся Плева. – Мы не в Сенате... Кстати, Александр Андреевич, вы всегда сопровождали прародителя его величества в его поездках во Францию. Скажите, как могло случиться, что Александр III, недолюбливая Францию, выбрал для наследника российского престола в невесты принцессу Орлеанскую?

Будберг удивленно вскинул брови.

– Недолюбливал Францию? – переспросил он. – Для Александра III было две Франции. Одна – республиканская с ее «Марсельезой» и другая – монархическая. Принцесса Елена Орлеанская принадлежала к той Франции, которую Александр III боготворил. Что касается Алисы Гессенской, то она попала на глаза молодого наследника Российского престола случайно. Я это хорошо знаю. В то время он был глуп и неразборчив, а его наставники, слава богу, опытные и дальновидные.

Плева кивнул головой.

– Да... да... да... – проговорил он. – Вы правы, Александр Андреевич, у любого монарха должны быть дальновидные наставники. Монарх – это олицетворение власти, а власть – это наставники, – заключил он и улыбнулся, довольный своим умозаключением. – К великому сожалению, у нас сегодня рядом с его величеством почти нет дальновидных наставников.

Услышав это, барон Будберг недовольно раздул вислые щеки, однако Нейгардт умоляющим жестом остановил его. А Плева продолжил:

– ...Я полагаю, настало время убедить его величество в том, что оценка ценностей императором должна сводиться к отрицанию смысла и значения всего, кроме силы. Где сегодня формируется сила? В Германии! Если мы этого не сделаем, неизбежен серьезный конфликт в Европе, который породит не одну революцию.

На этот раз не сдержался Нейгардт. Безапелляционное заключение Плева вызвало у него легкое раздражение.

– С вами, дорогой вы наш друг, можно соглашаться и не соглашаться, – сказал он. – Советников у его величества предостаточно. Вопрос в другом – слушает ли он их. К примеру, барон Будберг Александр Андреевич, – Нейгардт артистичным широким жестом указал на мрачного соседа. – Ни один внешнеполитический вопрос его величество не решает без учета его мнения...

Будберг побагровел, почувствовав в словах Нейгардта намек на неудачные попытки внешнеполитического ведомства избежать конфликта с Японией.

– Дмитрий Борисович, – сказал он, – император не супруга. Это ей вы можете высказывать свое мнение, и она воспримет его как ваше желание. И еще, чтобы влиять на его величество, надо уметь держать язык за зубами. Не вы ли, милостивый сударь, вместе с фон Ламсдорфом неоднократно, не таясь, заявляли, что упрочение русской государственности, проводимое его величеством, вызывает у вас раздражение, а сооружение Петром I Петербурга – насмешку!.. Вы полагаете, такие речи не доходят до слуха его величества?

Плеве досадливо поморщился и чертыхнулся про себя. Ему очень не хотелось быть сегодня мировым судьей, и он решил с этой минуты взять в свои руки ход беседы.

– Все, все, господа! – энергично запротестовал он. – Каждый из нас не безгрешен. И живем мы и мыслим, порой, по-разному, однако это не освобождает нас от исторической ответственности и за судьбу России, которая стала нам второй Родиной, и за судьбу той родины, откуда пришли наши отцы и деды. И пока добирались сюда по разбитым российским большиакам их будущие невесты, жандармские чины и сановники – в их умах уже тогда зародилась мысль о величии немецкой расы, призванной богом навести порядок на этой огромной территории, заселенной унтерменшенами. – Плеве умолк на секунду, чтобы определить сколь велико внимание Нейгардта и Будберга к ходу его мысли. И, убедившись, что они его слушают, продолжил, прибавив голосу немного вдохновения и чуть-чуть пафоса. – Друзья мои! На протяжении почти двух веков, начиная от Фридриха II и до Вильгельма II, утверждалось мнение, что на русских просторах без участия немцев ничего хорошего не получится. Разве мы с вами не знаем: вся династия Романовых это исторический плод деятельности немецкой расы! Только немцам предназначено богом управлять на земле! И мы не можем позволить себе предать забвению это предначертание.

Плеве закончил говорить и внимательным взглядом окинул гостей. Тут же для себя отметил, что Будберг воспринял его слова как призыв к действию. Нейгардт же, развалившись в кресле, задумчиво щипал себя за ус и по его виду трудно было что-либо определить.

Первым заговорил Будберг.

– Я потрясен вашими словами, – произнес он с восторгом. – Вы справедливо напомнили нам то, о чем мы действительно не имеем права забывать. Общение русского и немецкого народов было длительным и полезным. Никто иной, как немецкие ремесленники дали жизнь Московской слободе, а немецкие химики для Ломоносова оснастили первую лабораторию российской академии на Васильевском острове. А посему никого не должно удивлять то, что выходцы из Германии занимают и должны занимать в России достойные места...

– Как эпохальное немецкое достижение, – усмехнувшись, заметил Нейгардт.

– Да бросьте вы шутить, Дмитрий Борисович! – возмутился Будберг. – Все движется к тому, что скоро дело обернется не шуткой!.. Вы не видите, какие безобразия творятся вокруг? Сегодня безродный предводитель погромщиков некий Дубровин заходит к царю, как к себе домой!.. И вы, любезный сударь, жмете этому Дубровину руку! А кто за этим Дубровиным стоит? Воры и убийцы!.. И не они спасут монархию! Они породят только беспорядки, страх и ненависть, коими и воспользуются социалисты и им подобные. Попомните мои слова!

Ни Плеве, ни Нейгардт не стали возражать Будбергу.

Плеве был доволен встречей. Он еще раз убедился, что не ошибся ни в Будберге, ни в Нейгарде.

... Уже прощаясь в гостиную, Нейгардт поинтересовался у Плеве:

– А какие новости с Дальнего Востока?

Плеве в ответ слегка пожал плечами.

– Никаких особенно... Куропаткин отступает. Наместник засыпает императора телеграммами, взывая о помощи. Стессель, по-видимому, оказался трусом и сетует на неподготовлен-

ность Порт-Артура к обороне... Кто еще там? Абазов? Это пустое место. Флот после гибели адмирала Макарова практически не действует...

10

За ужином Николай II сообщил Александре Федоровне:

– Сегодня приезжал ко мне князь Голицын. Говорит, что для отливки статуи прародителя необходимо ехать в Италию и приглашать итальянских мастеров. Я согласился. Пусть едет.

– А в России таких нет? – поинтересовалась императрица.

– Не знаю, голубушка. Князя Голицына я назначил председателем комиссии по строительству памятника прародителю. Ему и решать, где брать мастеров-литейщиков.

Александра Федоровна знала, что еще в 1897 году супруг высказал мысль об увековечении памяти Александра III. Однако конкурс на лучший проект памятника был объявлен только через шесть лет – в 1903 году.

Проекты собрали скоро и выставили в Зимнем дворце.

Николай настоял, чтобы к осмотру проектов были допущены только члены царской фамилии, Витте и еще несколько сановников, коим император доверял.

По условию все проекты были без имен авторов. На каждой работе должен стоять знак, принадлежащий скульптору.

Николай и его мать императрица Мария Федоровна, не сговариваясь, выбрали один, объявив его лучшим.

Вскрыли пакет и прочли имя – Паоло Трубецкой. Сначала Трубецкого пригласили к Витте. Выяснилось, что автору 25 лет, родился он в Италии и был незаконнорожденным сыном обнищавшего в Риме молодого князя Трубецкого и итальянки. В Россию Паоло приехал недавно по приглашению Петра Николаевича Трубецкого, предводителя московского дворянства, который поселил юношу в своем доме и устроил преподавать в художественном училище.

Витте молодой человек показался необразованным и мало воспитанным, однако, с большим художественным талантом.

Когда Паоло Трубецкого представили Николаю и Александре Федоровне, он им очень понравился. Проект был утвержден. Для руководства строительством памятника Николай утвердил комиссию во главе с князем Голицыным, в которую сам вписал художника Бенуа и министра просвещения графа Толстого.

По приказу Николая II на Невском проспекте был оборудован специальный павильон для работы Паоло Трубецкого.

Александра Федоровна не раз и сама, и вместе с супругом посещала павильон.

Молодой скульптор работал энергично и увлеченно. И ей это очень нравилось.

Императрица Мария Федоровна тоже была довольна, хотя, как она призналась князю Голицыну, ничего в этом не понимала.

Однажды князь Голицын пожаловался Александре Федоровне, что Трубецкой слишком строптив и игнорирует мнение комиссии. Однако Александра Федоровна решила не говорить об этом императору. Памятуя, что не так давно она оказалась невольным свидетелем неприятного разговора между великим князем Владимиром Александровичем и Николаем II. Великий князь сказал, что Трубецкой лепит карикатуру на покойного брата. Николай II вдруг побледнел, круто развернулся и ушел, не сказав ни слова.

Александра Федоровна заметила по лицу Николая II, что супруг что-то не договаривает. И потому спросила:

– И в этом вся твоя печаль?

Николай II поднял на нее глаза.

– Я даже и предположить не мог, что мой морской министр окажется такой сволочью! – сказал Николай II. И пояснил. – Ты представляешь, что он сказал на днях? По его мнению, вместо памятника Александру III лучше бы построить пару броненосцев!

Александра Федоровна тихо встала из-за стола, подошла к Николаю и слегка прижалась к нему уже заметным животом.

– Не расстраивайся по пустякам, – посоветовала она. – Пусть говорят... У них у каждого свое на уме, – Александра Федоровна на миг умолкла и вдруг продолжила: – Ты знаешь, я его все время чувствую. Он будто торопится... Мне даже становится страшно...

Николай повернулся к супруге и поцеловал в живот.

– Это ему мой царский поцелуй.

На глазах Александры Федоровны навернулись слезы. Она была сентиментальна и не умела сдерживать свои эмоции. Ее эмоциональность в свое время и покорила сердце молодого наследника российского престола. Однако теперь она действительно временами испытывала чувство невиданного доселе страха. Мучительно думала – откуда он исходит. И, наконец, поняла. Это был ее последний шанс подарить Николаю сына, а России наследника династии Романовых.

Николай II нежно отстранил от себя супругу, встал и со вздохом произнес:

– У меня еще на сегодня гора дел... Ответить надо вот на телеграммы Стесселя и Куропаткина. И подготовиться к завтрашнему заседанию Государственного Совета... Ты знаешь... Смотрю я на них и не вижу ни одного умного... Возьми, к примеру, Бирилева. Кроме анекдотов и шуток – ничего от него не услышишь. А Сухомлинов? То же самое! Слава богу, избавился от Куропаткина... А Муравьев – министр юстиции, шут!.. Да! – вдруг воскликнул Николай. – Ты не забыла, завтра 18 мая – восемь лет со дня коронации!..

Николай II заметил, как в глазах Александры Федоровны мелькнул испуг, но она тут же усилием воли подавила его. Все восемь лет она пыталась забыть этот день и не могла...

Растерянность и испуг Александры Федоровны встревожили Николая.

– Ты что? Тебе плохо? – спросил он.

– Нет, нет, – торопливо ответила Александра Федоровна. – Все хорошо. Я не забыла, но, думаю, устраивать какие-либо торжества по этому поводу не стоит. Не время.

...Ночью Николаю приснился кошмарный сон: за ним по Невскому проспекту гналась окровавленная толпа. Он видел глаза обезумевших людей. Они были мертвые, ничего не выражающие и смотрели не на него, а куда-то дальше. Ему казалось, если он остановится, они пробегут мимо. Но он боялся остановиться и бежал изо всех сил, пока не упал...

В ужасе Николай II проснулся в холодном поту все еще не веря, что он живой, один в спальне и никого вокруг нет...

На следующий день он выглядел разбитым. За чаем Александра Федоровна некоторое время молча наблюдала за ним, потом спросила почему-то по-немецки.

– Ники, тебе нездоровится?

Николай поднял на нее усталые глаза.

– Не волнуйся. Просто разболелась голова... Ты знаешь... я вот о чем подумал... Еще в прошлом году я принял решение построить новую яхту. Не буду я строить новую яхту... Пусть «Штандарт» нам еще послужит...

– Не от этого ли головная боль? – добродушно улыбнулась Александра Федоровна.

– Может, и от этого, – уклонился от ответа Николай II. Немного подумал и продолжил. – Не поеду я сегодня на Госсовет. Обойдутся без меня. Поедем-ка лучше в Царское, – вдруг предложил он. – И воздуха там и света по более чем тут. А хочешь в Петергоф? Надоело мне здесь видеть одни и те же подбострастные рожи. Устал я от них.

– А девочки? – спросила она.

– Поедут с нами, – ответил Николай II. – Сделаем им майские каникулы.

Императрица в последнее время не раз видела Николая в кабинете его отца за столом, заваленного бумагами, в подавленном состоянии. Она предлагала поменять кабинет, однако он отказывался, ссылаясь на то, что многим привычнее видеть его в кабинете Александра III.

Особенно жалко ей было супруга, когда в кабинет вваливались дядьки – великие князья. Они садились где попало, вели себя разнузданно. И всегда чего-то требовали от него. И Николай II уступал им каждый раз до тех пор, пока однажды не вызвал к себе коменданта дворца генерал-адъютанта Черевина и приказал ему вывести из кабинета великих князей и пускать их, как и всех, заранее оповестив об их желании быть принятыми.

Этот порядок не распространялся только на двух лиц – святых отцов Серафима и Гермона – бывших ротмистров кавалерии Преображенского полка, с которыми Николай II в юные годы вместе проходил службу.

Они были с ним рядом и в тот трагический день 20 октября 1894 года на террасе Ливадийского дворца, когда за два часа до своей смерти Александр III, сидя в кресле, вдруг потребовал от наследника немедля тут же подписать манифест к населению России о вступлении на престол...

Глава IV

1

Генерал Кондратенко встретил адмирала Витгефта на командном пункте на мысе Электрический. Адмирал сутулился и выглядел усталым.

Витгефт поделился с Кондратенко своими размышлениями по поводу гибели «Петропавловска». Он рассказал, что в ночь, которая предшествовала этой трагедии, с берега заметили в море какие-то суда. Доложили Макарову и спросили разрешение на открытие огня. Однако Макаров не разрешил. Он сказал, что это свои миноносцы, которые должны были вернуться с разведки. Однако миноносцы вернулись только под утро. Надо было отдать приказ протралить места, где были замечены корабли, но почему-то никто этого не сделал...

– ...А у вас как дела, Роман Исидорович, – спросил тусклым голосом Витгефт.

– С переменным успехом, Вильгельм Карлович.

– Как же могло случиться, что сдали порт Бицзыво? – задал вопрос Витгефт. – Там же рядом генерал Фок стоял с четырьмя полками и артиллерией?

Кондратенко развел руки.

– Никто пока толком не знает, – ответил он. – В самом порту находилась небольшая команда пехоты. Когда японские корабли открыли огонь по Бицзыво, команда отошла, а генерал Фок не посчитал необходимым оказать поддержку, не имея на то приказа. Японцы, естественно, воспользовались этим и начали высадку войск.

– А вы здесь по какому делу? – в свою очередь поинтересовался Кондратенко.

– Стессель приказал прибыть сюда.

– Зачем?

Адмирал Витгефт тоскливым взглядом окинул бухту и только после этого ответил:

– Предлагает разоружить корабли эскадры, а матросов списать на берег...

Кондратенко недоверчиво посмотрел на Витгефта.

– Вы не шутите, Вильгельм Карлович? – спросил он.

– Нет, Роман Исидорович. Тут уже не до шуток, когда флотом командовать берется Стессель.

– Вы об этом доложили заместителю?

– Да...

– И что?

– Пока молчит.

– Да они с ума посходили! – не выдержал Кондратенко. – Это же будет означать гибель эскадры!..

Кондратенко знал, что порт-артурская эскадра действительно оказалась в сложных условиях. Об этом многие говорили в крепости. Однако и японский флот нес потери. 15 мая в двух милях от Порт-Артура подорвались на минах, поставленных минным заградителем «Амур» под командованием капитана второго ранга Иванова, два новейших японских броненосца. Третий броненосец погиб от детонирующих в его трюме снарядов.

На другой день столкнулись два японских крейсера «Касуга» и «Иосино». Крейсер «Иосино» затонул. «Касуга» же надолго вышел из строя.

Решение Стесселя разоружить эскадру, по убеждению Кондратенко, было безумием!..

– Хотите, я переговорю со Стесселем, – предложил Кондратенко. – Нельзя этого делать даже из политических соображений. Это посеет панику и в городе, и в крепости!

– Попробуйте, Роман Исидорович – согласился адмирал Витгефт. – Я свое мнение Стесселю уже высказал.

– А может отправить телеграмму его величеству императору Николаю II?

Адмирал Витгефт отрицательно качнул головой.

– Через голову Алексеева? Нет... Я этого не могу сделать, Роман Исидорович...

Стессель приехал на командный пункт минут через пятнадцать.

– Извините, Вильгельм Карлович, – обратился он к Витгефту. – С трудом вырвался из штаба... Там такое творится...

– Да на вас лица нет, Анатолий Михайлович, – заметил Кондратенко. – Что-нибудь стряслось?

– Стряслось, Роман Исидорович, стряслось! – ответил Стессель. – И очень хорошо, что вы тут оказались. Я только что получил сообщение: передовые части 2-й японской армии заняли высоты перед Киньчжоуской долиной и начали закрепляться... Что скажете на это?

– Это может означать только одно, – ответил Кондратенко. – Ждут подхода основных сил.

Стессель часто и коротко закивал головой.

– Вот-вот, Роман Исидорович! Я тоже так думаю. Сухопутный фронт для нас отныне становится главным. – Стессель перевел взгляд на адмирала Витгефта. – Вот видите... А вы доказываете, что на море эскадра еще нужна...

– Анатолий Михайлович, я и сейчас буду об этом говорить! – твердо произнес Витгефт. – Эскадру разоружать нельзя! Это преступление!..

Стессель побледнел, но тут же взял себя в руки.

– Вильгельм Карлович, вы говорите, однако не заговаривайтесь! – раздраженно сказал он. – У меня на руках приказ наместника его величества. Эскадру разоружить, а моряков спихать на берег!..

Кондратенко заметил, как при этих словах Стесселя лицо адмирала Витгефта стало землянисто-серым. Он несколько мгновений смотрел в лицо Стесселя, затем сказал, на удивление, спокойно:

– Я этот приказ объявлять морякам не стану. Объявите его эскадре сами. Хотя... вам лучше там не появляться. После гибели адмирала Макарова моряки стали слишком раздражительными...

Сказав это, адмирал Витгефт резко повернулся и вышел из каземата, где они находились.

Стессель хотел было сказать что-то ему вслед, но Кондратенко остановил его.

– Анатолий Михайлович, – обратился он к Стесселю, – не надо. Постарайтесь войти в его положение. Сейчас не время для раздоров... А что касается разоружения эскадры, он прав. Нельзя преждевременно принимать такое решение. Вы знаете сами: у адмирала Того осталось всего 4 броненосца и значительно уменьшилось число броненосных крейсеров. Уже после гибели Макарова эскадра под командованием Витгефта провела две успешные вылазки к Японским берегам. То, что он не ввязывается в открытый бой с японским флотом, тоже правильно. Надо сберечь эскадру для обороны крепости с моря...

– Роман Исидорович, у меня приказ Алексева!..

– Анатолий Михайлович, я больше чем уверен, что приказ не требует срочно разоружить эскадру, – примирительно сказал Кондратенко.

– Что это меняет, Роман Исидорович? Срочности требуют обстоятельства вам уже известные. Еще день, другой и главные силы армии генерала Ноги окажутся у нас под носом! Если мы не удержим Порт-Артур с суши, зачем нам тогда эскадра?

Возразить Стесселю Кондратенко не мог. Он тоже понимал, что сухопутная оборона Порт-Артура становится главной и ее надо усиливать. Однако и эскадра способна была сковывать японский флот и не давать ему возможности вести успешные атаки крепости с моря.

– Хорошо. Я согласен с вами, Анатолий Михайлович. Только у меня есть одно предложение.

У Стесселя отлегло от души. Кондратенко был самым авторитетным командиром в крепости, и не учитывать его мнение было нельзя.

– Я предлагаю разоружение кораблей начать с второстепенных и стоящих на ремонте, – продолжил Кондратенко.

Стессель слегка задумался. Потом махнул рукой.

– Пусть будет по-вашему, Роман Исидорович, – сказал он. – Если честно, мне тоже неприятно это делать. Но им там, – он указал вверх, – видней... Кстати, я сегодня телеграфировал наместнику, что Порт-Артур к осаде не готов. И без поддержки долго крепость не устоит.

Кондратенко промолчал. Он уже знал, что между наместником и Куропаткиным по поводу судьбы Порт-Артура произошла ссора. Наместник потребовал от Куропаткина наступать на юг на выручку Порт-Артура. Куропаткин же считал, что этого не следует делать, так как из Кореи во фланг русским войскам двигалась японская армия под командованием генерала Куроки. А между Ляодуном и Кореей у Дагушаня высаживалась еще одна японская армия.

Приказ наместника наступать на юг Куропаткин, на одном из совещаний командиров, назвал стратегической авантюрой.

Вскоре оба обратились к императору с просьбой рассудить их. В ответ из Петербурга на имя наместника пришел приказ: «Куропаткину продвигаться на юг малыми силами на 15—20 километров».

Скрепя сердце Куропаткин отдал приказ двигаться частью сил на юг...

2

К концу дня 25 мая Стесселю доложили, что основные силы 2-й японской армии прошли и заняли высоты перед Киньчжоуской долиной.

По данным разведки там сосредоточилось около трех дивизий сухопутных войск и одна артиллерийская бригада.

На вопрос Стесселя, сколько это будет по численности, начальник штаба полковник Хвостов сказал:

– Примерно около 35 тысяч солдат и не менее 120 орудий...

– А у нас что там?

Хвостов развернул на столе карту Цзиньчжоуской боевой позиции. С минуту изучал ее, потом проговорил:

– По сравнению с японцами не густо, Анатолий Михайлович... Наполовину меньше.

О том, что не густо, Стессель знал и сам. Укрепленная позиция на перешейке Квантунского полуострова состояла из невысоких холмов, снижающихся своими скатами к заливу Хунуэза, и оборонялась полком полковника Третьякова с 15 орудиями и 10 пулеметами.

Две линии сплошных траншей с ходами сообщения, блиндажи и несколько редутов, оборудованных для круговой обороны, огражденных колючей проволокой в четыре, а местами в пять кольев, – это все, что успели сделать к моменту подхода японцев.

– Та-а-а-к... – задумчиво протянул Стессель и поморщился, словно у него заныли зубы. – И все это обрушится на полк Третьякова...

– Анатолий Михайлович, в районе Киньжау у нас находится 4-я Восточносибирская стрелковая дивизия генерала Фока... Это еще 14 тысяч человек... – подсказал Хвостов.

– Фока трогать нельзя, – прервал Хвостова Стессель. – У него другая задача.

В это время в кабинет вошел офицер связи и подал Стесселю телеграфный бланк.

– Что это? – настороженно спросил Стессель.

– Только что приняли сообщение от полковника Третьякова... Еще одна японская дивизия заняла позицию во втором эшелоне японской армии.

Стессель перевел взгляд на Хвостова.

– Это что же получается?..

– Получается мрачноватая картина, Анатолий Михайлович, – произнес тот. – Японцы теперь превосходят нас на этом участке в артиллерии не меньше чем в восемь раз, а в пехоте раз в десять...

...Утром следующего дня, когда Стессель еще был в постели, раздался телефонный звонок.

Стессель взял трубку. Дежурный офицер связи доложил, что на линии полковник Хвостов.

В трубке сразу же раздался взволнованный голос начальника штаба.

– Анатолий Михайлович, я прошу прощения за столь ранний звонок...

– Ну, говорите же, черт вас возьми! Что случилось?

– Японцы перед рассветом без артподготовки пошли в атаку на Цзиньчжоускую позицию...

Стессель стиснул зубы, чтобы не застонать от бессильной ярости. Он откинулся на подушку, не выпуская из рук трубку, которая, как показалось ему, жгла ладонь.

– Докладывайте мне постоянно обо всем, что там происходит, – с трудом выдавил он из себя.

– Хорошо, Анатолий Михайлович. Буду докладывать.

Стессель положил трубку на аппарат и еще долго лежал, прикрыв глаза. В голове роилось множество мыслей, но ни одной утешительной. Он уже знал – полк Третьякова не удержится на позициях, даже если генерал Фок и окажет ему помощь.

В штаб Стессель приехал в 10 утра. Хвостов уже дожидался его.

– Что нового? – на ходу спросил Стессель.

– Первая атака японцев отбита, Анатолий Михайлович, – доложил Хвостов. – Хорошо поработали артиллеристы. Пока затишье...

– Затишье, друг мой, бывает всегда перед бурей, – усмехнулся в ответ Стессель.

Он прошел в свой кабинет и, не снимая шинели, тяжело опустился в кресло, которое стояло рядом с рабочим столом.

К этому времени Стессель уже немного успокоился. Долго решал, как поступить: сначала докладывать Алексееву или Куропаткину о бое за Цзиньчжоускую позицию. Наконец, решил повременить с докладом до полного выяснения ситуации.

Несколько раз порывался зайти к начальнику штаба и справиться об обстановке в районе боя, но усилием воли заставлял себя сидеть в кресле, чтобы не показаться нетерпеливым.

Около 11 часов Хвостов сам вошел в кабинет Стесселя.

– Есть новости, Анатолий Михайлович, – доложил он. – В Киньчжоуском заливе появились японские канонерские лодки и ведут сосредоточенный огонь совместно с японской армейской артиллерией по батареям полка Третьякова. Полковники батареи на огонь противника не отвечают...

– Почему?

– Третьяков приказал экономить снаряды на случай второй атаки японской пехоты, – ответил Хвостов.

...К полудню японцы прекратили огонь.

Пользуясь затишьем, полковник Третьяков обратился непосредственно к генералу Фоку с просьбой помочь полку. Фок посоветовал Третьякову обратиться к командиру бригады генералу Надеину. Тот выслушал Третьякова и сразу отправил на помощь Третьякову две роты

пехоты, однако генерал Фок, встретив роты по пути на боевую позицию, и, не разобравшись, куда и зачем она движется, приказал командирам рот вернуться назад в расположение бригады.

... Во второй половине дня японцы предприняли еще несколько атак, однако без успеха.

К исходу дня в полку Третьякова было убито 20 офицеров и около 800 солдат.

Не получив подкрепления, уже в сумерках, Третьяков оставил позиции и отошел к станции Нангалин.

Известие об отходе полка Третьякова к Порт-Артуру привело Стесселя в уныние. Он тут же связался с адмиралом Витгефтом и потребовал от него на следующий день вывести эскадру в море и воспрепятствовать дальнейшей высадке японских войск в районе порта Дальний.

Витгефт отказался выполнять приказ Стесселя, ссылаясь на то, что броненосцы находятся в доках на ремонте, а выход в море без броненосцев невозможен.

Стессель пришел в бешенство и отправил две телеграммы: одну Алексееву, другую Куропаткину с жалобой на адмирала Витгефта.

Алексеев в ответной телеграмме перечислил непосредственные обязанности Стесселя и просил не вмешиваться в морские дела.

От Куропаткина ответ так и не пришел.

Зато в этот же день Куропаткин отправил телеграмму Алексееву, в которой оценил действия Стесселя трусливыми и паническими, и предложил отозвать его из Порт-Артура.

... 28 мая в Порт-Артуре стало известно, что части 2-й японской армии под командованием генерала Оку повернули неожиданно на север, откуда шел на выручку Порт-Артура 1-й Восточносибирский корпус генерала Штакенберга.

Уже поздно вечером в штабе Кондратенко неожиданно появились полковники Селлинец, Семенов и Рейс – командиры участков сухопутной обороны крепости и генерал Белый – командир крепостной артиллерии.

– Я гостей не ждал, – улыбнувшись им, сказал Кондратенко.

– Мы не в гости, Роман Исидорович, – ответил за всех генерал Белый. – Нужда привела...

– Вот те на!.. – Кондратенко обвел пристальным взглядом командиров. – Рассказывайте.

– Посоветоваться надо, – продолжил генерал Белый. – Что произошло в последние дни, вы знаете. Разговоров много, а толку мало. Стессель суетится, однако из крепости ни на шаг. Смирнов в его присутствии – не командир. Давайте думать вместе, что делать дальше...

– Решили провести Совет в Филях?.. – спросил Кондратенко. – Только, братцы, я вам не Кутузов...

– При чем тут Кутузов! – рассердился Белый. – Припрет, и Кутузовым станете! Стессель только вас слушает, Роман Исидорович. Надо его в чувства приводить, – это во-первых.

– Как? – поинтересовался Кондратенко.

– Не знаем...

– Роман Исидорович, – вступил в разговор полковник Рейс, – отход войск 2-й японской армии на север не означает, что они отказались от мысли захвата Порт-Артура. В порту Дальнем высаживается еще одна армия... И пока Оку будет перекрывать пути подхода Восточносибирскому корпусу, 3-я армия пойдет на Порт-Артур!

– Я в этом не сомневаюсь, – согласился Кондратенко. – Что вы от меня хотите? Заставить Стесселя думать головой?..

Генерал Белый безнадежно махнул рукой.

– Это бесполезное занятие, Роман Исидорович. Мы вот о чем с вами поговорить хотели. Надо встретиться с адмиралом Витгефтом и попросить у него для усиления обороны особенно 3, 4 и 5 участков ну хотя бы с полсотни орудий любого калибра. Конечно со снарядами. Вы знаете, почему Третьяков отступил? У него к концу дня не было ни одного снаряда!..

Кондратенко усмехнулся:

– Насколько я понял, это во-вторых? А почему вы сами не хотите переговорить с адмиралом Витгефтом?

– Роман Исидорович, ну кто мы для него?

– Хорошо, – согласился Кондратенко. – Я поговорю с адмиралом Витгефтом. Все у вас?

– Нет, Роман Исидорович, не все, – сказал Белый. – Скажите только откровенно, что вы думаете о Цзиньжоуском бое?

Кондратенко поднялся с места и прошелся по кабинету.

– Чай пить будете? – неожиданно спросил он.

– Спасибо, не будем, – за всех ответил генерал Белый. – Не хотите говорить?

Кондратенко тяжело вздохнул.

– Ну что теперь говорить? Потеряна тактически очень выгодная и хорошо укрепленная позиция. Сегодня Третьяков занимает с остатками полка позицию по линии залива Лунвантан и деревни Суанцойгоу. Позиция слабая. Поведение генерала Фока мне тоже не ясно.

– Ну а что думает обо всем этом Стессель? – спросил молчавший до сих пор полковник Семенов.

– Я полагаю, полковник Хвостов докладывал ему заранее о подходе японцев. Почему Стессель не принял мер, чтобы помочь полковнику Третьякову удержать позиции, я не знаю. А что думает он, один бог ведает.

В это время за дверью раздался шум, и в кабинет Кондратенко почти влетел, несмотря на свой солидный возраст, адмирал Витгефт.

Не обращая внимания на присутствующих, он выхватил из кармана телеграмму и, трясая ее над головой, выдохнул:

– Роман Исидорович! А бог все видит!..

– Что это? – спросил Кондратенко.

– Телеграмма заместителя о снятии Стесселя с должности и отзыве его в распоряжение Совета Квантунской области!..

3

Сдача японцам Киньчау – передовой позиции Порт-Артура угнетающе подействовало на всех в крепости.

В городе ходили слухи, что в порту Дальний японцы уже начали выгружать мощные гаубицы для осады крепости.

Не стихали разговоры среди офицеров и об отзыве Стесселя из крепости. Однако Стессель из Порт-Артура не уезжал и по-прежнему командовал войсками района.

С Кондратенко Стессель встречался редко и вел себя сдержанно.

Однажды при такой встрече, в начале июня, посетовал на то, что Куропаткин ведет дело к проигрышу войны.

Действительно, в боях 1 и 2 июня у Вафангоу Куропаткин мог одержать внушительную победу над японцами, однако, значительно потеснив их, он тут же приказал отступить на прежние позиции.

Узнав об этом, Алексеев в сердцах заявил: «Куропаткина следовало бы повесить...»

Стало ясно: в верхах назревал конфликт. Алексеев требовал от Куропаткина сдерживать японцев на местах высадки их десантов. Куропаткин, пренебрегая этими требованиями, отступал, будучи уверенным в том, что в глубине континента ему будет легче разбить японские войска.

...Ранним утром 10 июня Кондратенко выехал верхом в сопровождении капитана фон Шварца и инженера полковника Григоренко на высоту 93, которая господствовала над перевалами и проходящими по ним пешим и конным тропам к Порт-Артуру.

Впереди на расстоянии видимости двигался казачий разъезд.

Утро выдалось ясное и теплое. Зеленый ковер буйной растительности покрыл даже серые камни.

Выпавшая за ночь роса серебрилась в лучах солнца ослепительными блесками, и не хотелось верить, что совсем рядом за виднеющимися впереди сопками притаилась война.

Ехали молча. Каждый думал о своем. Вчера вечером к Кондратенко приехал Стессель. Начал жаловаться на Куропаткина, затем на Алексеева. И уже в конце разговора попросил проехать на высоту 93, чтобы посмотреть, можно ли там быстро построить оборонительную позицию. Уезжая, Стессель мрачно заметил, что отход от Киньчжоу может оказаться роковым для Порт-Артура.

Кондратенко промолчал. Он был уверен, что роковым днем для Порт-Артура в этой войне было 1 мая, когда на реке Ялу под пулями и штыками 40-тысячной армии генерала Куроки легло около 3-х тысяч русских солдат и офицеров, так и не понявших, откуда перед ними в 5 утра вдруг появились японские войска.

Размышляя об этом, Кондратенко приходил к выводу о том, что время выигрывать войны самопожертвованием во имя царя и бога прошло. Необходимо было что-то большее, ради которого бы солдат шел к победе от сражения к сражению с пониманием своего долга перед Отечеством.

К 93 высоте подъехали часов в десять. Казачий разъезд разделился на две группы. Одна проехала вперед, другая осталась прикрывать сзади.

Кондратенко сразу определил: место на высоте было идеальным для строительства опорного пункта с круговой обороной.

Капитан фон Шварц после получасового хождения по склонам, а местами ему пришлось продирается с трудом через низкорослый колючий кустарник, заметил:

– Роман Исидорович, тут целый редут построить можно было бы.

– Редут строить не придется. Времени уже нет, – ответил Кондратенко. – А вот по поводу опорного пункта полевого типа – подумайте. – И обратился к полковнику Григоренко: – Как вы полагаете, сколько времени уйдет на строительство опорного пункта?

Полковник Григоренко немного подумал.

– За пару суток, при достаточном количестве людей, можно справиться.

– Даю вам сутки, – сказал Кондратенко. – Людей берите столько, сколько необходимо.

План опорного пункта вам сегодня предоставит капитан фон Шварц.

В крепость Кондратенко вернулся к полудню. Июньское солнце уже находилось в зените и щедро обогревало землю, во многих местах изуродованную войной.

И он вдруг подумал, что эта земля, как и люди, тоже чувствует и холод, и зной, страдает от нанесенных ей ран и ликует, когда к ней прикасаются добрые руки.

Возле главного штаба Кондратенко встретил генералов Белого и Смирнова.

– Ну как дела, Роман Исидорович? – поинтересовался генерал Смирнов.

– Как сажа бела, – ответил Кондратенко.

– Неужели все так мрачно? – усмехнулся генерал Смирнов, но тут же, посуровев, добавил: – А впрочем, Роман Исидорович, вы правы. Только что получили депешу от Алексеева с описанием стратегической обстановки. Японцы ведут наступление уже тремя армиями. Две продвигаются вдоль железной дороги, одна движется через горные хребты из Кореи. А в порту Дальний началась высадка частей четвертой армии. Надо полагать, для осады Порт-Артура.

– Что еще в депеше Алексеева? – с нескрываемой иронией в голосе спросил Кондратенко.

– Больше ничего, – ответил генерал Смирнов, а Белый добавил:

– Через недельку, другую, если учесть осторожность, с которой продвигаются японцы, надо ждать под Порт-Артуром...

В это время где-то внутри здания раздался приглушенный револьверный выстрел.

Кондратенко, Смирнов и Белый переглянулись.

– Этого еще не хватало, – сказал генерал Смирнов и заторопился в штаб.

Кондратенко и Белый последовали за ним.

В коридоре возле кабинета Стесселя толпились офицеры штаба, дверь была распахнута.

– Господа, что здесь произошло? – спросил генерал Смирнов, чувствуя, как нервный озноб ползет по коже.

– ...В генерала Стесселя стреляли, – ответил кто-то из офицеров.

– Кто? – выдохнул генерал Смирнов.

– Капитан Волков... Командир роты пятого Восточносибирского полка.

Офицеры расступились, и Смирнов вместе с Кондратенко и Белым вошли в кабинет Стесселя.

Тот сидел за своим столом в кресле, откинувшись назад с закрытыми глазами.

На левом плече пуля разорвала френч, однако крови не было видно.

Пока Смирнов и Белый приводили Стесселя в чувства, Кондратенко вышел в коридор.

– Где капитан Волков? – спросил он у офицеров.

– В кабинете полковника Хвостова, – ответили ему.

...Капитан Волков сидел на стуле со связанными за спиной руками. Голова его была опущена на грудь.

Возле телефонного аппарата суетился полковник Хвостов, пытаясь дозвониться до комендатуры и вызвать конвой.

При виде генерала Кондратенко капитан Волков встал. Лицо у него было бледным, глаза лихорадочно блестели.

– Роман Исидорович, – обратился Волков к Кондратенко, – прикажите развязать мне руки. Я не собираюсь убегать и тем более еще кого-то убивать...

Кондратенко пристально посмотрел на Волкова, потом приоткрыл дверь и позвал ординарца.

Когда тот вошел, приказал:

– Развяжите капитану Волкову руки.

Ординарец развязал Волкову руки и стал за его спиной.

– Свободны, – сказал ему Кондратенко и обратился к Волкову. – Зачем вы это сделали?

Капитан Волков опустил глаза.

– Он этого заслужил! Он приказал генералу Фоку только наблюдать за боем нашего полка и ничего не предпринимать.

Кондратенко недоверчиво качнул головой.

– Такого быть не может, – не поверил он.

– Приказ генерала Стесселя командиру дивизии генералу Фоку принимал и передавал я... Вся моя рота осталась там...

– Вы понимаете, что вас ожидает? – спросил Кондратенко.

– Понимаю, – ответил Волков. И добавил: – Мне теперь все равно...

4

По сведениям, поступившим от разведки и от китайцев, армия генерала Ноги на конец июня насчитывала уже около 80 тысяч человек при 500-х полевых и осадочных орудий. Передовые части армии с боями медленно продвигались вперед. Осторожность генерала Ноги была понятна: в порту Дальнем еще продолжалась выгрузка основных сил армии и допустить значительный разрыв между передовыми частями и основными силами армии генерал Ноги не хотел.

Он учел ошибку, допущенную под Дашичао, когда русские ударили с фланга, уничтожили два полка пехоты, но почему-то не развили успеха, а отступили назад.

Перед генералом Ноги стояла задача – взять Порт-Артур. В 1894 году он уже штурмовал эту крепость. И она покорилась ему. Тогда китайцы сдали Порт-Артур на милость победителя. Но на этот раз крепость была другой. И другая армия готовилась ее оборонять.

Генерал Ноги понимал: Порт-Артур с ходу ему не взять.

На первом этапе он планировал выбить русские войска из внешней полосы обороны, которая представляла собой цепь укрепленных высот. Затем уже вести бои за основные оборонительные рубежи.

По разным сведениям, полученным генералом Ноги, крепость обороняло от 40 до 50 тысяч человек с более чем 500 орудиями, в том числе и морскими.

В отличие от Ноги генерал Стессель ничего не знал о планах японского командования и со страхом, который старательно скрывал от всех, ждал штурма Порт-Артура.

Другой неприятностью для Стесселя стало терпеть присутствие на совещаниях адмирала Витгефта. Где-то под спудом росла неприязнь у Стесселя к Алексееву и Куропаткину, хотя те и отменили свое решение отозвать его из крепости. Покушение же на него капитана Волкова, в качестве мести за погибшую роту под Цзиньчжоу, еще больше усугубило настроение Стесселя.

Он теперь днями не выходил из штаба. Кроме полковника Хвостова никого не принимал. Осунулся и посерел лицом.

... Утром, 23 июня, Стессель, равнодушно выслушав доклад Хвостова об успешном ночном рейде эскадры под командованием адмирала Витгефта, проведенном накануне к острову Элист, где базировался японский флот, скупно обронил:

– Бог им в помощь.

Не проявил он интереса и к предложению Хвостова мобильными силами, включая конницу, атаковать японские передовые части в районе залива Лунвантан и таким образом попытаться взять реванш за поражение под Цзиньчжоу.

Не поднимая головы от каких-то бумаг, Стессель сказал:

– Попробуйте... Только не увлекайтесь. Наша задача оборонять крепость.

... 24 июня два батальона пехоты под прикрытием темноты внезапно атаковали японцев у деревни Суанцайгоу, выбили их с занимаемых позиций, захватили 4 пулемета, 3 полевых орудия и на рассвете вернулись на исходный рубеж.

Узнав об этом, Стессель предупредил Хвостова.

– Больше не экспериментируйте... – И вдруг спросил: – Вы сами до этого додумались?

– Генерал Кондратенко посоветовал, – ответил Хвостов.

Стессель чуть заметно усмехнулся.

– Чужие мысли полезны, милостивый сударь, только для развития собственных, – произнес он. – Это не мои слова. Так утверждал критик римского права Кириевский. – Стессель взял со стола только что полученную депешу. – Из Квантуна сообщают мне о работе ортографической комиссии при Академии наук. Зачем? Их вовсе не волнует война! Один император колесит по всей России, вдохновляя войска. Говорят, даже премьер Витте отправил Куропаткину письмо, в котором выказал свое отрицательное отношение к войне и ненужности Маньчжурии для России!.. Черт знает, что творится там!.. – Стессель поднял голову и, глядя куда-то в сторону, продолжил: – Единственный человек, который всеми силами поддерживал его императорское величество в восточных делах, это был губернатор Финляндии Бобриков. И того на днях убили...

Пока Стессель обо всем этом говорил, Хвостов, слушая его, мучительно думал: сообщать Стесселю или нет, что утром в тюремной камере повесился капитан Волков. Наконец, решил не говорить, чтобы напоминанием о Волкове не вызвать у Стесселя очередной приступ депрессии.

Однако Хвостов остерегался напрасно. Спустя час генерал Смирнов все же сообщил Стесселю о смерти Волкова.

– Жалко, – неожиданно отреагировал Стессель.

– Анатолий Михайлович, но он же хотел вас застрелить! – удивился Смирнов.

– Потому и жалко. Его следовало расстрелять на виду у всех, дабы другим неповадно было, – пояснил Стессель.

...После ночной вылазки двух батальонов у деревни Суанцайгоу, на несколько дней по всей линии фронта наступило затишье. И только 28 июня утром от передовых дозоров стали поступать сведения, что японцы снова начали двигаться вперед.

На следующий день один из японских пехотных батальонов подошел к высоте 93, которую успели оборудовать как опорный пункт полевого типа с двумя рядами колючей проволоки.

Когда Хвостов доложил Стесселю о появлении японцев у высоты 93, тот нервно заходил по кабинету, несколько раз садился и вставал снова. Наконец, приказал:

– Если до наступления сумерек они не нападут, прикажите ночью оставить высоту. Воевать отныне мы будем в крепости...

О приказе Стесселя сдать высоту 93 полковник Хвостов тут же сообщил генералу Кондратенко.

– Да он что с ума сошел! – не сдержался тот. – Она же является ключевой!..

– Роман Исидорович, я приказ еще не передал на позицию. Может, поговорить с Анатолием Михайловичем?

– А Смирнов знает об этом? – спросил Кондратенко.

– Никто еще не знает...

– Хорошо. Я постараюсь убедить Стесселя не делать этого. А вы пока не передавайте приказ.

Приказ Стесселя оставить только что подготовленную для обороны позицию, позволяющую не допустить занятия японцами соседних высот с перевалами, показался Кондратенко не просто странным.

Стессель принял Кондратенко добродушно. И даже предложил китайский чай с лимоном, однако Кондратенко отказался.

– Я к вам по делу, Анатолий Михайлович, – сразу без обиняков начал он. – Вы отдали приказ оставить 93-ю высоту?

Стессель согнал с лица добродушную улыбку.

– Да, Роман Исидорович. А вы что не согласны со мной?

– Отмените его, – попросил Кондратенко. – Я отвечаю за сухопутную оборону крепости, и вы могли бы сначала посоветоваться со мной...

– Но приказ уже отдан...

– Его еще не передали. Прошу вас, Анатолий Михайлович, отменить этот приказ. Мы же все прекрасно понимаем, чем позже Ноги окажется у Порт-Артура, тем труднее ему будет вести осаду. Куропаткин получает каждые сутки из России солидные пополнения. К нам вышла Балтийская эскадра. Адмирал Того, если еще и контролирует море, то уже из последних сил!..

Стессель молча поднялся и подошел к окну, затем снова вернулся на свое место.

– Роман Исидорович, вы напрасно пришли ко мне. Приказ отменять я не стану. А за то, что он еще не передан, я накажу Хвостова.

– Жаль, – произнес Кондратенко.

– Что жаль, Роман Исидорович? – уточнил Стессель.

– Жаль, что капитан Волков промахнулся...

5

30 июля адмирал Витгефт неожиданно получил приказ от наместника генерала Алексева выйти в море и быть готовым всей эскадрой прорваться во Владивосток.

Через 7 дней пришла вторая телеграмма, которая подтвердила, что приказ остается в силе...

10 августа утром адмирал Витгефт с князем Ухтомским приехал к Кондратенко попрощаться.

– Я уже знаю, – сказал Кондратенко. – Приказы не обсуждаются...

Витгефт грустно качнул головой.

– У нас с князем предчувствие, Роман Исидорович, будто мы покидаем поле боя...

– Что вы! – усмехнулся Кондратенко. – Это теперь наша стратегия...

– Не очень славная, – заметил князь Ухтомский. – Но тут мы уже бессильны.

С минуту они помолчали.

– Вся эскадра уходит? – спросил Кондратенко скорее для того, чтобы нарушить тягостное молчание.

– Вся, Роман Исидорович, – ответил Витгефт. – Остается только крейсер «Баян». Из-за сильных повреждений его рискованно брать с собой. Но у нас и без него, я полагаю, будет много головной боли. Из 6 броненосцев – 3 не могут развивать скорость больше 13 узлов. Японцы же развивают до 17 узлов. Уходим без связи с Владивостоком. На совете договорились: миноносец «Решительный» по пути заходит в китайский нейтральный порт Чифу и там разоружается. Этой ценой мы оплатим возможность отправить телеграммой сообщение во Владивосток о нашем выходе из Порт-Артура.

– Рискованное дело, – высказал свое мнение Кондратенко.

– Рискованное, – согласился князь Ухтомский. – Но другого выхода у нас нет.

– Ну что... нам пора, – сказал Витгефт и обнял Кондратенко. – Роман Исидорович, вы единственный здесь человек, с которым мы с князем могли чувствовать себя свободно. Прощайте. Да хранит вас бог.

– И вас тоже, – ответил Кондратенко.

...Через час эскадра подняла якоря и стала выходить в море. 6 броненосцев, 5 крейсеров, 8 миноносцев, несколько тральщиков и вспомогательных судов, канонерки и госпитальное судно «Монголия» – все выглядело впечатляюще грозно, красиво и одновременно грустно.

Уход эскадры провожал весь город. На пирсе негде было стать. Кто-то махал рукой, кто-то осенял крестом и у всех были грустные лица. Люди понимали – эскадра уходит, чтобы больше не вернуться.

...На следующий день во второй половине Стессель созвал на совещание командование Порт-Артура, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Не успели генералы и офицеры разместиться за длинным столом, покрытом зеленой суконной скатертью, как в кабинет торопливо вошел адъютант Стесселя и доложил, что с мыса Электрический замечены в море корабли, направляющиеся к Порт-Артуру.

– Объявите боевую готовность по всей крепости! Совещание отменяется, господа. Все по своим местам! – приказал Стессель.

Командиры, тихо переговариваясь, стали выходить из кабинета. В это время на столе у Стесселя зазвенел телефон. Он схватил трубку, некоторое время молча слушал, затем незлобно чертыхнулся.

– Господа! Никакой тревоги. Мне только что сообщили, что это наши корабли...

Кондратенко и генерал Белый переглянулись.

...Прошло еще не меньше часа, пока на внешнем рейде показалась порт-артурская эскадра. Вернее то, что от нее осталось: 5 броненосцев, крейсер «Паллада» и 3 миноносца.

Слух о возвращении эскадры почти мгновенно облетел город, и снова люди хлынули на пирс, наблюдая как в гавань медленно, словно стыдясь, входили корабли с зияющими в бортах пробоинами и сбитыми мачтами.

Корабли еще бросали якоря, а от пирса уже торопились к ним с десятков катеров и лодок.

Толпа народа на берегу росла с каждой минутой. Люди, наблюдая за всем происходящим, тревожно переговаривались.

...В кабинете Стесселя находились генералы Кондратенко, Смирнов и полковник Хвостов, когда ему доложили, что в штаб прибыл адмирал князь Ухтомский.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем адмирал вошел в кабинет.

– Господа, – начал он, – то, что я сейчас вынужден вам сообщить, прошу считать официальным рапортом, – сказал Ухтомский прямо от двери. Он умолк и обвел воспаленным взглядом присутствующих. – Эскадры практически нет. Японский флот настиг нас в 150 милях от Порт-Артура. В ходе полуторачасового боя сильно пострадали флагманский броненосец «Цесаревич» и броненосец «Микаса». Но все это было не так страшно. В 17.30 12-дюймовый японский снаряд попал в фок-мачту «Цесаревича» и взорвался прямо над адмиральским мостиком, где находились контр-адмирал Витгефт и половина штаба. Все погибли... Пусть господь бог простит меня, но он отвернулся от нас в тот момент, когда японцы почти прекратили огонь и на корабле Того подняли сигнал к отходу. По всей видимости, японцы заметили, что произошло на «Цесаревиче», и тут же отменили приказ на выход из боя. А дальше... Дальше произошло что-то непонятное, – продолжил князь. – С «Цесаревича» подали сигнал о передаче командования мне. Я находился на «Пересвете». Однако командовать с «Пересвета» было практически невозможно из-за того, что мачта на нем оказалась в ходе боя сбитой. На какое-то время возникло замешательство. Японцы снова открыли огонь. В это время адмирал Рейценштейн на крейсере «Аскольд» подал сигнал следовать за ним и двинулся на юг. Остальные вернулись в Порт-Артур...

– Сколько же кораблей ушло на юг? – в наступившей тишине спросил Стессель.

– Крейсера «Аскольд», «Диана», «Новик», миноносцы «Гремящий», «Бесшумный», «Бесстрашный», «Беспощадный», «Бурный» и броненосец «Цесаревич», – ответил князь Ухтомский.

– Это же половина эскадры! – воскликнул Кондратенко.

– Да, Роман Исидорович, – согласился князь Ухтомский. – И дальнейшая судьба мне их неизвестна... Если что-то и предполагать, то самое наихудшее, – добавил он.

В кабинете Стесселя на какое-то время воцарилась гнетущая тишина. Ее нарушил князь Ухтомский. Он торопливо попрощался и ушел.

Через неделю в Порт-Артуре появились первые сведения об ушедших на юг кораблях. Броненосец «Цесаревич» и 3 миноносца зашли в немецкий порт Циндао и там были разоружены, крейсер «Аскольд» и миноносец «Гремящий» прорвались в Шанхай. Миноносец «Бурный» в одиночку дошел до порта Вэйхайвэй, принадлежащий Англии. Крейсер «Диана» оказался в Сайгоне. Миноносец «Решительный» с трудом дошел до китайского порта Чифу. Единственный крейсер «Новик» почти пробился до Владивостока, однако недалеко от Корсаковского поста вступил в неравный бой с японскими крейсерами и затонул вместе с экипажем.

...Еще через несколько дней пришло от Алексеева на имя адмирала князя Ухтомского сообщение о том, что 13 августа в Корейском проливе японская эскадра под командованием вице-адмирала Камимурата атаковала Владивостокский крейсерский отряд в составе крейсеров «Россия», «Громовой» и «Рюрик», вышедших навстречу порт-артурской эскадры. В ходе боя крейсер «Рюрик» затонул. Оставшиеся два крейсера, потеряв до половины экипажей, вернулись во Владивосток.

Князь Ухтомский прочитал сообщение и побледнел. Владивостокский крейсерский отряд вышел 13 августа на выручку уже не существующей порт-артурской эскадры...

Вечером князь Ухтомский поехал на квартиру Кондратенко и рассказал ему о депеше Алексева.

– Что делать, Роман Исидорович? – спросил Ухтомский. – Разоружать корабли и списывать на берег моряков?

Кондратенко задумался. Японские тиски вокруг Порт-Артура с каждым днем становились все ощутимее. Самостоятельно действовать эскадра, вероятно, уже не могла. 16 августа Ноги предъявил ультиматум и потребовал сдать Порт-Артур...

– Скорее всего, придется сделать это, – проговорил, наконец, он. – Море для нас становится запретной зоной. Вчера Куропаткин сообщил Стесселю, что европейские державы потребовали от России вывести из Средиземного и Красного морей наши боевые корабли, которые перехватывали иностранные суда, идущие с военным грузом для Японии. Вот так, батенька мой...

– Значит, разоружать корабли.

– Выходит так, князь.

6

Разрозненные бои, которые передовые части армии Ноги начали 7 и 8 августа за овладение внешних рубежей обороны крепости, закончились взятием нескольких опорных пунктов на восточном фронте.

19 августа генерал Ноги предпринял фронтальный штурм с севера-запада, северо-востока и на высоту 174, однако безуспешно.

Ночью японцы повторили штурм. Но и этот раз прожекторы, осветительные ракеты со стороны крепости и сильный пулевой огонь повергли японцев в панику, и они снова отступили.

За шесть дней почти изнурительных непрерывных боев японцы понесли ощутимые потери.

Под конец Ноги все же удалось овладеть высотой 174 и взять позицию на восточном рубеже с одной батареей. Однако это на состояние обороны крепости не повлияло.

К исходу недели японцы неожиданно начали готовить оборонительные укрепления полевого типа, минировать подходы к ним и подвозить осадочную артиллерию.

Две контратаки, предпринятые Стесселем, японцы отбили, и он приказал больше не контратаковать.

А попытка адмирала князя Ухтомского помочь обороняющимся привела к трагедии. Броненосец «Севастополь» в сопровождении двух миноносцев вышел в море, чтобы обстрелять японские позиции. Возвращаясь в Порт-Артур, миноносцы подорвались на минах и затонули.

В этот же день на совещании флагманов и командиров кораблей было принято решение съемную корабельную артиллерию передать в распоряжение командования крепости, команды кораблей списать на берег для формирования из них десантных рот. На кораблях оставить лишь тех, кто будет обеспечивать бой на якоре.

К концу месяца по всему периметру обороны бои практически прекратились. Наступило относительное затишье.

Лазутчики, которых засылали в тыл японских войск, докладывали, что со стороны порта Дальнего постоянно подходят войска с тяжелой артиллерией.

На очередном совещании у Стесселя Кондратенко предложил усилить восточный фланг за счет пополнения из моряков.

На что Стессель ответил:

– Лучше не связываться с моряками. Пусть ими командует адмирал князь Ухтомский...

– Анатолий Михайлович, у нас нет уже отдельно командования морского и сухопутного! – возразил Кондратенко. – Сегодня мы все в одной лодке...

Стессель промолчал, давая понять, что он остается при своем мнении.

Неожиданно Кондратенко поддержал генерал Смирнов.

– Анатолий Михайлович, Роман Исидорович прав. Время раздувать щеки прошло. За последнюю неделю мы потеряли около 3 тысяч человек...

– Теперь мы будем нести вместе потери, – съязвил Стессель.

– Это как воевать, Анатолий Михайлович, – заметил Кондратенко.

Стессель, не оборачиваясь в сторону командующего сухопутными войсками, вяло отреагировал:

– Воюйте хорошо, Роман Исидорович. Кто вам мешает? Я?.. Извините, в отношении меня вы уже высказались...

Кондратенко вскипел.

– Анатолий Михайлович, в отношении вас действительно я высказался довольно резко. И не жалею об этом! – произнес он, чеканя каждое слово. – Вы своими действиями, а точнее бездействием, только затрудняете ведение обороны крепости!

– Генерал Кондратенко! – повысил голос Стессель. – Вы слишком много себе позволяете!.. Я буду докладывать о вашем поведении наместнику!..

– Анатолий Михайлович, – встал с места генерал Белый. – Заодно тогда доложите и обо мне. Я тоже разделяю мнение генерала Кондратенко.

Стессель растерянно оглянулся по сторонам. Лицо его стало белым как полотно, губы посинели и дрогнули.

– Это что бунт? – выдавил он из себя.

– Не бунт! – возразил генерал Белый. – Роман Исидорович правильно сказал: сегодня мы в одной лодке. Только с той разницей, что кто-то на веслах, а кто-то с топориком тюкает по дну...

– Это я с топориком? – охнул Стессель. – Вы слышали? Я с топориком!..

Стессель вдруг схватился за сердце и повалился на бок.

Генерал Смирнов приказал позвать доктора.

Все начали вставать и выходить из кабинета Стесселя.

Кондратенко попросил Хвостова собрать командиров боевых позиций сухопутной обороны в кабинете начальника штаба. Когда все собрались, Кондратенко объявил:

– С генералом Стесселем все в порядке. Прихватило сердце... С ним сейчас доктор и генерал Смирнов. Я бы хотел продолжить совещание, так как другого времени у нас, по видимому, не будет. – Он внимательным взглядом обвел присутствующих. – Начну с того, что напомним вам: 16 августа генерал Ноги предъявил нам ультиматум, предлагая капитулировать. Мы с вами ответили отказом. Генерал Стессель вел себя достойно. Поэтому о нем говорить мы не станем.

Разговор пойдет о наших действиях в условиях осады. Теперь это надо понимать так. Недельные бои, потом затишье. Значит неприятель готовится к осаде. Судя по вашим докладам, складывается следующая обстановка: основные бои развернулись на северной стороне. Особенно упорные проходят у Кумирненского и Водопроводного редутов и прилегающих к ним позиций.

20 августа Ноги наносит сильный удар по нашим позициям в районе Угловой горы с явным намерением прорваться между 1 и 2 фронтами. О чем это говорит? – Кондратенко задал вопрос всем и, не ожидая ответа, продолжил: – Ноги свой главный удар намерен нанести на восточном фронте. Поэтому, начиная с сегодняшнего дня, штабу сухопутной обороны

необходимо часть подразделений с западного фронта под прикрытием темноты перебросить на восточный фронт. Заменить все подбитые орудия. С легкими повреждениями исправить. И самое главное – ни шагу назад. Умереть, но выстоять. Теперь о самом неприятном. 24 августа японская артиллерия засыпала снарядами позицию полковника Горбатовского. Не без основания, опасаясь очередной атаки японцев, полковник Горбатовский попросил у генерала Фока подкрепления за счет резерва. Однако генерал Фок отказал Горбатовскому. В результате японцы выбили обескровленные подразделения полковника Горбатовского с занимаемой ими позиции и захватили две главенствующие над городом высоты. Это означает, что они вклинились в главную линию обороны... На основании всего перечисленного я подал прошение на имя наместника генерала Алексеева с просьбой отстранить генерала Фока от занимаемой должности...

– Роман Исидорович, относительно Фока все ясно, – сказал, поднявшись с места, генерал Белый, – а как насчет решения военного Совета крепости о признании ее не готовой к длительной осаде? Если об этом узнают в войсках...

– К сожалению, из всех членов военного Совета я оказался единственным, кто был против. Остальные проголосовали за предложение генерала Стесселя, – ответил Кондратенко. – А что касается, узнают в войсках о таком решении или нет, я полагаю, в любом случае солдаты и командиры крепость не сдадут, – сделал заключение Кондратенко. – Если нет вопросов – все свободны. Я буду находиться в течение часа у адмирала князя Ухтомского, чтобы скоординировать огонь наших береговых батарей и артиллерии.

Когда все вышли, генерал Белый спросил у Кондратенко:

– Может, и мне поехать с тобой, Роман Исидорович?

– Поедем, – согласился тот. – Две головы хорошо, а три лучше.

7

Князь Ухтомский встретил Кондратенко и Белого с неподдельной радостью. На флагмане в кают-компании накрыли стол. Подали французское шампанское.

– Я очень рад вас видеть у меня в гостях, – сказал князь Ухтомский, разливая шампанское по бокалам. – Тем более что сегодня, хотя и с опозданием, я получил радостную весть из Петербурга – императрица Александра Федоровна 12 августа родила его величеству сына. Нарекли его Алексеем. Я прошу, господа, выпить за это стоя, как подобает офицерам его величества. За наследника Российского престола!

Когда хрустальные фужеры были осушены, князь Ухтомский предложил рассаживаться поудобнее.

– У нас, князь, к вам серьезное дело, – сказал Кондратенко. – С вами я буду откровенен. Генерал Стессель, после известных вам событий, практически потерял способность руководить обороной Порт-Артура. А дела разворачиваются не в нашу пользу. На какое-то время мы с вами заставили Ноги отказаться от мысли захвата Порт-Артура с ходу. Но это, надо полагать, ненадолго. Ноги серьезно готовится к штурму крепости. Поэтому у нас есть предложение разработать совместный план массированных артиллерийских налетов на позиции японцев.

Князь Ухтомский в знак согласия кивнул головой.

– Я не против, – сказал он. – Это мы можем сделать уже сегодня. – Что еще у вас, Роман Исидорович?

– Все, – ответил Кондратенко. – Я очень рад, что у нас с вами есть взаимопонимание. И сожалею, что его не хватает у других. И за все это нам приходится расплачиваться жизнями наших солдат и офицеров.

8

...Новый штурм крепости Ноги начал с массированного часового обстрела русских позиций на высоте Длинная и горе Высокая 13 сентября.

После непрерывных шестидневных атак позиция на высоте Длинная пала. Японцам достались разбитые редуты, искореженные лафеты орудий и дымящиеся брустверы траншей наполовину засыпанных землей.

Гора Высокая оказалась для них неприступной. Изю дня в день густые цепи японцев накатывались на русские позиции и ложились под ружейно-пулеметным огнем защитников, чтобы больше не подняться.

Когда Ноги доложили, что на склонах горы Высокая погибло уже около 6 тысяч солдат, он приказал прекратить атаки.

Была и другая причина прекращения атак. В войсках, обескровленных длительными боями, среди японских солдат участились случаи неповиновения и отказа идти на штурм.

На северном и северо-западном фронтах японцам удалось частично занять русские укрепления. Однако наступление захлебнулось, когда на пути японцев оказалась высота 203. Здесь к исходу дня 22 сентября неприятель оставил на подступах к высоте около 8 тысяч убитыми.

Ноги пришел в бешенство. Уже не отдельные солдаты, а целые подразделения отказывались идти в бой. Армия выдыхалась, моральный дух падал.

...23 сентября с раннего утра адмирал князь Ухтомский встретился с Кондратенко на командном пункте мыса Электрический. Коротко обменялись мнениями.

– У меня предложение, Роман Исидорович, – сказал князь. – Я даю еще два десятка орудий, и мы их установим на позиции горы Высокая. Если японцы займут эти позиции, сведутся к нулю положение оставшихся кораблей.

Кондратенко согласился. И вдруг спросил:

– Как настроение у моряков?

– Неважное, Роман Исидорович. Им сподручнее воевать на море, – ответил князь Ухтомский. – И добавил: – Море – их стихия.

– Отчего же они так отчаянно дерутся на суше?

– От злости, Роман Исидорович. И, наверное, от отчаяния, – ответил князь и продолжил. – Орудия начнем доставлять сегодня. Мне с генералом Белым связаться?

– Если вас не затруднит, – ответил Кондратенко и крепко пожал князю Ухтомскому руку.

Тот, не отпуская руки Кондратенко, спросил:

– Роман Исидорович, в Маньчжурии, я слышал, снова неприятности?

– Мягко сказано. Там вместо долгожданного успеха снова поражение. Куропаткин сдал Ляоян...

– Как же это произошло? – князь Ухтомский отпустил руку Кондратенко.

– Как всегда, – сокрушенно качнул головой Кондратенко. – У Куропаткина было в распоряжении две недели. Лили дожди. Японцы не наступали. К концу месяца земля просохла, и японцы начали наступление на достаточно хорошо подготовленные позиции под Ляояном. Надо отдать им должное. Они сумели стянуть в этот район три армии. С юга наступали армии Оку и Нодзу, с востока армия Куроки.

Три дня Куропаткин вел оборонительный бой, затем решил сформировать ударный корпус и перейти в наступление против войск Куроки. Однако японцы не только отбили контрнаступление, но и заставили корпус отойти. Куропаткин испугался, что японцы могут перекрыть железную дорогу и отдал приказ всем войскам отступать и оставить Ляоян.

– Какой-то заколдованный круг, – отозвался князь Ухтомский. – Почему так получается?

– Сказать?

Князь Ухтомский слегка удивленно посмотрел на Кондратенко.

– Вы знаете почему?

– Знаю. Потому, что все высшие командные должности у нас стали, к сожалению, для почетных людей!.. И оценивают их в столице не по делам, а по лизоблюдству! Вы уж извините меня, князь, за откровенность...

– За это я вас и уважаю, Роман Исидорович, – ответил Ухтомский. – Ну что ж... Мне пора. А вам успеха. Да! Куропаткин доложил его величеству, что под Ляояном был «арьергардный бой»... Всего-навсего...

– Значит, обманул его императорское величество. Вот шельма! – выругался Кондратенко.

Разговор с князем Ухтомским тоскливой болью отозвалось в сердце Кондратенко. Он и сам не раз думал о том, что императора просто обманывают. Однако не хотел верить в это. Слишком много сил было положено на алтарь этой странной войны. И не меньше пролито крови тех, кто искренне, по-христиански верил, что воюет за правое дело, за царя и Отечество... «Как бы было хорошо, – подумал Кондратенко, – если бы и царь, и Отечество также искренней любовью отвечали людям в серых шинелях...»

...Во второй половине дня Кондратенко передали из главного штаба, что на 16 часов генерал Стессель собирает членов Совета обороны крепости.

Кондратенко связался по телефону с начальником штаба полковником Хвостовым.

– Адмирал князь Ухтомский приглашен? – спросил он.

– Роман Исидорович, князь Ухтомский не является членом Совета... – начал было полковник Хвостов, но Кондратенко его перебил.

– Совет назначался в мирное время и в других условиях. Доложите генералу Стесселю мою просьбу пригласить князя Ухтомского на заседание Совета. В противном случае я не буду принимать участие в его заседании.

– Я доложу, – пообещал полковник Хвостов.

Хвостов позвонил Кондратенко без четверти 16 и сказал, что адмирал Ухтомский будет на заседании Совета.

...Когда Кондратенко вошел в зал заседания Совета обороны крепости Стессель уже мрачно восседал на месте председателя. В зале были комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, командир квантунской крепостной артиллерией генерал Белый, командир 1-й бригады 7-й Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Горбатовский, начальник штаба укрепрайона полковник Рейс, начальник инженеров крепости полковник Григоренко, адмирал князь Ухтомский и сидящий рядом с ним начальник штаба крепости полковник Хвостов.

Перехватив вопросительный взгляд полковника Хвостова, Кондратенко одобрительно кивнул головой.

Стессель, не глядя на вошедшего Кондратенко, не удержался от замечания.

– Роман Исидорович, вы, как всегда, приходите последним.

– И, тем не менее, я не опоздал, Анатолий Михайлович. На часах ровно шестнадцать...

– Ну что, господа, – не обратив внимания на ответ Кондратенко, сказал Стессель, – начнем. Прошу вас, полковник Хвостов, докладывайте.

Хвостов вышел на середину зала. Стессель коротко кивнул головой.

– Господа, буквально коротко я доведу до вас складывающуюся оперативную обстановку, – начал Хвостов будничным голосом. – Противник на сегодняшний день овладел редутами Кумирненским и Водопроводным, а также укрепился на горе Длинной. Все атаки на позицию, расположенную на горе Высокой, отбиты. – Полковник Хвостов глянул в сторону Кондратенко и продолжил. – Благодаря договоренности генерала Кондратенко и князя Ухтомского позиция здесь значительно укреплена за счет артиллерии флота.

Стессель поднял голову, отыскал глазами князя Ухтомского.

– Спасибо, князь...

Хвостов сделал паузу и продолжил.

– ...На занятых позициях противник спешно ведет работы по их укреплению. Роятся дополнительно ходы сообщения и траншеи. Особенно это заметно в районе 2-го форта, где они ходами сообщения приблизились к форту на 50—60 шагов.

Со вчерашнего дня противник начал устанавливать батареи из гаубиц и мортир 11-и дюймового калибра на захваченных высотах...

– Достаточно, – неожиданно остановил полковника Хвостова Стессель. – Я полагаю и так все ясно. Садитесь. Генерал Смирнов, прошу вас, выходите сюда и занимайте место полковника Хвостова. Говорите о самом главном на сегодняшний день. Хватит ли у нас патронов, снарядов, продовольствия... Одним словом, все по порядку.

– Анатолий Михайлович, – обратился генерал Смирнов к Стесселю, я бы хотел все же сначала доложить о способах дальнейшей борьбы в условиях осажденной крепости...

Стессель нетерпеливо махнул рукой.

– Способ один – бить их и все! – раздраженно сказал он. – Докладывайте!

Генерал Смирнов открыл папку и извлек из нее пачку ведомостей.

– Воля ваша... Общее число 3-линейных патронов в крепости, – начал он, – составляет 22 миллиона. Это вполне достаточно, чтобы вести длительные бои в осаде. Хуже обстоит дело со снарядами. Запас снарядов к 6, 9 и 10-дюймовым орудиям крайне ограничен и составляет на сегодняшний день треть боевого комплекта...

– Генерал Белый, – прервал Смирнова Стессель, – немедленно подготовьте приказ, запрещающий использовать снаряды по мелким целям... – Стессель хотел еще что-то сказать, но, видимо, раздумал. Повернув голову к коменданту крепости, обронил: – Продолжайте.

– ...Я прошу Совет обратить особое внимание на угрожающее положение в районе второго форта, – снова заговорил Смирнов.

Стессель поднял голову и посмотрел на полковника Григоренко.

– Ваше мнение?

Григоренко встал.

– В районе 2 форта возможны два варианта, – начал он. – Или японцы будут строить минную галерею, что вполне реально, или попытаются сделать открытый спуск в ров. Без этих инженерных мер штурм форта мало вероятен...

– Спасибо. Успокоили... – не без иронии заметил Стессель.

– Анатолий Михайлович, – вступил в разговор генерал Кондратенко, – полковник Григоренко прав...

– Конечно. Вы же, я помню, саперный инженер...

Кондратенко сделал вид, что не заметил издевки. И продолжил.

– ...Я согласен с оценкой положения полковника Григоренко. И у меня есть предложение. Для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению работ японцев против второго форта, необходимо использовать против них артиллерию крупного калибра со снарядами фугасного действия или делать контрминную галерею...

– Но там же скалистый грунт, – возразил Стессель.

– Скалистый, – согласился Кондратенко. – Однако других вариантов нет...

– Анатолий Михайлович, – обратился к Стесселю князь Ухтомский, – разрешите мне высказать свое мнение.

Стессель удивленно приподнял брови.

– Роман Исидорович, полковник Григоренко, если у вас все, присаживайтесь. – И обратился к адмиралу Ухтомскому: – Пожалуйста, князь, говорите.

Ухтомский повернулся к Кондратенко.

– Роман Исидорович, есть еще один способ. Правда, он не имеет описания ни в каких инструкциях. Можно попробовать катание морских мин. Они имеют форму бочонков и легко будут катиться с вала в сторону противника к его ходам сообщения. Но для этого нужно подобрать еще и метких стрелков, которые бы попадали в мину в тот момент, когда она окажется вблизи противника. Мин таких у нас предостаточно.

Кондратенко поднялся с места, шагнул к князю Ухтомскому и обнял его за плечи.

– Ну, батенька мой! – воскликнул он. – До такого еще никто не додумался! Вы же спасаете нас!..

Стессель, наблюдая за этой сценой, недовольно буркнул:

– Хватит, хватит, господа... Не забывайте, вы еще на Совете...

...Когда все стали расходиться, Стессель попросил Кондратенко задержаться.

– Роман Исидорович, – сказал он, – я знаю, у вас, как и у меня, времени мало, однако я хотел бы с вами поговорить.

– О чем, Анатолий Михайлович? – спросил Кондратенко. Он действительно торопился. До темноты надо было еще побывать на позиции на горе Высокой и организовать получение морских мин у адмирала князя Ухтомского.

Стессель в ответ скупно улыбнулся.

– Вернее о ком, – произнес он. – А еще точнее о генерале Фоке. Он мой старый боевой товарищ, я хорошо знаю его как положительные, так и отрицательные стороны. Заверяю вас, Роман Исидорович, положительных качеств у него больше...

– Анатолий Михайлович, я полагаю, речь идет о моем ходатайстве перед заместителем о снятии Фока с должности командира дивизии? – прямо спросил Кондратенко.

Стессель слегка развел руки.

– Совершенно верно, Роман Исидорович.

– Телеграмму я уже отправил...

– Я об этом знаю. Дело в том, Роман Исидорович, – Стессель на мгновение замялся, словно подбирая нужное слово. – Дело в том, – повторился он, – что приказом заместителя генерал Фок, по моему ходатайству, уже назначен командиром передовых войск. А они подчинены вам. Я все это говорю потому заранее, чтобы между вами не возникли трения. В такое время они излишни. Переподчинить передовые части кому-то другому я не могу, да и нет в этом смысла.

– Ну, спасибо, Анатолий Михайлович! – с трудом сдерживая гнев, ответил Кондратенко. Стессель откровенно удивился.

– За что?

– За генерала Фока и за предупреждение, – ответил Кондратенко.

Стессель смахнул с лица улыбку и почти холодно продолжил:

– Генерал Фок сегодня представится вам для получения боевой задачи.

... Действительно, когда Кондратенко вернулся в штаб, генерал Фок уже ждал его.

Сухо поздоровавшись с ним, Кондратенко пригласил Фока в свой кабинет.

Генерал Фок внешне держался уверенно, однако Кондратенко заметил, что он нервничает.

«Да бог с тобой! – решил Кондратенко. – Видно, времена такие пошли...»

Он достал из сейфа карту с нанесенной на нее оперативной обстановкой.

– Будете записывать или запомните?

– У меня хорошая память, Роман Исидорович, – ответил Фок.

– Ну, хорошо... Тогда слушайте. Передовые части японцев, в соприкосновении с которыми находятся подчиненные вам войска, занимают на севере позицию в районе известковых заводов. Это недалеко от бухты Десяти кораблей. Вчера они вошли в низину у Мандариновой дороги и там закрепились.

На востоке они захватили одну сторону высоты 128 восточнее деревни Хуоси и продвинулись километра на два к деревне Ингаши.

Ранее японцы вытеснили наши подразделения с позиции на Кумиринском перевале и в районе деревни Суадзятунь.

Ваш сосед справа – 7-я стрелковая дивизия занимает позиции по горе Дагушань.

Подчиненные вам войска занимают передовые позиции на Волчьих горах.

Вот так, если коротко. Восточным фронтом у вас командует полковник Савицкий, северным – генерал Надеин. Начальник вашего штаба полковник Дмитриевский. Опытный и хорошо разбирающийся в обстановке боевой офицер, – добавил Кондратенко. – Вопросы ко мне есть?

– Вопросов нет, Роман Исидорович, – ответил генерал Фок. – Есть просьба.

– Какая?

– Я знаю ваше отношение ко мне и, тем не менее, я даю вам слово, что буду делать все от меня зависящее, чтобы ваше мнение обо мне изменилось.

Кондратенко внимательно посмотрел на генерала Фока.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Как говорится: проживем – увидим.

Через два дня Кондратенко выкроил время и поехал посмотреть, что успел сделать генерал Фок. И остался доволен. Ему понравилось решение Фока прикомандировать пешие охотничьи команды к стрелковым полкам. На фронтах заканчивались работы по устройству ходов сообщения с тылом. Одобрил Кондратенко и сооружение блиндажей в непосредственной близости от окопов и в оврагах, где можно было во время затишья кормить личный состав, не привлекая внимания противника.

Самого Фока Кондратенко нашел на позициях северного фронта у генерала Надеина.

Фок доложил о готовности передовых войск, а генерал Надеин просто представился.

В это время к ним подошел поручик и обратился к Кондратенко.

– Поручик Зиборов, ваше высокоблагородие. Разрешите обратиться к его превосходительству генерал-майору Надеину.

– Обращайтесь, поручик.

– Ваше превосходительство, телефонные станции в деревне Дипалиджуан и на вершине сопки установлены. Установлены также станции на сопке между 2-й и 3-й батареями, на высотах 112 и 67, – отрапортовал поручик.

– Спасибо, поручик, – поблагодарил Надеин.

Когда поручик Зиборов ушел, Кондратенко поинтересовался:

– А где у вас резерв?

– В деревне Сьюшиин, – ответил генерал Фок. – Сегодня будем устанавливать телефонную связь и с резервом... Роман Исидорович, у нас с генералом Надеиным есть предложение. В период затишья выдвигать вперед за линию нашего охранения конных охотников и казаков для устройства засад и поимки неприятельских разведчиков...

– Хорошее предложение, – согласился Кондратенко.

Лицо Фока заметно просветлело. По всей видимости, ответ Кондратенко имел для него особое значение в налаживании отношений.

К этому часу солнце уже поднялось к зениту, ветерок сменил направление и донес гнетущий запах разлагающихся трупов японских солдат с нейтральной полосы.

– Ну и запах, – заметил Кондратенко.

– наших там нет, – ответил Надеин. – А японцы своих не убирают. Попытались как-то мы их убирать, открыли огонь по санитарам.

– Значит и мертвых заставляют воевать, – покачал головой Кондратенко. – Будьте внимательны. Это затишье не сегодня—завтра закончится. Генерал Ноги будет торопиться. Ему затяжная война не нужна.

Кондратенко попрощался и уехал с легким сердцем и надеждой на то, что генерал Фок все же сдержит свое слово.

В конце дня Кондратенко позвонил полковник Хвостов и сказал, что его вызывает Стессель. Первая мысль была – что-то случилось. Перебрал в памяти события текущего дня, но нигде и ничего сверхъестественного не произошло.

В кабинете Стессель был один.

– Заходите, заходите, Роман Исидорович, – поднимаясь навстречу Кондратенко, произнес Стессель. – Ищу вас, говорят в войсках. Наконец, дождался. Ну что там, у Фока? – вдруг, спросил он.

– Все нормально, Анатолий Михайлович...

– Я же вам говорил. Фок оправдывает наше доверие.

– Я надеюсь, Анатолий Михайлович. Что-то важное у вас ко мне?

Стессель чуть заметно усмехнулся, прошелся по кабинету. Несмотря на то, что окна были открыты, в кабинете было душно.

– Роман Исидорович, не надо на меня бычиться. Вы меня оскорбили больше, чем я вас. Давайте забудем об этом. Не время обижаться и выяснять отношения. Мы генералы, а не кисейные барышни... Все случается. А вас я вот зачем пригласил. Я подготовил телеграмму его величеству императору Николаю II с донесением о событиях за последнее время. Прежде чем ее отправить, хочу, чтобы вы ее почитали...

Кондратенко молча взял из рук Стесселя текст телеграммы и стал читать.

Стессель подробно описывал ход боев, не забыл упомянуть и о себе. Дальше называл имена генералов и полковников, достойных похвалы за мужество и доблесть. Среди них Кондратенко увидел и свою фамилию. Дочитав до конца текст телеграммы, вернул ее Стесселю.

– Я согласен, – сказал Кондратенко. – Кроме одного – вычеркните мою фамилию...

Ночевать на квартиру в городе Кондратенко не поехал. Остался в своем кабинете. Сначала выпил чай, затем достал карту. Долго всматривался в кривые, порой причудливые очертания линий обороны и расположение войск генерала Ноги. Мысленно ставил себя на его место. Что хотел добиться Ноги, непрерывно атакуя по всему восточному фронту? Нес ощутимые потери, однако тактики не менял. Для себя Кондратенко отметил, что результативнее для Ноги было бы сосредоточить усилия на захвате ключевой позиции на горе Высокая, а затем расширить полосу наступления...

Он так и уснул за столом.

Перед рассветом его разбудил дежурный по штабу и почему-то шепотом доложил:

– Ваше высокопревосходительство, с наблюдательного пункта на мысе Электрический сообщили, что в море замечены корабли. Идут курсом на Порт-Артур...

Глава V

1

Вторая половина августа и весь сентябрь в Зимнем и в Петергофе были посвящены торжествам и приемам в честь рождения цесаревича Алексея.

Императрица Александра Федоровна в торжествах не участвовала. Суеверный страх за жизнь младенца постоянно сковывал ее сердце, и она боялась публично проявить свою радость. Вглядываясь в сморщенное темное личико ребенка, она набожно крестилась и молила бога дать новорожденному здоровье и ум, оградить от болезней. А когда ей кто-то сказал, что в августе стали отцветать розы, она совсем пришла в смятение.

Опасаясь, что ребенка могут взглянуть, Александра Федоровна приказала своим фрейлинам никому, кроме его величества, сына не показывать. Даже назойливой родне, которая все время недоумевала, как она могла решиться уехать, будучи на сносях последние дни из Зимнего.

...4 августа она в сопровождении своей свиты выехала из Зимнего на дачу, которая находилась в Александровском парке. Захотелось подышать свежим воздухом, полюбоваться зеленью роскошного сада и заодно скрыться от суетливого Двора.

Ночь и следующие полдня прошли спокойно. У нее даже мысли не было рожать в этот день. Однако Всевышний распорядился по-своему. К концу дня ей вдруг стало дурно. Позвали доктора. Он мельком глянул на императрицу и сразу сказал:

– Будем рожать, матушка... Вы прилягте и не волнуйтесь...

Узнав, что родился мальчик, она чуть не задохнулась от счастья. Горячие слезы радости хлынули из глаз и залили ее лицо.

Не зная почему, но в тот момент она, вдруг, подумала: «Теперь и умирать не страшно» и тут же испугалась собственных мыслей. Истоиво перекрестилась, полотенцем вытерла мокрое лицо и прикрыла глаза.

Теперь все было позади.

...Когда цесаревичу исполнился месяц, Николай II неожиданно для многих подписал манифест, в котором провозгласил, что в случае его смерти и малолетстве цесаревича Алексея, правителем России назначается великий князь Михаил Александрович.

Воспитание Наследника поручалось императрице Александре Федоровне.

В этом же манифесте император отменял телесные наказания и недоимки.

Газеты на следующий день, словно сговорившись, назвали отмену телесных наказаний «милостью младенца Алексея».

Нужен был крестный отец. После недолгих колебаний Николай II дал согласие избрать крестным отцом цесаревича германского императора Вильгельма. И сразу поехал по стране.

Особенно тяжким для Николая выдалась вторая половина сентября. Он объехал все крупные города юга и запада России. Побывал в Кишиневе, Николаеве, Одессе, и везде его речи о необходимости довести навязанную России войну на Дальнем Востоке до победного конца находили среди публики горячую поддержку.

В Одессе в благородном собрании дамы в конце речи императора стали срывать с себя украшения и бросать под ноги государя, жертвуя их для доблестной армии его величества.

Когда Николай рассказал об этом случае императрице Александре Федоровне, она скептически улыбнулась и сказала:

– Лучше бы они побольше сыновей рожали...

...На второй день после возвращения из южной поездки Николай II пригласил к себе вновь назначенного министра внутренних дел князя Святополка-Мирского.

Николая II насторожили первые публичные высказывания нового министра. В газетах то и дело появлялись сообщения о том, что князь Святополк-Мирский, в отличие от Плеве, более радикален и выступает за принятие во внимание в делах управления государством общественного мнения, стремится разрядить политическую атмосферу в России, которая начала сгущаться в связи с неудачами в войне с Японией.

Не понравился Николаю II и завуалированный упрек в адрес Правительства со стороны князя Святополка-Мирского за то, что 28 июля по прямому указанию его величества премьер Витте подписал дополнительную Конвенцию к русско-германскому договору от 1894 года в области торговли и мореплавания. По мнению князя Святополка-Мирского, подписанная без всякой оговорки Конвенция ставила Россию в положение источника дешевого сырья для германской промышленности. Взамен же Россия ничего нового для себя не получала.

...Николай II принял князя Святополка-Мирского не в своем рабочем кабинете, а в каминном зале, подчеркивая этим неофициальность приглашения.

– Присаживайтесь, князь, – сказал государь вошедшему в зал Святополку-Мирскому. – Я рад вас видеть во здравии и в хорошем настроении. Пока ездил по солнечному югу матушки-России, столько накопилось дел!.. Бумаг целый ворох и все такие, что не отложить в сторону...

Затем поинтересовался:

– Где труднее на генерал-губернаторстве Вильны или в министерстве?

– Где есть работа, ваше величество, везде нелегко, – ответил Святополк-Мирский.

Николай II улыбнулся.

– Да вы, князь, еще и дипломат!

– Должность обязывает, ваше величество...

Император махнул рукой.

– Будет вам, князь... Мой прародитель, царство ему небесное, был дружен с вашим отцом. И потому назначение вас на пост министра внутренних дел у меня не вызывало ни малейшего сомнения.

– Благодарю вас, ваше величество, – ответил Святополк-Мирский с подчеркнутым уважением к государю.

Николай II сделал паузу. Потом внимательно посмотрел на министра внутренних дел.

– У меня, князь, к вам просьба, – проговорил он. – Необходимо проверить, состоялась ли в Швейцарии встреча представителей так называемых демократических сил России. Но меня интересует не сама встреча. Были ли на ней князь Долгорукий-Рюрикович и граф Гейден. Единственная просьба – этот разговор должен сохраниться между нами.

Святополк-Мирский в знак понимания низко склонил голову. Он уже знал, что встреча российских социалистов в Швейцарии не состоялась. Она перенесена на более поздний срок.

– Я понял, ваше величество, – ответил он, решив, что докладывать императору о переносе этой встречи еще рано.

Николай II больше не задавал вопросов и разрешил министру внутренних дел покинуть его. Оставшись один, Николай II еще некоторое время продолжал размышлять над событиями последнего времени.

Его поразило то, что сразу после убийства Плеве, газеты в большинстве своем чуть ли не с восторгом писали по этому поводу. Заметно оживился и премьер Витте. Он дважды предлагал объединить Правительство со всеми государственными учреждениями во главе с ним, как премьером, и приступить к формированию правового государства, не ущемляя положение монархии.

Николай II попытался вспомнить, кому из Романовых он отдал для чтения написанный Витте меморандум, в котором тот изложил свои предложения.

Наконец, вспомнил. Великому князю Михаилу Александровичу. Подумал: «Не мешало бы вернуть и самому прочитать...»

На следующий день за обедом великий князь Михаил Александрович, когда речь зашла о злом роке, который постоянно преследовал русскую армию на Дальнем Востоке, вдруг сказал: – ... Японцы оказались сильнее, чем мы думали. И теперь одному богу известно, как обернется для нас эта война.

Николай II резко отодвинул от себя бокал с вином, да так, что часть вина выплеснулась на скатерть.

Императрица с тревогой глянула на супруга, затем на великого князя Михаила Александровича.

– Да будет вам... О войне за столом говорить скучно, – произнесла она. Однако Николай II не послушал ее. Видимо, слова великого князя Михаила Александровича задели его за живое.

– Я буду вести эту войну до конца, до того дня, когда последний японец не покинет Маньчжурию! – жестко ответил он.

– В таком случае нам придется изменить свое отношение к некоторым вещам в России, – усмехнувшись, сказал великий князь.

Николай II метнул в его сторону настороженный взгляд.

– К каким вещам? – спросил он.

Великий князь Михаил Александрович примирительно поднял руки.

– Не надо только горячиться... Я скажу. Во-первых, неплохо было бы призвать все слои населения к участию в помощи армии. Это должно вызвать дух патриотизма, коего у нашего народа, к сожалению, нет. Во-вторых, смягчить свое отношение к земским властям. Сегодня практически только они оказывают помощь и поступающим с востока раненым, и занимаются сбором средств для воюющей армии...

– У земств и так достаточно воли, – перебил великого князя Николай II. – Нам не воля нужна, а больше войск для войны!.. Вторая Балтийская эскадра где?.. Я еще месяц тому назад приказал, чтобы она вышла на Дальний Восток! Ну и что? Министры ходят за адмиралами, адмиралы за министрами, а эскадра так и стоит в Балтийском море!

Великий князь Михаил Александрович не стал спорить с Николаем II, который явно был не в духе, да и императрица Александра Федоровна все время показывала ему глазами, чтобы он прекратил этот разговор.

– Как тебе Святополк-Мирский? – переменял тему разговора великий князь. – Ходят разговоры, будто после несчастного Плеве лучшей заменой ему был бы Дурново...

– Дурново и есть Дурново, – недовольно ответил Николай. – Князь Святополк-Мирский еще при Сипягине был товарищем министра внутренних дел и о нем все отзывались положительно.

Великий князь недоверчиво качнул головой. А Николай II продолжил.

– Я надеюсь, что князь Святополк-Мирский, в отличие от других, сумеет найти возможность для наибольшего сплочения и солидарности правительственных и общественных усилий и даст отпор нашим врагам как за границей, так и в самой России.

Николай II не умел и не любил говорить, но сказанное сейчас понравилось ему и императрице. Это великий князь Михаил Александрович понял по тому, как она с восторгом и умилением посмотрела на супруга.

Сам же великий князь не разделял мнение императора о новом министре внутренних дел, полагая, что у него на это есть веские причины...

2

Святополк-Мирский приехал к Витте во второй половине дня.

– ...Здравствуйте, князь, – сказал Витте, поднимаясь навстречу министру внутренних дел. – В моем кабинете вы впервые и потому прошу вас не отказываться от угощения. У меня есть прекрасный французский коньяк. Говорят его пил даже Наполеон.

Усадив гостя, Витте достал из шкафа бутылку из темного стекла, две хрустальные рюмки и разлил коньяк.

Святополк-Мирский поблагодарил премьера. Взял рюмку с коньяком и поднес ее к глазам, любуясь золотистым цветом напитка.

– За ваше здоровье, Сергей Юльевич, – произнес он.

– И за ваше, – ответил Витте.

Когда коньяк был выпит, Витте поинтересовался:

– Вы ко мне по делам?..

– По делам, Сергей Юльевич. Если вы уделите мне немного вашего времени, я буду вам искренне благодарен, – проговорил князь.

Витте улыбнулся. Появление нового министра внутренних дел в его кабинете означало одно – Святополку-Мирскому что-то надо от него. Иначе бы он сюда не приехал.

Занимаемая Витте почетная должность главы Правительства не давала ему право не то что руководить – даже вмешиваться в дела практически всех министров.

– Вам, князь, могу уделить столько времени, сколько необходимо. Слушаю вас.

– Сергей Юльевич, – начал Святополк-Мирский. – Мой приезд к вам связан вот с чем: административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном отношении ко всем без исключения общественным и сословным учреждениям и населению вообще. Лишь при этом условии можно получить взаимное доверие, без которого, вы прекрасно знаете, невозможно ожидать успеха в государственных делах...

Пока Святополк-Мирский говорил, Витте внимательно наблюдал за ним. Князь был искренен, и это Витте льстило. Однако он решил вести себя осторожно. По сути дела, министр внутренних дел призывал к участию общественных сил в государственной деятельности, что навряд ли могло понравиться государю.

«Интересно, чем вызвана такая откровенность? – размышлял Витте, стараясь не пропустить ни одного слова Святополка-Мирского. – А если это все же уловка?..»

Из собственного жизненного опыта Витте знал, что многое при Дворе решается или лестью, или предательством самых, казалось бы, близких людей.

– ...Я на днях встречался с его величеством императором, – продолжал говорить князь. – Эта встреча не имела отношения к тому, о чем сейчас говорю я вам. Но после той встречи у меня появилось впечатление, что государь и далее намерен оставлять все так, как есть. Вы понимаете, о чем я говорю? – князь умолк и внимательно посмотрел Витте прямо в глаза.

– Понимаю, – ответил тот. – И что же вы хотите?

– Благополучия для России, Сергей Юльевич.

– Я тоже хотел бы этого, – поддержал князя Витте.

Святополк-Мирский встал, прошелся по кабинету и снова сел. Было заметно, что он подыскивает необходимые слова, которые и определят исход их встречи.

– Сергей Юльевич, давайте вместе с вами, – наконец, снова начал говорить князь, – постараемся убедить государя в необходимости дать земствам самую широкую свободу, приучить Двор к большей веротерпимости и пересмотреть отношение к евреям. Я посмотрел отчеты по ссыльным делам и обнаружил: из 3 тысяч ссыльных около полутора тысяч евреев.

– Плеве постарался, – заметил Витте.

Святополк-Мирский в ответ чуть заметно усмехнулся.

– Если бы только один Плеве, Сергей Юльевич. На днях я встретил князя Трубецкого мрачного и в гневе. Спрашиваю: «Что случилось?» А он отвечает: «А вы что газеты не читаете? Евреи голову поднимают. Это, – говорит, – из-за них мы терпим поражение на Дальнем Востоке».

Витте промолчал, а про себя подумал: «Навлечете вы, князь, на себя немилость государеву. Ох, навлечете...»

Старого князя Трубецкого Витте хорошо знал. В гневе тот, действительно, за словом в карман не лез.

Витте тут же поймал себя на мысли, что при возникшем к Святополку-Мирскому доверии, ему все же надо вести себя осторожно с ним.

– Странно, – пожал недоуменно плечами Витте. – Я знаком с князем Трубецким. Умнейший, на мой взгляд, человек. Помнится, он мне как-то говорил: «Россия не увидела врага даже в то время, когда тот уже стоял у стен Порт-Артура». Я вначале не согласился с ним. К войне мы готовились. А потом понял: он, действительно, прав.

Витте заметил, как при последних его словах лицо князя Святополка-Мирского посветлело и пропала тень напряженности.

– Спасибо, Сергей Юльевич, – проговорил в ответ князь. – Я вижу у нас с вами достаточно общих взглядов и оценок событий. – И вдруг спросил: – Вы хорошо знаете генерала Куропаткина?

– Наверное, как и вы... Не более и не менее... А почему вы спросили?

– Меня поражает терпение, с которым государь взирает на действие Куропаткина! – возмущенно произнес Святополк-Мирский. – Он же ведет дело к поражению! Куропаткин заверил его императорское величество, что дальше Мукдена не отступит. На самом же деле он отдал приказ, насколько мне известно, готовить позицию для генерального сражения под Телином. Но это же за Мукденом! Видимо, Алексеев был прав, когда сказал, что Куропаткина следует повесить...

Святополк-Мирский сокрушенно вздохнул.

– Насчет Куропаткина я с вами согласен, – сказал Витте. – Для меня его поведение тоже кажется странным. Тем более что Куропаткин уже получил подкрепление в 50 тысяч человек и сообщение от военного министра Сухомлинова о формировании 2-й Маньчжурской армии во главе с генералом Грибеппенбергом, которая будет ему подчинена.

– Эти Грибеппенберги! Откуда же они берутся?.. – качнул головой Святополк-Мирский. – Неужто в России своих не хватает? Вы меня простите великодушно, – продолжил он. – Я знаю, что и ваши корни идут из Германии, однако я считаю вас русским больше, чем некоторых русских.

Витте рассмеялся.

– Я на вас не могу обижаться по той причине, что и сам давно считаю себя русским, – ответил он. – А по русскому обычаю мы с вами должны выпить еще не менее двух рюмок коньяку. Бог любит троицу! – добавил Витте и разлил коньяк по рюмкам.

Князь Святополк-Мирский согласился с Витте.

– Я рад, что в вас не ошибся, – сказал он, поднимая свою рюмку. – Сегодня при Дворе так много чинов и так мало людей, которые бы ратовали за землю русскую... А то, что происходит в Маньчжурии, в голове не укладывается. На днях я разговаривал с генералом Жилинским, помощником военного министра. Он уверяет, что 2-й Маньчжурской армии на Дальнем Востоке делать нечего. Она не нужна. Нет единого руководства! Черт знает что творится и у самого Куропаткина. 19 сентября он подписывает приказ о наступлении. Генералы Случевский и Штапельберг высказываются против... Куропаткин все наступает. За 10 дней боев

положил 40 тысяч солдат и все без толку! Бог тому свидетель, я слуга своему государю, однако терпеть Куропаткина и ему подобных – грешно!

Святополк-Мирский допил коньяк и стал прощаться.

– Мне пора, Сергей Юльевич, – сказал он. – А вам большое спасибо...

– Нет, нет, князь! – остановил его Витте. – Мы не можем нарушать русский обычай! – и налил в рюмки коньяк. – По третьей!

После ухода Святополка-Мирского Витте еще раз перебрал в памяти все, о чем они говорили. У него не оставалось сомнений в искренности князя. Он снова подумал о том, что Святополку-Мирскому будет не легко. Не подозревая того, он уже попал в жесткие тиски между государем, его Двором и той общественной силой, которая была в восторге от его заявлений, полагая, что назначение князя Святополка-Мирского вместо Плеве – это струя свежего воздуха для России...

3

В конце недели князь Святополк-Мирский снова приехал к Витте. Посетовав на раннюю, по его мнению, осень, сырость и дурное настроение, сказал:

– Видел Фредерикса... Он сообщил мне, что государь намерен провести в понедельник заседание государственного Совета. Будут приглашены вы, Сергей Юльевич, я, министр Сухомлинов и великий князь Михаил Александрович.

– Интересно... С чем это связано? – спросил Витте.

Князь пожал плечами.

– Не ведаю, Сергей Юльевич... Может Совет, может что-то похуже. Фредерикс взялся сам всех оповещать. Вам еще, насколько я понял, не сообщили?

– Нет.

– Тогда ждите. Мне Фредерикс сказал, Совет назначен на 2 часа дня.

Витте попытался вспомнить, что сверхъестественное произошло или может произойти не сегодня-завтра, но так и не вспомнил. «Значит, я что-то не знаю», – подумал он.

– Может, снова что-то в Маньчжурии произошло? – задумчиво произнес Витте.

– Не знаю, Сергей Юльевич. Могу только предположить, – ответил Святополк-Мирский. – После поражения в Маньчжурии настроение у многих, прямо скажу, упадочное. «Союз освобождение» через свое земское представительство начал готовить выступления всех слоев общества с открыто конституционными требованиями. Государь, насколько мне известно, в растерянности. Он не знает, что делать.

– Для выступлений нужен повод, – заметил Витте. И продолжил. – А он найдется...

– Конечно, найдется! – согласился князь. – Еще одно такое поражение в Маньчжурии – вот вам и повод! Земства недовольны. У меня есть достоверная информация, что они начали готовить всероссийскую земскую конференцию, не имея на то согласия государя!..

Витте недоверчиво посмотрел на князя Святополка-Мирского.

– Но это невозможно! – сказал он. – Государь расценит такой шаг, как бунт.

Князь Святополк-Мирский удивил Витте еще больше, когда сообщил, что государь знает об этом, однако предпочитает пока молчать.

– Я, полагаю, такая конференция все же состоится, – сказал Святополк-Мирский. И добавил. – Я бы лично не возражал. Иначе в обществе может произойти взрыв такой силы, что не только трон, но и мы все не уцелеем.

– Князь, вы смелый человек, – почти с восхищением сказал Витте. – Однако героями в России становятся только после смерти. Вы уж извините меня за такие слова.

– Я это знаю, Сергей Юльевич, и потому в герои не рвусь. Я доверяю вам и говорю то, о чем думаю. К тому же об этом говорят уже многие. Я не беру во внимание газеты. Но если

внимательно проанализировать их статьи, становится очевидным – под предлогом критики ведения войны в Маньчжурии они критикуют власть за ее слабость и бездеятельность. То же самое делают польские и финские газеты. Видимо, Сергей Юльевич, судьба усадила нас с вами в одну лодку, – сказал вдруг князь.

Заседание Госсовета, как и намечалось, началось ровно в 2 часа дня. Николай II обвел взглядом рассеянным присутствующих в зале и неожиданно произнес:

– Скверная осень в этом году... Воронья развелось тьма. Вчера ездил в Петергоф. Застрелил пять ворон, а одна – подранок не улетела, а ускакала. Вот бестия... – он сделал паузу и, словно вспомнил, что ему надо вести заседание, продолжил: – Мы посоветовались с великим князем Михаилом Александровичем, – Николай II кивнул в сторону великого князя, который сидел рядом с ним, – и решили не проводить Совет, как планировалось, а провести совещание по неотложным делам. Министр Сухомлинов мне уже доложил о положении дел на Востоке. Насколько я понял из доклада, у нас появилась надежда на то, что и Куропаткин, и Алексеев возьмут инициативу в свои руки и начнут бить проклятых макак. – Государь произнес все это спокойно, без тени сомнения в том, что так и будет. – Нас волнует другое: участвовавшие в последнее время сборища, митинги, манифестации... И нескончаемые вопли газет по поводу наших неудач в Маньчжурии. Все эти крикуны и манифестанты для нас сегодня враги более опасные, чем японцы. Я благодарен князю Святополку-Мирскому за подробную информацию обо всем происходящем, – Николай II посмотрел в сторону министра внутренних дел. – Мне не нравятся ваше хождение по лезвию ножа и ваши заявления о своей поддержке земств.

Князь Святополк-Мирский встал.

– Садитесь, сударь, – махнул рукой Николай II. – Я так смотрю, вы скоро выше императора вознесетесь!..

Витте повернул голову в сторону князя Святополка-Мирского. Тот был на удивление спокоен. Министр Сухомлинов ерзал на мягком стуле, и то и дело поглядывал на великого князя Михаила Александровича, который ногтем мизинца пытался что-то выковырнуть из зубов.

– ...Почему-то все забыли, – продолжал говорить Николай II, – что Англия три года воевала в Индии против нескольких десятков тысяч буров, у которых не было даже артиллерии... Против нас воюют не буры. Однако никто не хочет понять, что мы вынуждены держать свои главные силы на европейских границах. Зато все возмущаются, как мы до сих пор не можем справиться с какой-то Японией?..

Великий князь Михаил Александрович, закончив заниматься своим делом, бесцеремонно перебил императора фразой, которая повергла всех в явное замешательство.

– Это дело рук социалистов, – сказал он, – они мастера преувеличивать наши недочеты и преуменьшать успехи...

Николай II терпеливо выждал, когда великий князь Михаил Александрович закончит говорить и продолжил все тем же тоном.

– Обидно и за нашу интеллигенцию. Она должна знать, что броненосец за три дня не построить, а однокольную железную дорогу в 8 тысяч верст за два месяца не превратить в дорогу с двумя колеями.

Все внимательно слушали Николая II, которого время от времени невольно перебивал великий князь Михаил Александрович.

Витте вдруг показалось, что это совещание – крик души отчаянного человека, который еще не знал, кого и за что винить в беде, случившейся с ним...

Когда Николай закрыл совещание и разрешил всем быть свободными, князь Святополк-Мирский подошел к Витте.

– Вы куда едете, Сергей Юльевич? Домой или к себе?

– Домой, – ответил Витте. – Устал я за сегодняшний день... Да и хочется все обдумать, чтобы никто не мешал.

Князь взял Витте под руку, и они отошли в сторону.

– Я вас задержу на минуту, – сказал он. – У меня очень интересная новость. В Париже проходит конференция представителей всех оппозиционных и революционных партий России...

– Все-таки собрались?

– Собрались, Сергей Юльевич. Через своего агента у нас есть полная информация обо всех, кто приехал в Париж. Агент к ним был внедрен еще при Плеве... – пояснил Святополк-Мирский. – Но дело не в этом. Имена одни о чем говорят! Хотите услышать?

– Конечно, – ответил Витте.

– Господин Богуцарский. Знаком многим в дворянской среде. Князь Долгоруков, граф Гейден, Струве, Милюков, Чернов, Натансон – люди не менее авторитетные в столице. Ну, а дальше пошли польские националисты, латышские социалисты, армянские и грузинские социал-федералисты. Компания... что надо... Главные инициаторы встречи – финские социалисты во главе с Конни Зиллиакусом...

– И ни кого из наших левых партий? – спросил Витте. – Как же это без них?

– У наших левых, Сергей Юльевич, много других проблем. Часть их мы арестовали, а оставшиеся и большевики, и меньшевики не могут прийти к общему мнению о будущем России. Им пока не до Парижа, – ответил князь Святополк-Мирский.

– Император знает об этом?

Князь Святополк-Мирский как-то внимательно посмотрел на Витте.

– Пока нет, Сергей Юльевич. Информация объемная и требует времени для ее анализа. Доложить государю и сразу всех арестовать – ума большого не надо.

«Да вы, князь, еще и стратег!» – невольно подумал Витте и отметил про себя, что с каждой встречей князь Святополк-Мирский становился для него все более интересной личностью. Доверяя князю, Витте в то же время хотел понять, что же главным является для князя? Обезопасить самодержавие от революционной стихии или что-то еще, о чем он пока не говорит.

– И что вы намерены предпринять дальше? – поинтересовался Витте.

– Пока не знаю, – признался князь. – Но есть повод для надежды. На конференции все делегаты проголосовали за свержение самодержавия в России. А вот дальше и начинается все самое интересное. При обсуждении других проблем мнения у делегатов разошлись. Одни признавали право национальностей на самоопределение, другие – нет. Одни – конституционисты – за демократическое преобразование власти, другие – за применение террора. Я полагаю не за горами время, когда в прессе и листовках появятся их заявления и обвинения в адрес друг друга. Вот тогда мы и включимся в работу.

– Князь, а вы не боитесь, что его величество будет в гневе, если вы не доложите ему немедленно? – спросил Витте.

– Боюсь, Сергей Юльевич. Поэтому и решил с вами посоветоваться, – ответил Святополк-Мирский.

Витте задумался. Действительно князь Святополк-Мирский был в непростом положении. Единственно правильным решением, по мнению Витте, было все же доложить Николаю II и убедить его не делать поспешных арестов по возвращении делегатов конференции из Парижа.

– Если, князь, вы хотите получить от меня совет, – сказал Витте, – дайте мне на размышления хотя бы день.

Святополк-Мирский поблагодарил Витте, и они попрощались.

Для Витте действительно необходимо было время, чтобы уточнить одну, но очень важную деталь в происходящем событии в Париже. Если инициатором встречи в Париже был Конни Зиллиакус, значит, явно просматривался в этом деле след японского разведчика полковника Акаси. И тогда дело обстояло куда серьезнее, чем думал об этом князь Святополк-Мирский.

4

Худшие опасения Витте подтвердились. По своим каналам он уже на следующий день узнал о таких подробностях, связанных с проведением парижской конференции, о которых, по всей видимости, не знал князь Святополк-Мирский.

Японцы явно приложили руки к организации этой конференции. Полковник Акаси, находясь за кулисами событий, через своего подопечного финна Конни Зиллиакуса замыслил собрать в единый кулак всех противников Николая II и прежде всего финских и польских социалистов. А когда выяснилось, что и в самой России не все благополучно, Акаси предложил Зиллиакусу собрать в Париже и представителей самых влиятельных политических сил России. Зиллиакус согласился. В ходе переговоров Зиллиакуса с лидерами русских оппозиционных движений произошел раскол. Социал-демократы во главе с Плехановым, социал-революционеры и две еврейские партии Бунда отказались ехать в Париж только потому, что во Францию въезд Плеханову был запрещен правительством страны.

Зиллиакус встретился с Акаси и доложил ему о расколе среди русских социалистов. Тот сразу потерял интерес к этой встрече в Париже, считая, что тратить деньги на одних либералов нет смысла. И все же Зиллиакус убедил Акаси в необходимости такой встречи.

Акаси согласился, особенно когда узнал, что значительная часть денег на подготовку встречи уже растрочена.

Все это Витте стало известно от французского посла, у которого были тесные связи с разведслужбой Франции.

В конце следующего дня Витте назначил встречу князю Святополку-Мирскому и обо всем ему рассказал.

Тот не удивился. С минуту сидел, молча, мрачный, как туча.

– ...У меня были кое-какие и свои догадки, – наконец, произнес он. – Но я не мог предположить, что японцы и тут откроют против нас еще один фронт.

– Вы о чем, князь? – не понял его Витте.

– Сегодня я приглашал к себе представителей земского съезда, который они намерены провести в столице в первых числах ноября. Попросил показать программу съезда. Ничего крамольного не нашел. Поехал к государю с предложением разрешить проведение съезда. На мою беду, у государя в это время находился великий князь Михаил Александрович. По-моему после подписания манифеста его величеством великий князь Михаил Александрович не покидает кабинет государя с утра до вечера.

– Боится пропустить миг, с которого станет правителем России? – пошутил Витте.

Князь Святополк-Мирский грустно усмехнулся.

– Вы это хорошо сказали, – заметил он. – Так вот, когда я высказал просьбу государю не отклонять прошение земств на проведение съезда, великий князь Михаил Александрович, не поверите мне, чуть не задохнулся от злобы. Он кричал, бегал по кабинету... Я опасался, что он бросится на меня с кулаками.

– А что его величество? – нетерпеливо спросил Витте. Он мысленно представил, как все это происходило, зная характер великого князя Михаила Александровича.

– Молчал, словно его и не было в кабинете! Потом поинтересовался, сколько избрано делегатов, кто избран, где намерены земства проводить съезд и... сказал, что я свободен. Сергей Юльевич, как бы вы оценили все это?

Витте пожал плечами.

– Наверное, как согласие...

– Я тоже так расценил. И когда ко мне снова приехали представители земств, я сказал им: что съезд они могут проводить. Через час мне передали из Зимнего: государь требует отложить

проведение съезда на 3—4 месяца, полагая, что этот съезд будет на руку оппозиционистам и наиболее организованным левым силам. Мне за малым дурно не стало...

– Не мудрено, – покачал головой Витте, в душе сочувствуя князю.

– Но и это еще не все, – продолжил князь. – Через два часа снова приказ из Зимнего: за 3—4 месяца провести новые губернские земские собрания и выбрать уполномоченных земств, лояльных государю! Мне ничего не оставалось, как снова пригласить к себе представителей земств, передать им отказ государя на проведение съезда и заверить их, что я буду смотреть сквозь пальцы, если такой съезд все же пройдет, но нелегально...

– Вы с ума сошли, князь! – не сдержался Витте. Поступок князя Святополка-Мирского грозил ему полной отставкой, если не хуже.

– И как они отреагировали? – поинтересовался Витте.

– Представьте себе, Сергей Юльевич, никак! – ответил князь. – Молча поднялись и ушли. А на следующий день в Москве состоялось собрание земской конституционной группы, которая объявила, что позиция Николая II развязывает им руки и съезд они вправе считать законным.

– И вы, князь, в этой пренеприятной, мягко выражаясь, истории оказываетесь крайним. Не так ли? – спросил Витте.

Князь Святополк-Мирский тяжело вздохнул.

– Пока не знаю, – ответил он. – Дважды просил уже сегодня государя принять меня и оба раза получал отказ.

...6 ноября Витте доложили, что в Петербурге начал работать съезд представителей земств. По данным жандармского управления в столицу прибыло около сотни делегатов. Однако где проходил съезд, никто не знал.

Витте воспринял эту новость с мрачным предчувствием надвигающейся беды.

«Значит, у них будут, действительно, развязаны руки», – подумал он.

...8 ноября в нескольких столичных газетах появилось заявление делегата съезда графа Стенбока-Фермора и председателя петербургской управы Маркова с протестом по поводу нелегального положения съезда.

9 ноября Витте через князя Святополка-Мирского получил копию резолюции съезда представителей земств. В ней требовалось отмена чрезвычайных положений, прекращение административных репрессий со стороны высшей власти, политическая амнистия заключенным, равенство прав без различия сословий, расширение прав земств, национальное самоопределение и свобода вероисповедания.

Только по одному пункту голоса представителей земств разошлись: за ограничение царской власти проголосовало 60 делегатов, против 38.

Прочитав резолюцию, Витте почувствовал себя так, как будто проглотил жменью горячих углей.

На следующий день он был приглашен к Николаю. В приемной императора Витте увидел князя Святополка-Мирского и его заместителя генерала Дурново.

«Все, – решил про себя Витте. – Это смена караула...»

Когда они вошли в кабинет, Николай, не ответив на их приветствие, мрачно сказал:

– Поздравляю вас, господа. С вашего согласия на волю выпущена конституционная политическая программа. Вы допустили непростительную ошибку. Я крайне вами недоволен. Однако не думайте, что вы останетесь в стороне. Ваше прошение, князь, об отставке я не принял, – обратился он к Святополку-Мирскому. – Сами натворили... – Николай почему-то перевел взгляд на Витте, – сами и будете исправлять...

Витте ждал, что государь начнет упрекать и его, тот продолжил допекать князя Святополка-Мирского. Затем обратился к стоящему по стойке смирно генералу Дурново.

– Вам лично я поручаю организовать наблюдение за сходами, банкетами, собраниями студентов и всех прочих. Знать, что там происходит, докладывать мне.

Николай II уже заметно успокоился. Стал говорить тише и ровным голосом.

Наконец, повернувшись к Витте, сказал:

– ...Сергей Юльевич, прошу вас сделать все возможное и невозможное, но не допустить, чтобы земские собрания присоединились к резолюции съезда. Я думаю, вы представляете, что это будет обозначать и чем может кончиться. – Николай II подошел к столу и взял с него листок бумаги. – Эту телеграмму сегодня прислал мне Черниговский предводитель дворянства с требованием земского собрания о конституционных переменах. Неслыханная дерзость и бестактность!.. – Николай II снова занервничал и стал ходить по кабинету. – Заниматься вопросами государственного управления – не дело земских собраний!.. Такого никогда не было и не будет!.. – некоторое время помолчал, затем произнес усталым голосом: – Все свободны. А генерала Дурново прошу задержаться.

Когда за Витте и князем Святополком-Мирским закрылась дверь, Николай почти вплотную подошел к перепуганному Дурново и жестко произнес:

– С сегодняшнего дня делами Дубровина и его «Союзом русского народа» будете заниматься лично вы. И боже упаси, если хоть один волос упадет с головы Дубровина...

5

...За обедом Николай II сказал императрице Александре Федоровне, откровенно любясь ею:

– А ты стала еще лучше. Женщина, наверное, чем больше рождает, тем краше становится.

Александра Федоровна в ответ слегка зарделась. Слова супруга были ей приятны, тем более сейчас, когда она всерьез опасалась, что после рождения сына потеряет внешнюю привлекательность.

– Я очень рада, – ответила она, – что до сих пор ты меня не разлюбил.

– А почему я должен тебя разлюбить? – немного удивленно спросил Николай II.

Александра Федоровна улыбнулась и загадочно ответила.

– Всякое случается... Вон сколько дел навалилось. И все больше неприятные. Ты уж прости меня за то, что я тебе напомнила об этом.

Николай II небрежно махнул рукой.

– Неприятности, милая, всегда были и будут... Как Алексей? – спросил он о сыне. – Он какой-то бледненький у нас.

– Это тебе кажется, – успокоила Александра Федоровна супруга. – Все хорошо...

Николай II мельком глянул на часы. Было половина второго. Он поднялся из-за стола, подошел к Александре Федоровне и обнял ее за плечи.

– Извините, матушка, – шутливым тоном продолжил он. – Но мне пора. Через полчаса ко мне с докладом должен приехать генерал Дурново. Посему разрешите, сударыня, откланяться. Императрица слегка удивленно посмотрела на него.

– Ты же после обеда хотел ворон пострелять...

– Пусть пока полетают, – усмехнулся Николай II. – Есть дела поважнее.

...Генерал Дурново появился в кабинете Николая II минута в минуту. Почти строевым шагом прошел к столу, за которым сидел государь. Хотел было вскинуть руку, но вовремя вспомнил, что он без головного убора.

– Генерал Дурново, ваше императорское величество! – доложил он.

– Вижу, что не Святополк-Мирский, – ответил Николай II. – Присаживайтесь, генерал. Слушаю вас. Только кратко и самое главное, – попросил он.

Генерал Дурново опустился в кресло. Потом встал.

– Разрешите, ваше императорское величество, докладывать стоя.

Николай II глянул на него снизу вверх и усмехнулся.

– Как хотите.

– Слушаюсь, ваше величество. В Петербурге и Москве на днях появились две новые подпольные газеты с названиями «Наша жизнь» – ее издают социалисты, и «Сын Отечества». Чистой воды народническая...

– Редакции обнаружили? – спросил Николай II.

– Пока нет, ваше величество.

– Плохо, генерал Дурново. Надо найти и закрыть. Организаторов арестовать! Не хватало нам еще этих газет!.. Что еще?

Генерал Дурново замялся. Его вдруг охватил страх от одной мысли о том, что он намеревался сказать.

– ... Ваше императорское величество, в Париже 9 ноября прошла конференция социалистов и прочих...

– Я это уже знаю из парижских, лондонских, берлинских и наших газет, – прервал генерала Дурново Николай II.

– Ваше императорское величество, дело в том, что в конференции приняли участие князь Павел Долгорукий-Рюрикович и граф Гейден...

Генерал Дурново умолк, видя, как бледность вдруг покрыла лоб и щеки Николая II.

– Этого и надо было ожидать, – медленно проговорил Николай II, поднимаясь из-за стола. Он прошел по кабинету, затем остановился перед генералом Дурново. – Насчет князя Павла и графа Гейдена точно? – почему-то уточнил он.

– Так точно, ваше величество. У меня достоверная информация от нашего агента на конференции! – выпалил генерал Дурново одним духом.

Николай II подошел к столу и, сев в кресло, бессильно откинулся на спинку. Прошло томительных для генерала Дурново несколько минут, которые показались ему вечностью. Наконец спросил:

– Ваш агент ничего не перепутал?

– Никак нет, ваше императорское величие, – выдохнул снова генерал Дурново. – Более того, он донес, что организатор этой конференции некий финский революционер Зиллиакус на средства, выделенные японской разведкой, начал приобретать в большом количестве оружие и взрывчатку. В частности в подвале одного лондонского магазина устроен склад. Там уже хранится 16 тысяч ружей, 3 тонны бомб, 300 пистолетов и 3 миллиона патронов. Куплены два парохода «Сесиль» и «Сиен» для переправки оружия и бомб в наши балтийские порты. Агент сообщил, что ружья и бомбы закуплены в Гамбурге, браунинги – в Америке...

Николай II по-прежнему сидел в кресле, откинувшись на спинку, чувствуя, как в душе расплзается холодок, от которого становилось не по себе.

– У вас все? – с трудом взяв себя в руки, спросил он у Дурново.

– Все, ваше величество, – ответил тот и стал по стойке смирно.

– Идите...

... Часом позже в Зимний приехали великие князья Михаил Александрович и Владимир Александрович.

– А мы с Невского из мастерской Трубецкого, – сообщил с порога великий князь Владимир Александрович. – Я же тебе говорил, что этот Трубецкой лепит карикатуру на покойного прародителя!

Николай II перевел тяжелый взгляд на Михаила Александровича.

– И ты так думаешь? – спросил он, стараясь унять вдруг вспыхнувший гнев на великого князя Владимира Александровича.

Тот равнодушно пожал плечами.

– Трубечкой уверяет, что именно так видит Александра III, – произнес он. – Видит так, пусть делает.

Великий князь Владимир Александрович чертыхнулся.

– Господи! Прости мою душу грешную! – взмолился он. – Ну почему ты мне в сородичи таких дураков послал?

– Хватит паясничать! – резко оборвал великого князя Николай. – Ты бы больше о державе думал!.. А тебе скульптура не нравится... Матушке-императрице понравилась. На этом и закончим разговоры.

На удивление, на этот раз великий князь Владимир Александрович сразу остыл и уже миролюбиво попросил:

– Прикажи принести водочки и щучьей икорки. Проголодались мы оба.

Вскоре великие князья уехали, оставив Николая II в подавленном настроении. Что-то не ладилось у него в отношениях со всеми. Он стал замечать за собой излишнюю подозрительность даже к близким. Стали сдавать нервы. Вчера накричал на военного министра Сухомлинова, когда тот пришел с докладом о положении дел на Дальнем Востоке.

...Первый штурм, который японцы провели 6 и 7 сентября, не принес им каких-либо результатов. И у Николая появилась надежда, что японцы все же обломают себе зубы о стены Порт-Артура.

Второй штурм 17 октября был явно подготовлен ко дню рождения императрицы Японии Мутсухито, однако императрица осталась без подарка. Порт-Артур стоял.

Николай понимал, что время работает против японцев. Вторая балтийская эскадра уже была в пути к Порт-Артуру. Увеличилась пропускная способность КВЖД до восьми пар составов в сутки, росла численность Маньчжурской армии генерала Куропаткина. Да и в самом Порт-Артуре по-прежнему находились значительные силы, достаточные запасы продовольствия и военного снаряжения.

Третий штурм крепости 13 ноября, по донесению генерала Алексеева, стоил японцам 22 тысяч жизней.

Сухомлинов и Алексеев заверили его, что после таких потерь японцы уже не смогут взять Порт-Артур.

И вдруг как гром с ясного неба. Сухомлинов доложил, что в результате очередного четвертого штурма 22 ноября японцы захватили ключевую над Порт-Артуром высоту 203 и ряд других важных позиций.

Теперь, вспоминая это, Николай II терялся в догадках. Он не мог понять, почему все это обрушилось именно на него? Были войны и при Екатерине и Павле, Александре I и Александре II. Случались заговоры, но таких военных неудач, такого вольнодумия, разгула смуты по всей империи со времен крестьянских восстаний Степки Разина и Емельяна Пугачева, по его мнению, не было.

«Прогневил я бога, – подумал Николай II. – Очень прогневил. Надо теперь молиться и искать спасения душе своей грешной. И опереться не на кого... Вокруг одни льстецы, наушники, да бездары... Погубят они Россию, а затем, словно черти, будут плясать на ее костях...»

6

– ...Произошло самое неприятное, чего я опасался, – сказал Николай II императрице Александре Федоровне, когда они воскресным утром ехали в Исаакиевский собор. – Газеты словно взбесились. Только и пишут о наших неудачах на Дальнем Востоке!.. Дурново через день шлет донесения о недовольстве земств. Все недовольны! И князья, и социалисты, и прочие, коих развелось, благодаря нашим уступкам, видимо-невидимо...

Он говорил внешне спокойно, однако Александра Федоровна улавливала в голосе супруга нотки раздражения и боли. И ей тоже становилось не по себе.

От придворных она слышала, что в России этот год выдался неурожайным. Мрачная тень голода уже накрывала некоторые губернии, особенно бедные.

«Не к добру все это», – думала императрица, рассеянно слушая Николая II.

– ... Вчера был у меня князь Святополк-Мирский, – продолжил он. – Сообщил, что в столице готовятся беспорядки. Может вызвать войска и разом раздавить всю эту смуту?..

Александра Федоровна испуганно вскинула на него глаза.

– Бог с тобой!.. – сказала она. – Хватит нам по гроб и того, что случилось на Ходынском поле...

– Что же мне делать? – Николай с недоумением посмотрел на императрицу. – Разрешить им бесчинствовать?

Александра Федоровна ничего не ответила. Она боялась сказать то, о чем уже не раз думала и отчего душа ее холодела, а сердце сжималось в комок. Она была уверена: пролитая людская кровь обязательно отразится на здоровье младенца Алексея.

– Так что же мне делать? – повторил вопрос Николай.

– Не знаю, – ответила она. – Но послушай моего совета: прежде чем принимать решение, обратись к Всевышнему. Может он что подскажет...

Во второй половине дня после возвращения из Исаакиевского собора Николай, несмотря на воскресный день, приказал Фредериксу вызвать к нему премьера Витте, князя Святополка-Мирского и военного министра Сухомлинова.

После этого дважды нетерпеливо интересовался у Фредерикса прибыли ли они. На что министр двора отвечал: «Ваше величество, до назначенного вами времени еще полчаса». Затем доложил: «Прибыли».

Предложив собравшимся рассаживаться, спросил, ни на кого не глядя:

– Ну, так что, милостивые судари? Мне донесли, что завтра в столице намечается манифестация смутьянов. Так она состоится или нет?

Витте и князь Святополк-Мирский переглянулись. Военный министр Сухомлинов сидел, словно изваяние из камня, и не спускал глаз с государя. Вопрос касался явно не его.

Поднялся князь Святополк-Мирский.

– По нашим сведениям, ваше высочество, манифестация состоится. Сколько народу примет участие, сказать нельзя. Большую агитацию социалисты ведут среди рабочих. Особенно на Путиловском заводе.

Николай II нетерпеливо махнул рукой.

– А почему вы разрешаете им вести агитацию?

Святополк-Мирский слегка изменился в лице. Вопрос Николая II прозвучал угрожающе. Заметили это и Витте, и военный министр Сухомлинов.

Выдержав паузу, князь Святополк-Мирский ответил, стараясь подбирать каждое слово, которое бы не вызывало у государя раздражения.

– Ваше величество, они ведут агитацию скрытно. Несколько агитаторов арестовано, однако брожение среди рабочих и мещан от этого только усиливается. Подливают масло в огонь и газеты. Они уже прямо обвиняют правительство в постигших нас неудачах на Дальнем Востоке.

Николай II побарабанил пальцами по столу.

– Не было бы неудач на Дальнем Востоке, нашелся бы другой предлог... Сергей Юльевич, вы у нас специалист по крестьянским делам, – вдруг сказал Николай II, обращаясь к Витте. – Скажите, пожалуйста, крестьяне поддержат социалистов в городах?

Витте встал и низким поклоном головы ответил на внимание императора к нему.

– Я не думаю, ваше величество, что крестьяне вообще поддержат социалистов. После неудачи народников социалисты связывают свои надежды с рабочими. Крестьяне в основной своей массе не осведомлены, что происходит на Дальнем Востоке. Газет, слава богу, крестьянам не доставляют, да и читающих среди них крайне мало...

– Ну, хотя в этом мы преуспели, – усмехнулся Николай II. – Значит, вы утверждаете, что опасности такой нет?

– Нет, ваше величество, – твердо заявил Витте.

– Что ж... хорошо, – Николай II снова побарабанил пальцами по столу. Потом встал, движением руки показал, чтобы остальные сидели, и прошелся по ковру, заложив за спину руки. Когда остановился перед Сухомлиновым, тот встал. – Вам надлежит сегодня отдать приказ воинским частям, находящимся в столице, быть в готовности завтра утром выступить при необходимости, для наведения порядка в городе. Ответственность за порядок в Петербурге я возлагаю на князя Святополка-Мирского. Все. Можете быть свободными.

...Весь остаток дня и ночь с 27 на 28 ноября князь Святополк-Мирский провел в своем рабочем кабинете. Не уехал домой и генерал Дурново.

В 7 утра, когда уже Святополк-Мирский был на ногах, в его кабинет торопливо вошел генерал Дурново и доложил, что из жандармского управления сообщили о замеченных сборах рабочих в районе Путиловского завода, на судовой верфи и на некоторых улицах Выборгской стороны.

– ...Надо бы доложить его величеству, – неуверенно предложил он. – Не ровен час...

– Решение, приказано его величеством, принимать мне, – ответил Святополк-Мирский. – Подождем...

– Ну, хотя бы военному министру, – стоял на своем Дурново.

– Сообщим, когда потребуется. Держите меня все время в курсе дел.

Генерал Дурново исподлобья глянул на Святополка-Мирского и вышел.

В 8 часов Дурново снова появился в кабинете князя.

– Колонны рабочих с красными флагами начали движение в сторону Невского проспекта, – взволнованно доложил он.

Святополк-Мирский на какое-то мгновение задумался: «Докладывать государю или, может, сообщить, как настаивает Дурново Сухомлинову? А если тот сам примет решение и тогда кровопролития не избежать?»

– Подождем еще немного, – ответил, наконец, Святополк-Мирский. – Если толпа начнет бесчинствовать, тогда применим войска...

– Дело ваше, – согласился Дурново. – Однако вы рискуете головой...

– Спасибо за напоминание, – ответил сухо князь Святополк-Мирский. – Идите и занимайтесь своим делом, – добавил он, а про себя подумал, глядя в широкую спину Дурново: «Только не вздумай жаловаться на меня... Сокрушу!».

Через час из Зимнего пришел телеграфный запрос: «Сколько манифестантов и что происходит в районах города? Необходимо ли применение войск для разгона?»

Князь Святополк-Мирский приказал ответить: «По информации, поступающей от жандармов и секретных агентов, на Невском проспекте собралось не более сорока тысяч человек. Движение по проспекту прервано. Бесчинств со стороны манифестантов не наблюдается. Войска применять для разгона не следует из-за возможных последствий».

Через полчаса поступил новый запрос: «Почему не информируете министра Сухомлинова?»

Святополк-Мирский чертыхнулся. На листке бумаги размашисто написал собственноручно: «Ответственность за поддержание порядка в столице его императорское величество возложил на меня лично, а не на военное ведомство. Придет час – проинформирую». И приказал отнести текст для передачи в Зимний. Потом попросил секретаря никого к нему не пус-

кать кроме генерала Дурново, сел на диван и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что происходит у него внутри. А там боролись два человека. Один требовал немедленно связаться с Сухомлиновым и пусть дальше тот принимает решение. Другой убеждал его этого не делать. Пролитая кровь могла превратиться в детонатор к бомбе такой силы, от взрыва которой мог содрогнуться не только трон.

В полдень манифестация стала переходить в отдельные митинги, на которых выступающие требовали заменить самодержавие конституционным строем, изгнать из правительства виновных в неудачах в войне с Японией, сократить рабочий день, свободы слова и печати.

В некоторых рабочих кварталах появились «черные сотни», однако сразу отступили под напором превосходящих сил рабочих дружин.

Узнав об этом, князь Святополк-Мирский перекрестился. «Слава тебе, господи! – проговорил он. – Иначе беды было бы не миновать...»

7

Решение Николая II все же провести 3 декабря срочное заседание Госсовета с приглашением на него высших сановников и великих князей застало Витте в Москве, где он принимал участие в работе земского собрания.

Надо было срочно возвращаться в северную столицу. До приезда в Петербург он так и не узнал причину срочного созыва Госсовета.

Витте прямо с вокзала связался с князем Святополком-Мирским. Тот сообщил, что накануне государь вызвал его и помощника начальника Главного Управления по делам местного хозяйства Крыжановского и попросил их в течение двух-трех дней подготовить доклад о реформах...

– Каких реформах? – нетерпеливо спросил Витте.

– Сергей Юльевич, приезжайте ко мне, я все вам расскажу, – ответил князь.

Через час Витте уже был в министерстве внутренних дел.

Князь Святополк-Мирский встретил его с озабоченным видом.

– Времени у нас в обрез, – сказал он. – Однако поспешность государя я понимаю. Политические страсти в обеих столицах нарастают с каждым днем. Непокойно и на селе...

– Князь, о каких реформах идет речь? – спросил Витте.

– Сергей Юльевич, приказано подготовить манифест о послаблениях в области религиозной терпимости, свободы слова, печати, внести изменения в основы трудового законодательства и кое-что еще по мелочам. Отведено максимум три дня...

Слушая Святополка-Мирского, Витте решил во что бы то ни стало немедленно добиться у Николая согласия на разработку намеченных реформ комитетом министров, где практически уже были готовы все материалы для манифеста.

И, словно, угадывая его мысли, князь Святополк-Мирский сказал:

– Сергей Юрьевич, у вас появился шанс возглавить эту работу. Это мнение его величества.

Заседание Госсовета Николай II назначил в Зимнем в большом актовом зале.

Кое-кому из старых членов Госсовета это не понравилось. На что великий князь Михаил Александрович пошутил:

– Не волнуйтесь. Здесь рядом Преображенский полк. В случае чего, препроводят прямо в Сибирь! – и рассмеялся, довольный своей шуткой.

Доклад Николая II прозвучал почти в гробовой тишине. Всем было ясно – государь под давлением обстоятельств вынужден идти на компромисс со своими убеждениями.

Обсуждение тоже прошло вяло: спорить или возражать не было смысла до тех пор, пока слово не попросил министр иностранных дел Ламсдорф.

В своей речи он уважительно отнесся к желанию его величества путем реформ остановить волну общественного негодования, подогреваемого, как он выразился, «врагами Отечества», и предложил для усиления международного авторитета России пересмотреть взгляды на европейскую политику.

– ...Мы постоянно выступаем за сохранение наших отношений с Парижем, – сказал он в конце речи. – Но давайте посмотрим, что сегодня представляет собой Париж в Европе. Это образец морального упадка и разложения. Именно во Франции под звуки «Марсельезы» идет разрушение основ европейской цивилизации. Задумайтесь, господа, – Ламсдорф вознес руки к высокому потолку зала. – Кто такие Тьер и Кавеньяк, Буланже, Клемансо и Пуанкаре? Я скажу вам – генералы от авантюры! Для России в эти дни, когда поднял голову внешний и внутренний враг, было бы куда полезнее изменить свою стратегию и тактику во внешней политике... Не реформами нам надо заниматься, а укреплением власти...

Николай II, председательствующий на Госсовете, не стерпел.

– Вы бы не могли яснее сказать, что менять?

Ламсдорф, ничуть не смущаясь тем, что государь прервал его речь, смело ответил.

– Ваше величество, я имею в виду создание союза с Германией. У нас сегодня общие проблемы, а значит и общие задачи. Дружба с Парижем только усиливает в России радикальные настроения.

Николай II с некоторым удивлением посмотрел на Ламсдорфа, словно обнаружил в нем что-то новое.

– Остановить радикальные настроения, – сказал он, – разрывом отношений со старым и проверенным союзником – слишком большая жертва для нас, граф.

Витте с интересом ждал, что ответит Ламсдорф. Сегодня на Госсовете Ламсдорф, на удивление, выглядел уверенным и внушал если не уважение, то сочувствие.

– Ваше величество, я ваш слуга и, если вы потребуете, я подам прошение об отставке немедленно, но я с вами не согласен.

После этих слов Ламсдорфа в зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как под кем-то испуганно скрипнуло кресло.

– С чем вы не согласны? – безразличным голосом произнес Николай.

Ламсдорф сразу понял, что гроза миновала, и ему дали возможность высказаться до конца.

– Ваше величество! – продолжил он. – В борьбе против социалистов и всякого рода бунтующей черни мы обязаны забыть хотя бы на какое-то время все наши взаимные обиды. Многие сидящие в этом зале знают, что Германия для России благонадежнее французских адвокатов. Такой союз продемонстрировал бы Европе и миру наши намерения совместными усилиями бороться против любого врага...

– Ну конечно... Торговый договор 1894 года, подготовленный с вашим участием, показал, чего хочет Германия! – прервал Ламсдорфа с места великий князь Михаил Александрович. – Наши рынки и сырьевых ресурсов!

Николай II осуждающе качнул головой, но замечание великому князю не сделал.

– Да-а-а... – протянул Николай II. – Действительно высокие идеи требуют от нас и больших жертв. Но мы на них пока не пойдем. В силу причин вам известных. Что касается военного союза с Германией и предложения министра иностранных дел, я могу только добавить – такой союз означал бы разрыв или ухудшение отношений с Францией и другими странами. Этого мы допустить не можем. Однако вернемся к нашим делам. Я полагаю, Главное Управление по делам местного хозяйства в течение недели подготовит все необходимые документы. С учетом высказанных здесь замечаний возглавить эту работу я поручаю Сергею Юльевичу Витте. Все, господа. На этом заседание Госсовета я считаю закрытым.

На выходе из Зимнего дворца Витте ожидали князь Святополк-Мирский с генералом Драгомировым.

– И каково ваше мнение, Сергей Юльевич? – спросил генерал Драгомиров. И, не дождав-шись ответа, продолжил: – Как отшил его величество Ламсдорфа!

Витте очень хотелось сказать, что мнение о Госсовете у него не лучшее. Государь озву-чил и то, что считал необходимым. И в манифесте будет записано то же самое. Что касается выступления Ламсдорфа – он просто еще раз с трибуны Госсовета озвучил мечту придворных германофилов создать союз с Германией за счет Франции. А затем поочередно подмять под Германию сначала Францию, затем Россию.

– Мое мнение прекрасное, – ответил он. – А вы здесь на холоде по доброй воле стоите? – спросил Витте в свою очередь.

– Вас поджидаем, – ответил князь Святополк-Мирский. – Надо бы поговорить. Только не здесь.

– Хорошо, – согласился Витте. – Тогда поехали ко мне.

...В кабинете Витте было уютно, и... стоял свежий запах лимонов.

Генерал Драгомиров шумно втянул носом воздух и спросил, обращаясь к хозяину каби-нета:

– Сергей Юльевич, а у вас тут цитрусовым садом пахнет. Отчего?

Витте усмехнулся. Открыл створку буфета и достал с полки большую вазу, доверху наполненную золотистыми лимонами.

– Это мне подарок преподнесли, – сказал он. – Под коньячок хорошая закуска и с чаем полезно. Так что будем пить чай или коньяк? – спросил он.

Генерал Драгомиров расправил усы.

– И то, и другое, – ответил он за себя и за князя.

Витте распорядился принести горячий чай и коньяк.

– Так о чем разговор? – спросил он, возвращаясь к столу.

Генерал Драгомиров повернулся к Святополку-Мирскому.

– Говорите вы, князь. У вас лучше получается.

Святополк-Мирский откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Витте.

– Дело серьезное, Сергей Юльевич, – начал он. – За два дня до Госсовета императрицу Александру Федоровну посетили Фредерикс, Беккендорф, Дрентельн и главный конюшенный двора обергофмаршал Грюнвальд. Уговаривали ее повлиять на императора изменить отноше-ние с Францией в пользу Пруссии. Александра Федоровна сначала не соглашалась. Несколько раз пыталась отшутиться, однако Грюнвальд... – князь умолк, так как в это время открылась дверь, и секретарь Витте внес на подносе чашки с чаем, бутылку коньяка и высокие хрусталь-ные рюмки.

– Лимон я сам приготовлю, – сказал Витте секретарю.

– ...Так вот, – продолжил Святополк-Мирский, когда секретарь закрыл за собой дверь. – Этот конюх чуть ли не клешнями вытащил из императрицы слово, что она постарается убедить Николая II в необходимости изменить отношение к Пруссии. Он даже применил такие слова, как «зов крови».

О том, что сам Святополк-Мирский встречался с Ламсдорфом и доверился ему, решил не говорить.

– Ламсдорфа там, конечно, не было? – уточнил Витте.

– Он не дурак, как они, – сказал в ответ генерал Драгомиров.

Витте задумчиво покачал головой.

– Новость интересная... – медленно проговорил он. – Судя по сегодняшнему заявлению государя на Совете, Александра Федоровна или не смогла переубедить его величество, или не захотела...

– Все сходится на этом, – согласился Святополк-Мирский. – Но это не означает, что они не будут искать другие подходы к его величеству. И, полагаю, не остановятся ни перед чем...

Витте бросил короткий взгляд на князя.

– Но они же не самоубийцы...

– А черт их знает! – воскликнул генерал Драгомиров и потянулся к подносу. Он залпом опрокинул рюмку коньяка, крикнул и расправил пышные усы. – Вместо чая с вашего позволения, Сергей Юльевич, я повторю коньячок, – сказал он.

– Сколько душе угодно, милостивый сударь, – ответил Витте и добавил: – В таком случае, господа хорошие, с них теперь нельзя спускать глаз...

8

...Было уже далеко за полночь, а в трех окнах министерства иностранных дел, размещившегося в правом крыле здания главного штаба, горел свет.

Сразу же после заседания Госсовета к Ламсдорфу приехали Нейгард, Будберг и Фредерикс. Там уже были Грюнвальд и Беккендорф.

Грюнвальд и Беккендорф требовали поставить Николая II перед фактом надвигающейся революции и убедить его, что только в союзе с Германией возможно защитить интересы монархии как в России, так и в Германии.

Нейгард и Будберг предостерегали от подобного шага. Нейгард заявил что, если большинство окажется сторонниками силового давления на государя, они оба не будут больше участвовать в таких делах.

Ламсдорф поддержал Грюнвальда и Беккендорфа. Он считал, что времени на уговаривание государя уже нет. Необходимо действовать со всех сторон и не стыдиться никаких средств.

И только один Фредерикс, уютившись в глубоком кресле, не то дремал, не то слушал с полузакрытыми глазами и не вступал в спор.

– ...Мы ничего не сделаем, – устало произнес Нейгард, когда встреча подходила к концу, – пока Германия будет входить в «Тройственный союз».

Ламсдорф в ответ вспылал.

– Дмитрий Борисович, «Тройственный союз» это безобидное образование Германии, Австрии и Венгрии! И он направлен не против России. Для Германии в Европе существует ее традиционный противник – Франция!..

Нейгард усмехнулся.

– Объясните это государю, милостивый сударь.

Будберг, внимательно следивший за перепалкой Нейгарда и Ламсдорфа, вдруг предложил:

– А не пора ли нам разъезжаться, господа. Не ровен час, еще подумают, что тут собрались заговорщики...

– Заговорщики и есть, – неожиданно для всех вялым голосом произнес Фредерикс. – Иначе как можно рассудить то, о чем тут идет речь?

На какое-то время в кабинете повисла почти звенящая тишина.

– Да-а-а... – изрек Беккендорф и чертыхнулся. – Вы уж лучше бы спали, граф, до конца и не мешали нам.

Фредерикс заерзал в кресле.

– Не могу. В Сибирь все равно придется вместе с вами идти, – также вяло ответил он.

В кабинете снова стало тихо. Было слышно только, как раздраженно сопел Грюнвальд да Беккендорф выбивал пальцами нервную дробь по крышке стола.

Напоминание Фредерикса о Сибири усугубило и без того мрачное настроение.

– И все же я предлагаю еще раз встретиться с императрицей Александрой Федоровной, – продолжил Ламсдорф. – Это единственный человек, который может нам помочь вразумить государю, что нельзя терять времени на политическую демагогию. Мы в двух шагах от катастрофы! Государь приказал Сухомлинову срочно подготовить к отправке в Маньчжурию армейские корпуса, расквартированные в Вилюйском, Киевском, Московском и Одесском военных округах. Вы представляете, что это значит? В случае массовых беспорядков одними жандармами не обойтись!..

– При такой скорости передвижения по Восточносибирской железной дороге эти корпуса прибудут в Маньчжурию к шапочному разбору, – заметил Нейгард.

Ламсдорф поморщился и с досадой отметил про себя, что Нейгард не понял, о чем он, Ламсдорф, сказал. В случае массовых беспорядков в этих округах наводить порядок силами одних жандармов будет не реально. И Ламсдорф продолжил:

– Если и на этот раз императрица откажет нам, тогда у нас останется одна и, к сожалению, последняя возможность – повлиять на великого князя Михаила Александровича...

Фредерикс снова открыл глаза, тяжело вздохнул и покачал головой:

– Наверняка придется с вами в Сибирь идти...

– Лучше жить в Сибири, чем болтаться на виселице смутьянов! – не сдержался Грюнвальд и вскочил с места. – У вас, граф, сегодня плохие шутки!..

Ламсдорф с трудом успокоил Грюнвальда. Фредерикс тем временем медленно встал и пошел к выходу из кабинета. У двери остановился и, обернувшись, сказал:

– Пора расходиться, господа заговорщики. Утро вечера мудренее. Так любил говорить покойный император Александр III. Царство ему небесное...

Через полчаса в кабинете осталось двое: Ламсдорф и Грюнвальд.

– Что будем делать? – мрачно спросил Ламсдорф.

– Думать и еще раз думать, – ответил Грюнвальд, с трудом подбирая русские слова. – Его величество страшно боится поражения в войне... – Грюнвальд щелкнул двумя пальцами. – Значит, это поражение надо ускорить!

Мысль Грюнвальда Ламсдорфу явно не понравилась.

– Не думаю, что поражение России будет в нашу пользу, – возразил он. – В первую очередь им воспользуются социалисты и левые. И это будут, как говорят в России – только цветочки. Ягодки будут, когда полумиллионная деморализованная поражением армия через всю Сибирь станет возвращаться в те же Киевские, Московские, Одесские и другие военные округа...

С минуту оба помолчали. Грюнвальд явно нервничал. Он всегда был сторонником быстрых и решительных мер. Как истинный пруссак он и держался по-прусски, вышагивая по царским конюшням ровным, почти строевым шагом и низко опустив на глаза блестящий козырек армейской фуражки.

На этот раз что-то подсказывало Ламсдорфу: надо быть осмотрительнее с Грюнвальдом и вести себя более осмотрительно. Он не собирался приносить себя в жертву, как Грюнвальд. Таких жертв на его глазах было много. Еще в пору своей юности он услышал однажды от прислуги, старого русского солдата, простые слова «Плетью обуха не перебить». И запомнил их на всю жизнь. Они не раз спасали его, заставляя сначала думать, а потом принимать решение.

Грюнвальд вскоре уехал, а Ламсдорф еще долго ходил по душному кабинету, перебирая в памяти все, что было здесь сказано. С тревогой подумал: «А почему не приехал фон Краммер? Он был членом Госсовета и постоянным гостем либерального кружка императрицы Александры Федоровны. Именно фон Краммер настоял на этой встрече...»

Ламсдорф попытался было отогнать от себя эту мысль, однако она снова и снова возвращалась к нему, вселяя в потайные уголки его души непонятный страх. А впрочем, он знал, откуда он исходит. Его страх был порождением ненависти, которую Ламсдорф питал ко

всему, что его окружало. Даже свою высокопоставленную должность он называл бесцветной канителью жалкой дипломатии. А упрочение русской государственности – ничтожным предприятием. Ему нравился Шиллер, и он старался смотреть на окружающее себя его глазами. И видел одну тоску и бестолковую суету ничтожнейшего народа, склонного к пьянству, обжорству и бессмысленным по своей жестокости бунтам.

С годами у него выработалось и окрепло брезгливое чувство и к своим коллегам.

Наблюдая за Николаем II, Ламсдорф не раз ловил себя на мысли, что ненавидит его. «Был бы самодержавец, а то так... – думал он. – И я перед ним обязан унижаться... Тысячу раз был прав мой мудрый предшественник Гирс, когда говорил, что Россию надо спасти от самой России...»

9

День 12 декабря в Зимнем дворце начался как обычно. В присутствии Фредерикса помощник начальника Главного Управления по делам местного хозяйства Крыжановский положил на стол государя папку с текстом манифеста. Через час Николай II должен был подписать манифест о даровании свобод.

Вскоре в Зимний прибыли великие князья Николай Николаевич, Владимир Александрович, Алексей Александрович и Михаил Александрович. Последним приехал Витте.

Стрелки на часах показывали 9 утра, а Николая II все не было.

– Да где же он? – первым возмутился великий князь Алексей Александрович.

За ночь он успел побывать на двух балах, потом его повезли еще на какую-то вечеринку, которая закончилась перед рассветом.

Алексей Александрович проснулся утром в чужой постели с какой-то девицей. Наспех собрался и уехал домой. Его с трудом разбудили слуги в восьмом часу утра, вылили на голову графин холодной воды, насухо вытерли, напоили горячим крепким чаем и посадили в теплую карету.

Прошло еще не менее получаса. Наконец появился растерянный министр двора Фредерикс и упавшим голосом объявил:

– Его величества нет в Зимнем...

– Как нет? – великий князь Николай Николаевич вскочил с кресла. – Ты что, шутишь?

Бедный Фредерикс только развел руками.

– А что говорит императрица, Александра Федоровна? – спросил Витте.

– Говорит уехал... Куда не знает...

– О, боже! – воскликнул великий князь Николай Николаевич. – Он что, с ума сошел?

Молчавший до сих пор великий князь Михаил Александрович резонно заметил:

– Скорее всего, он в Петергофе...

– Сбежал! – выдохнул великий князь Николай Николаевич. Схватил великого князя Михаила Александровича за рукав и потащил к двери. – Поехали в Петергоф!..

Михаил Александрович с трудом освободился от цепких пальцев сородича.

– Я только предполагаю, что он там...

– Фредерикс, узнай, где твой государь! – приказал Николай Николаевич. – И быстро! Одна нога здесь, другая там!

Фредерикс поклонился и вышел из приемной Николая II.

– Ну и гусь! – продолжил горячиться великий князь Николай Николаевич. – Надо же, удумал такое!.. Господи, прости душу мою грешную. Чем тебя прогневил Александр? Почему ты не дал ему дожить до того времени, когда дети его наберутся ума?..

Великий князь Алексей Александрович сморщился, словно от зубной боли.

– Ну хватит причитать!.. Я думаю так: коли он уехал и ничего никому не сказал, значит, не будет подписывать этот манифест.

– Как не будет? – у великого князя Николая Николаевича даже глаза округлились. – Он хочет, чтобы всех нас, как во Франции, отправили на гильотину?.. Ну, где этот старый черт?

Фредерикс появился, когда страсти вокруг предположений об отсутствии Николая II закипали до предела.

– Как вы и говорили, ваше сиятельство, – обратился министр двора к великому князю Михаилу Александровичу. – Его императорское величество находится в Петергофе...

Нервный шок, который испытывали великие князья, был настолько сильным, что даже Николай Николаевич лишился дара речи.

– Надо взять манифест и ехать к его величеству в Петергоф, – предложил Витте.

Великий князь Николай Николаевич устало махнул рукой.

– Пусть едет он, – и кивком головы указал на Михаила Александровича. – Он назначен правителем России... Вот пусть и правит...

– Надо ехать всем вместе, – сказал Витте. – Я полагаю, все гораздо серьезнее, чем нам тут кажется.

Витте поддержал великий князь Алексей Александрович.

– Действительно, Сергей Юльевич прав. Поехали вместе.

...Николая II великие князья нашли в домике на берегу Финского залива.

Замершие фонтаны, посветлевший парк и занесенные снегом причудливые статуи вдоль дорожек – все приводило в уныние.

Николай II сидел у камина и, задумавшись, неотрывно смотрел на огонь. Когда великие князья вошли в комнату, он даже вздрогнул.

– Фу-у-у!.. – сказал он. – Напугали до смерти.

– Это ты нас напугал до смерти! – огрызнулся великий князь Николай Николаевич. – Хотя бы слово кому сказал...

– Манифест я подписывать не стану, – спокойно, но решительно заявил Николай II. – Если бы был жив наш дорогой прародитель...

– Он бы высек тебя розгами! – оборвал Николая II великий князь Николай Николаевич и швырнул на письменный столик папку с манифестом. – Вот манифест – подписывай!

Николай II поднял на него холодные глаза.

– Я сказал, манифест подписывать не буду!

Великий князь Михаил Александрович подошел к Николаю II и положил руку на его вздрагивающее плечо.

– Я бы на твоём месте тоже не подписывал, – неожиданно проговорил он. – Однако положение сегодня у нас такое, что лучше подписать этот чертов манифест. Надо сманеврировать и выиграть время. Собраться с силами и в зародыше удушить всю эту смуту. Ты хоть это понимаешь?

Николай молча поднялся из кресла, и все с тайным облегчением вздохнули. Однако государь не подошел к столику. Он остановился у окна и вдруг сказал:

– Какая ненастная погода... Если бы не вы, я бы сейчас пошел ворон пострелять...

Великие князья переглянулись.

– Ты что, решил над нами поиздеваться? – заорал Николай Николаевич. Он схватил со столика папку и сунул ее в руки Николая II. – Подписывай! Мы не собираемся идти на эшафот из-за твоего упрямства!

Николай II швырнул папку на пол. Лицо его сначала побагровело, затем на лбу и щеках выступили бледные пятна.

– Манифест не получите!.. – крикнул он вдруг высоким голосом. – Через мой труп!..

Великий князь Михаил Александрович подошел к Николаю, взял его за плечи и повернул к себе лицом.

– Пойми ты!.. Это необходимо сделать сегодня. Завтра уже будет поздно...

Николай II освободился от рук великого князя и вернулся в кресло.

– Давайте ваш манифест...

Великий князь Михаил Александрович наклонился и, подняв с пола папку, подал Николаю II.

Тот открыл папку, достал текст манифеста и стал читать. На второй странице остановился и, подняв глаза на стоящего рядом великого князя Михаила Александровича, вдруг сказал:

– Ну как я могу это подписать? Допустить местные земства к разработке законов!.. Самая настоящая чушь! Кто эти люди? Далее читайте – введение свободы совести и свободы печати... Кто у нас издает газеты? Подпольщики и жидаы! И вы хотите, чтобы я согласился с этим?.. Никогда! Все! – Николай II захлопнул папку и протянул ее великому князю Михаилу Александровичу. – Забирай!

Великий князь Николай Николаевич, теряя самообладание, неожиданно бросился к Николаю.

– Я тебя удушю и не посмотрю на то, что ты мой племянник! – взревел он.

Взбешенного великого князя с трудом оттащили от Николая II.

Спокойно сидевший до этого в углу великий князь Владимир Александрович первый раз за все время изрек:

– Он же сказал – через его труп. Давайте утопим его в заливе. Пусть думают, что сам утонул...

Николай нервно рассмеялся.

– Докатались сородичи... Ну, что ж, топите...

Алексей Александрович, тем временем отведя в сторону великого князя Николая Николаевича, шепнул ему в самое ухо:

– Пошлите за премьером Витте. Он знает, чем донять нашего упрямаца.

...Витте приехал скоро. Картина, которую он увидел, потрясла его. Великие князья сидели по углам комнаты, словно дозорные.

Николай II грелся у камина. А великий князь Алексей Александрович преспокойно поглощал водку.

Завидев Витте, Николай II скупно усмехнулся.

– Подкрепление прибыло, – обронил он. – Ну-ну... Сергей Юльевич, а вы зачем здесь?

Витте слегка смутился, но тут же взял себя в руки. Он понимал, что именно сейчас решится его судьба. Или он убедит государя подписать манифест, или уедет отсюда никем...

– Ваше величество, – начал Витте, – я прекрасно понимаю ваше состояние. Но поймите и вы – здесь ваши единомышленники. От того, подпишите вы манифест или нет, будет зависеть судьба не только монархии, но и России... Нельзя ходить на ненадежном судне по открытому морю. Надо переждать грозу в гавани. Манифест – это передышка. Выждав в тихой гавани, вы сможете взять прежний курс. У вас снова будут развязаны руки.

Николай II медленно поднялся и заходил по комнате. Так прошло минуты две-три. Наконец он заговорил, на удивление, ровно и спокойно:

– Сергей Юльевич, я знаю, что для моего прародителя Александра III вы сделали больше, чем все здесь присутствующие вместе взятые. И для России вы сделали не меньше. При всем уважении к вам я скажу – нет! Нельзя отступать перед крамолой! На нее надо навалиться всем вместе с утроенной силой и стереть ее с лица земли русской огнем и мечом! Подписи моей под этой бумагой не будет!

Витте вдруг понял: Николая II не переубедить. Все кончено.

– Вам решать, ваше величество, – сказал он. – Только как все это объяснить миллиону бастующих по всей России? Бунтующим в деревнях крестьянам, чьи дети уже умирают с голода, помещикам, чьи усадьбы уже начали гореть от рук обезумевших от горя крестьян, и армии, которая в скором времени вернется из Маньчжурии? И если мы не сделаем сегодня им эти уступки, завтра они сольются воедино, и тогда Россия превратится в сплошное пожарище...

Витте умолк, и в комнате воцарилась тягостная тишина. Только было слышно, как в камине потрескивают сосновые поленья, да за дверью чьи-то неторопливые шаги.

Время тянулось так медленно, что казалось, оно остановилось. Сколько его прошло, никто не знал.

Наконец Николай II поднялся и снова заходил по комнате. Было заметно – его раздражают сомнения.

Николай вспомнил слова Вильгельма, который обещал в письме Александре Федоровне на крайний случай прислать в Петергоф эскадренный миноносец для вывоза из России ее семьи...

– Хорошо, – наконец проговорил он. – Давайте ваш манифест. Я подпишу. Только вы еще пожалеете об этом!..

10

В субботу вечером императрица Александра Федоровна принесла в столовую из своей спальни альбом с семейными фотографиями. Раскрыла его и показала Николаю II фотоснимок, сделанный в Германии, где он стоял в обнимку с кайзером Вильгельмом после удачной охоты.

– Какая прелесть! – сказала она и тонкими мраморными пальцами погладила фотографию. – Ники, вы здесь, словно родные братья...

Николай II заглянул в альбом и отодвинул его в сторону.

– Мы же кузены, насколько я знаю...

– Ники, я не о том, – заговорила императрица и вздохнула. – Вы прелестно оба выглядите. Два монарха!.. Перед вами весь мир мог бы склонить головы... Как хорошо было раньше. Мы так часто ездили в Германию. Я до сих пор не могу забыть нашу поездку после коронации. Приемы, блеск!.. И сколько открытых радостных лиц!..

Императрица под села поближе к Николаю и обняла его за плечи.

– Почему ты такой серьезный? Из-за этого манифеста? Да выкинь ты его из головы! Ты помнишь, как ты мне однажды сказал: перемелется – все превратится в муку, – Александра Федоровна заглянула в холодные глаза супруга. – Ну чего ты боишься? Если ты захочешь, через три дня в Финском заливе будет стоять весь военный флот Вильгельма. Ну перестань мучить себя... – И вдруг тихо засмеялась. – Ты знаешь, сегодня Алексей начал пускать пузырьки, а когда я хотела убрать их, он ухватился рукой за мою ладонь, да так крепко, что я была удивлена.

Услышав о сыне, Николай II посветлел лицом. Теплота слов, произнесенных Александрой Федоровной, согревала его душу и сердце. У него на глазах навернулись слезы, и чтобы императрица не видела это, Николай II встал и отошел к окну.

– ...Зима, ваше величество, не для поездок, – задумчиво проговорил он оттуда. – Да и время сейчас смутное... Лучше из Зимнего носа не высовывать.

Александра Федоровна, будучи женщиной мудрой, согласилась с мнением супруга.

– Я понимаю, – сказала она с участием в голосе. – Столько забот и столько неприятностей... Я удивляюсь твоему мужеству. Ники, ты меня извини, но порой ты напоминаешь мне человека, который в одиночку пытается удержать своим плечом плотину, переполненную вешней водой, а остальные стоят и с любопытством наблюдают, что из этого получится, или еще

хуже – гонят к плотине волну за волной... Скажи мне, неужели нельзя по-другому? – Александра Федоровна поднялась и подошла к супругу. – Ну разве Вильгельм нам враг? Почему ты не доверяешь ему? Помнишь, прошлым летом, когда вы с ним встречались на нашей яхте, он дал слово всегда и всюду поддерживать тебя...

Николай II с нежным укором посмотрел на императрицу. Обнял ее и поцеловал холодно в один глаз, затем в другой.

– Ты права, моя не обрусевшая гессенская принцесса... Права, – повторил он задумчиво. – Только не во всем. Мы будем поддерживать друг друга. Это золотое правило нашего, если хочешь, клуба. Для меня Вильгельм кузен. А для России он чужой человек и Россия для него чужая. Она испокон веков для всех была и остается огромным пространством для завоевания. Кто будет в будущем править Россией, дорогая моя, тот будет править и миром! Поэтому любовь нашего кузена Вильгельма к нам, еще ничего не означает. Сегодня все словно сговорились: подталкивают меня к союзу с Германией. А я боюсь этого союза...

– Почему, Ники? – удивленно спросила императрица. – Мы же кровно связаны... И дети наши смешанной крови...

Николай II жестом руки прервал Александру Федоровну.

– Кровью и платят за такое родство... – и, видя, что императрица его не поняла, добавил: – Тройственный союз Германии, Австрии и Венгрии – это бронированный кулак не только против Европы. А я не хочу, чтобы Россия была вассалом у этой тройцы.

– А если тут что-то случится?.. – спросила Александра Федоровна, не спуская напуганных глаз с Николая. – Тогда как? Кто тебе поможет?

– Вот если случится, тогда я попрошу у нашего кузена помощи, – ответил он и слегка отстранил от себя императрицу. – Прости, но мне нужно идти. Сухомлинов просил, чтобы я его принял по срочному делу.

– Ники, но сегодня же суббота!.. – Александра Федоровна непонимающим взглядом посмотрела на супруга. – Ты же по субботам никого не принимаешь!

Николай II в ответ усмехнулся.

– Это у нас с тобой, дорогая, суббота, а у войны выходных дней не бывает.

Пройдя в свой кабинет, Николай II взглянул на часы. До прихода Сухомлинова оставалось еще минут пятнадцать.

Не присаживаясь, он бесцельно перебрал на столе оставшиеся со вчерашнего дня недочитанные бумаги. Взял одну из них с грифом «Секретно». Это было донесение генерала Дурново о попытке Дубровина через свои отделения «СРН» в Киеве, Харькове, Кишиневе, Одессе и Тамбове наладить отношения с подобными организациями в Германии. Из донесения следовало, что руководитель киевского отделения «СРН» Юзефович пошел еще дальше. Он направил в адрес кайзера Германии телеграмму с выражением беспредельных чувств благоговения и коленопреклонения перед ним.

Прочитав это место в донесении, Николай II не сдержался и выругался вслух.

– Сволочь! – произнес он. – Я тебе растолкую, перед кем ты обязан благоговеть и коленопреклоняться!..

Он сел за стол и написал на полях донесения: «Заставь дурака богу молиться – он и лоб себе расшибет. Юзефовича – убрать. Дубровина – предупредить. Не его забота вмешиваться в государственные дела».

И тут же подумал: «А зачем им Вильгельм?..»

Эта неожиданная мысль невольно вернула его к только что состоявшемуся разговору с императрицей. Николай II лучше, чем Александра Федоровна, понимал: исторические интересы разводят Россию и Германию в противоположные стороны, где за горизонтом уже вырисовываются крепостные валы враждующих стран за передел мира. И, наверное, господом богом, помимо воли людей, определено – России и Германии в этом мире будет тесно.

... Военный министр Сухомлинов вошел к Николаю, поздоровался и остановился у двери. Император с некоторым удивлением посмотрел в его сторону.

– Проходите. Садитесь.

Военный министр продолжал стоять.

– Ваше императорское величество, – начал он, – у меня неприятные новости. От генерала Стесселя только что получена телеграмма. Потоплена в гавани практически вся оставшаяся часть кораблей порт-артурской эскадры. Уцелел только броненосец «Севастополь».

– А где же 2-я тихоокеанская эскадра? – с трудом выдавил из себя Николай II, ошеломленный этой новостью.

– В пути, ваше императорское величество, – растерянно ответил Сухомлинов. – Скоро прибудет...

Николай II медленно заходил по кабинету. Несколько раз останавливался, порываясь что-то сказать Сухомлинову, однако раздумывал.

Наконец проговорил:

– Что еще там у них?

– Японцам удалось захватить все подступы к Порт-Артуру, установить тяжелую осадную артиллерию и методически разрушать форты и другие укрепления. Местами бои уже идут в казематах...

Николай II некоторое время в упор смотрел на Сухомлинова, с трудом переваривая услышанное.

– А что доносит Куропаткин? – после долгой паузы спросил он.

– Обе стороны совершают маневры. Серьезных боев пока нет, – ответил Сухомлинов.

Николай II прошел к столу и сел. Бесцельно передвинул с места на место бумаги. Потом, вспомнив, что в кабинете еще находится военный министр, поднял голову и сказал:

– Можете быть свободны...

Оставшись один, он долго сидел неподвижно, практически не думая ни о чем. В голове стояла сумятица и неразбериха, а в душе холодное отчаяние и злость. Ему вдруг захотелось все бросить и укрыться куда-нибудь подальше от всех на свете. Чтобы рядом не было ни одной живой души, напоминающей ему о том, что он государь и должен править державой, которую распинают как уличную девку, и никому до этого нет дела...

Глава VI

1

... В 5 часов дня генерал Кондратенко прибыл в главный штаб на заседание Совета обороны крепости, созванного генералом Смирновым по поручению Стесселя.

Самого Стесселя в штабе не было.

В коридоре Кондратенко встретил генералов Фока и Никитина. Поздоровался с ними.

– Как дела? – спросил Кондратенко.

– Как сажа бела, – усмехнувшись, ответил генерал Никитин.

В зале заседаний уже были генерал Белый, командир 1-й бригады 7-й Восточносибирской стрелковой дивизии генерал Горбатовский, генерал Смирнов и начальник штаба укрепрайона полковник Рейс.

Последним в зал вошел начальник инженеров крепости полковник Григоренко.

Заседание Совета открыл генерал Смирнов.

– Господа, – начал он, глядя в какие-то бумаги, разложенные перед ним на столе, – заседание Совета обороны собрано по настоянию генерала Стесселя. Анатолий Михайлович просил в срочном порядке обсудить вопросы относительно дальнейшей обороны крепости... – Смирнов оторвал взгляд от бумаг и как-то растерянно посмотрел на собравшихся. Затем продолжил, не поднимая головы: – На сегодняшний день нами потеряны опорные пункты на высотах Плоская, Высокая, Дивизионная и Панлуншане. Остались пока за нами позиция на горе Сигнальная, в районе бухты Тахэ, а также позиции между Большой Голубой бухтой и фортом номер 5 на Ляотешане. Обстановка предельно сложная. Прошу высказать свои мнения, – предложил генерал Смирнов. – Роман Исидорович, – обратился он к Кондратенко, – может, вы начнете? Можно не вставать.

– А где контр-адмирал Витгефт? – неожиданно задал вопрос Кондратенко.

– На броненосце «Севастополь», – ответил Смирнов. – На внешнем рейде.

– Ясно, – Кондратенко все же встал и повернулся лицом к собравшимся. – Так удобнее, – проговорил он. – Что я думаю в связи с сложившейся ситуацией... Во-первых, ни в коем случае не сдавать позиции в районе Ляотешаня и позиции на Голубой бухте. Сегодня они играют ключевую роль. Во-вторых, необходимо сформировать резерв для оперативного использования в самых сложных местах. В-третьих, улучшить питание солдат и матросов как на позициях, так и в госпиталях.

Смирнов посмотрел сначала в зал, затем перевел взгляд на Кондратенко.

– Роман Исидорович, за счет чего формировать резерв? – спросил он. – У нас везде в обрез...

– У нас есть моряки. С затопленных судов снято около 1500 человек, – сказал Кондратенко.

Смирнов отрицательно покачал головой.

– У меня есть приказ генерала Стесселя всем подразделениям, сформированным из флотских, занять участок обороны в районе форта номер 6 и до Ляотешаня для прикрытия на случай отвода наших войск в крепость.

– Этого делать нельзя! – заявил генерал Фок. – Оставление позиций на Ляотешане повлечет за собой падение всего нашего левого фланга! Я уважаю мнение генерала Стесселя, но с таким решением согласиться не могу.

Смирнов побарабанил пальцем по столу.

– Та-а-а-к... Кто еще выскажет свое мнение?

– Разрешите мне? – поднялся с места генерал Горбатовский.

Смирнов коротко кивнул головой.

– Я тоже считаю, что оставлять позиции на Ляотешане ни под каким предлогом нельзя. Иначе мы потеряем крепость!

– И я придерживаюсь того же мнения, – поддержал Горбатовского генерал Белый.

– Господа! Я не против! – сказал он. – Но ответьте мне на вопрос: за счет каких сил и средств удерживать эти позиции?

– Я уже сказал, – снова заговорил Кондратенко. – За счет моряков.

Генерал Смирнов помрачнел. Он знал, что Стессель уже распорядился отправить всех моряков на правый фланг фронта и удерживать там позиции, чтобы не допустить обхода крепости с этого направления, однако не сказал. Он предвидел реакцию большинства членов Совета на такое решение, с которым и сам был не согласен.

– Господа! – поднялся с места полковник Рейс. – Мы спорим отходить от Голубой бухты и от Ляотешаня или не отходить, – полковник Рейс обвел взглядом присутствующих в зале. – А о пределе, до которого следует оборонять крепость, мы говорить будем?

– То есть, когда надлежит сдать крепость? – в наступившей вдруг тишине спросил генерал Кондратенко.

Полковник Рейс повернул голову в его сторону.

– Совершенно верно, Роман Исидорович.

Генерал Кондратенко медленно поднялся и направился к выходу из зала.

– Вы куда, Роман Исидорович? – растерянно спросил Смирнов.

– Я не буду принимать участие в обсуждении этого вопроса, – ответил Кондратенко.

– Я тоже, – поддержал Кондратенко генерал Белый и последовал за ним к выходу.

Генерал Смирнов побледнел. Уход с Совета обороны крепости Кондратенко и Белого практически лишал Совет права принимать какое-либо решение...

– А вы что же сидите? – не без иронии обратился Смирнов к генералу Горбатовскому. – Ваше начальство покинуло Совет.

– Оно правильно поступило, – ответил генерал Горбатовский. – В вверенной мне бригаде от полков остались батальоны, от батальонов – роты, от рот – по взводу, однако ни у офицеров, ни у солдат и в мыслях нет ничего другого кроме как обороняться до конца! Честь имею...

Горбатовский чуть поклонился, встал и тоже вышел вслед за Кондратенко и Белым.

Он догнал их уже на крыльце.

– Роман Исидорович! – окликнул Кондратенко генерал Горбатовский. – Надо посоветоваться.

– Советоваться – дело хорошее, – мрачно улыбнувшись, ответил Кондратенко. – Слушаю вас.

– Роман Исидорович, я получил от вас приказ разделить сплошную оборонительную линию на отдельные участки. С начальником штаба мы эту работу провели. Командирами участков я назначил полковников Некрашевича-Поклада, Науменко и Гандурина. Жиденькие участки получились. К примеру, у полковника Некрашевича-Поклада два батальона с половинным составом. И он будет вынужден вести оборону от берега моря до первого форта включительно. На других участках не лучше.

Кондратенко понимающе кивнул головой.

– Я это знаю, – сказал он. – Сейчас я еду на второй форт, а завтра с утра к вам. Что-нибудь придумаем.

...На позицию второго форта Кондратенко в сопровождении полковника Ращевского приехал, когда уже над округой повисли сумерки. Спустились в блиндаж. В нем находилось несколько офицеров, не пожелавших отправляться в санчасть с легкими ранениями.

– Тесновато тут у вас, – заметил Кондратенко. – Ну, как говорят, в тесноте, да не в обиде. Японец не очень беспокоит?

– Вчера тихо было, – ответил один из офицеров. – А сегодня уже три раза бомбил. И все тяжелыми...

– Я вижу не испугались? Вот и молодцы, – похвалил Кондратенко. – Главное не отступать. Отступление для нас смерти подобно...

В это время в блиндаж торопливо спустился командир участка подполковник Киленин. По всей видимости, ему доложили о прибытии генерала Кондратенко.

Увидев его, обрадовался.

– В гости мы к тебе, – пошутил Кондратенко.

– Не вовремя, Роман Исидорович, – неожиданно ответил Киленин и тут же пояснил: – Не подумайте ничего плохого. Просто японцы сегодня, словно, взбесились. Бомбят раз за разом...

Кондратенко развел руками.

– Ну, что ж теперь делать?.. Чаем-то угостишь?

Поговорив с офицерами и попив чай, Кондратенко, Ращевский и Киленин по ходам сообщения направились на командный пункт форта.

Ходы сообщения были не глубокие и слабо защищали от пуль и осколков. Местами приходилось пригибаться до пояса.

Кондратенко не стерпел.

– Солдатского труда пожалел, а жизни их нет, – упрекнул он Киленина. И, обернувшись к полковнику Ращевскому, спросил: – Вот ты, как саперный начальник, во время обстрела остался бы тут?

– Если больше негде укрыться...

– Значит, сиди и жди погибели! – не на шутку рассердился Кондратенко. – Сколько нас война не учит, все без толку!

У второго форта их уже ждал комендант форта поручик Фролов. Он представился и начал было уже докладывать обстановку, как со стороны японцев ударило сразу несколько тяжелых орудий. Снаряды вибрирующим воем пронесли где-то в черной мгле наступившей ночи и разорвались позади линии обороны.

– Роман Исидорович, давайте спустимся в каземат, – предложил подполковник Киленин. – Там безопаснее...

Кондратенко согласился.

Бетонный каземат был устроен удобно и оборудован для жилья.

Доложив обстановку, уже в блиндаже поручик Фролов в конце сказал:

– ...Ваше высокоблагородие, у нас вчера моряки особо отличились.

– Как отличились? – не понял Кондратенко. – Что-нибудь натворили?

– Никак нет, ваше высокоблагородие... То есть да...

Кондратенко перевел взгляд на подполковника Киленина.

– Роман Исидорович, все нормально. Вчера ночью команда моряков с броненосца «Пересвет», прикомандированная к нам, во главе с их фельдфебелем Рожковым произвела вылазку на японскую передовую, сняли часовых, взорвали их блиндаж вместе с солдатами и вернулись без потерь.

Кондратенко с облегчением вздохнул.

– Ну, слава тебе, господи, – с облегчением сказал он. – И, вдруг, спросил: – А на этого фельдфебеля Рожкова можно взглянуть?

Поручик Фролов тут же вышел и спустя несколько минут вернулся в каземат вместе с матросом.

– Фельдфебель Рожков, ваше высокопревосходительство! – представился тот.

Небольшого роста, в бушлате, застегнутом на все пуговицы, он показался Кондратенко самым обыкновенным.

– А я думал, наш герой на былинного богатыря похож, – сказал Кондратенко. Он встал и обнял Рожкова за плечи. – Спасибо за службу, – растроганно произнес Кондратенко, обнял и расцеловал его.

Потом расстегнул свою шинель, снял с себя орден и прицепил его на бушлат фельдфебеля.

– Я все с большим и большим уважением отношусь к морякам, – сказал Кондратенко, обращаясь к офицерам. – Молодцами дерутся! – И снова обратился к Рожкову: – Передай мою благодарность всей команде. Будет время – зайду к вам.

Когда фельдфебель ушел, полковник Ращевский, подмигнув Кондратенко и, указывая на поручика Фролова, сказал:

– Роман Исидорович, у нас каждый второй герой... Поручика Фролова солдаты знаете как называют? Суворовым.

– Действительно? – обратился Кондратенко к Фролову.

– Не могу знать, ваше высокопревосходительство, – смутившись, ответил тот.

– Знает, знает! – усмехнулся Ращевский. – Скромничает он, Роман Исидорович.

Кондратенко заметно посветлел лицом.

– Скромность не помеха человеку даже на войне. А вот ежели солдаты о своем командире так отзываются, это даже очень хорошо!.. – заметил он.

В это время снаружи послышался нарастающий гул крупнокалиберного снаряда. В каземате стало тихо.

Гул перешел в резкий свист и через несколько секунд где-то рядом с казематом почувствовался сильный удар и взрыв. Через минуту последовал второй взрыв, затем третий. С потолка каземата посыпалась штукатурка и куски бетона.

– Похоже, они уже пристрелялись по форту точно, – сказал Кондратенко.

Обстрел стих так же неожиданно, как и начался. В каземате сразу все оживились.

– Хорошо бы и нам иметь такие игрушки, мы показали бы японцам, как лягушки квакают, – заметил Кондратенко и тут же добавил: – Я хочу осмотреть форт и поговорить с людьми.

Не успели они отойти от каземата и полсотни шагов, как со стороны японцев снова ударили орудия. Один из снарядов разорвался слева от форта. Затем японцы открыли ружейный огонь. По всему форту сыграли боевую тревогу. Где-то впереди и справа началась пулеметная стрельба. И в небо взлетело сразу несколько осветительных ракет.

Полковник Ращевский предложил Кондратенко вернуться в каземат.

– Роман Исидорович, не равен час... Нам с вами орденов все равно не дадут, – попытался пошутить он.

Кондратенко согласился. Когда они вернулись в каземат, Ращевский достал карту укрепрайона и развернул ее перед Кондратенко.

– Вот здесь, – сказал он, – у нас наиболее незащищенное место... – Ращевский осекся и умолк.

Все услышали быстро нарастающий свист тяжелого снаряда.

Прошла секунда, другая и, вдруг, над головой раздался страшной силы удар и грохот разрыва. Потолок каземата сначала подняло вверх, затем он глыбами бетона, битого кирпича и балок рухнул вниз...

Только под утробой из-под обломков каземата начали извлекать тела погибших.

В последнее мгновение полковник Ращевский пытался, видимо, прикрыть собой генерала Кондратенко. Однако смерть забрала их обоих.

Разбором завалов занималась команда моряков во главе с фельдфебелем Рожковым. Он на руках бережно вынес на поверхность земли тело генерала Кондратенко, постоял с минуту,

держа его на руках, затем отнес подальше от каземата, где снег был еще чистый и не затоптан, положил на небольшой пригорок лицом к востоку, откуда должно было взойти солнце, и вдруг заплакал беззвучно, не стыдясь своих слез...

2

С рассветом 18 декабря японцы после получасовой бомбардировки передовых позиций перед Порт-Артуром перенесли огонь тяжелых орудий на город и участок обороны от моря до форта номер один, который защищал 25-й Восточносибирский стрелковый полк под командованием подполковника Малыгина.

В 10 часов японцы обрушили такой же силы огонь на 2-й и 3-й участки обороны. После этого колонны японцев пошли в атаку.

К полудню они захватили, несмотря на свои огромные потери, несколько фортов и дорог, ведущих в сторону Китайской стены – основного оборонительного рубежа крепости.

Когда генерал Смирнов доложил о случившемся Стесселю, тот впал в истерику.

– Я же просил вас на Совете обсудить и определиться, до какого времени крепость может обороняться!.. А вы что сделали?.. Послушали Кондратенко и Белого!.. Кондратенко нет!.. Время упущено!.. – Стессель нервно заходил по кабинету, прислушиваясь к гулу орудий. Он накатывался то с моря, то с северо-запада, приводя его в ужас. Наконец он остановился и приказал: – Через час ко мне пригласите генералов Фока, Белого, полковника Хвостова и всех членов Совета.

Когда все собрались, вдруг обнаружили, что нет генерала Фока.

– Он знает? – спросил Стессель у Смирнова.

– Должны были передать, Анатолий Михайлович...

– С позиции теперь не так просто добраться сюда, – заметил полковник Хвостов.

Стессель промолчал. Его сейчас занимала одна мысль: что делать? Для себя он уже принял решение – оборонять Порт-Артур нет смысла. Овладев основными рубежами на подступах к крепости и городу, Ноги может оставить для длительной осады одну – две дивизии. Остальные войска повернут на север. «Если не штурмом, то измором они все равно возьмут Порт-Артур, – подумал он. – Но как об этом сказать Смирнову, Белому? Даже Фоку...»

Генерал Фок приехал минут через пятнадцать. Он извинился перед ожидающими его и словно в свое оправдание заметил:

– Думал не проеду... Все дороги простреливаются японцами...

Стессель недоволен что-то буркнул, роясь в каких-то бумагах на столе. Затем поднял голову и произнес назидательным тоном:

– Вот, вот... Сейчас они простреливают все дороги, а через час вы доложите мне, что уже и приехать сюда нельзя... – Стессель помолчал и продолжил: – Я обязан с вами посоветоваться... В крепости около 45 тысяч человек. Из них 13 тысяч больных и раненых. Способных обороняться не более 28 тысяч. Интенданты докладывают, что с увеличением нормы питания личного состава на передовой, в госпиталях и в лазаретах запасов продовольствия хватит не более чем на месяц... Что прикажете делать? – спросил Стессель и тяжелым вопрошающим взглядом обвел присутствующих.

Ему ответили молчанием. Никто не решался сказать что-либо. Однако все понимали, о чем пойдет речь дальше.

Наконец, первым заговорил генерал Белый.

– Я предлагаю держаться до конца, – сказал он.

– И остаться где-нибудь под обломками бетона или кирпича, – заметил мрачно Стессель. – Да еще унести с собой в могилу тысяч двадцать... А раненых и больных они просто перебьют...

И снова в кабинете повисла гнетущая тишина.

– Анатолий Михайлович, а если вступить с Ноги в переговоры? – не то предложил, не то задал вопрос генерал Фок.

– О чем? – спросил Стессель. И сам ответил: – С Ноги могут быть переговоры только о сдаче крепости. Больше ни о чем.

– Анатолий Михайлович, можно попытаться начать переговоры о временном прекращении боевых действий и выиграть время, – настаивал на своем предложении генерал Фок.

Стессель встал.

– Ну, хорошо. Вы думайте, и я буду думать. Срок до вечера. А сейчас все свободны.

...К концу дня в кабинет Стесселя зашел полковник Хвостов мрачнее тучи.

Стессель взглянул на него и сразу понял: что-то произошло.

– Анатолий Михайлович, мне только что сообщили, что в своем кабинете застрелился генерал Белый, – доложил Хвостов.

Стессель почувствовал, как холодок пробежался у него по спине.

– Застрелился или застрелили? – переспросил он.

– Ординарец подтвердил, – ответил Хвостов, – что генерал Белый в кабинете был один...

Стессель поднялся с места и подошел к окну. Некоторое время смотрел через полупрозрачное стекло на улицу. Потом повернулся к Хвостову.

– Прикажите похоронить генерала Белого со всеми почестями... – распорядился он. А про себя подумал: «Каждый убегает с тонущего корабля по-своему...»

Следующий день выдался морозным. Холодный ветер нес поземку и засыпал дороги снежной порошей.

...В 9 утра на северной дороге из крепости появилась группа всадников. Впереди на расстоянии десяти шагов с белым флажком ехал казачий есаул, нахлобучив черную папаху на самые глаза.

Несколько солдат из передового дозора, завидев конных, выглянули из укрытия.

– Это кто ж такие? – с тревогой спросил один из них.

– Ты посмотри! С белым флажком... Не сдаваться ли поехали? – ответил другой и схватился за винтовку. – Я сейчас, мать вашу так, покажу вам, как сдаваться!

Его остановили.

– Не дури, Ерема! – сказал тот, что первым заметил всадников. – Это, наверное, парламентареры, – с трудом выговаривая последнее слово, пояснил он.

– А зачем им белый флаг? – не унимался солдат.

– Дурень!.. – ответили ему. – Чтобы японец в них не стрелял...

...В полдень Стессель и Смирнов вошли в кабинет начальника штаба крепости полковника Хвостова.

– Ну что нового?.. – спросил Стессель.

Полковник Хвостов посмотрел на генерала Смирнова, затем перевел взгляд на Стесселя.

– Вы что-то конкретно хотели спросить, Анатолий Михайлович?

Стессель устало махнул рукой. За последние сутки он заметно похудеет, лицо осунулось и стало бледно-серым.

– Так... Ничего...

Он сел на стул у окна. Смирнов продолжал стоять еще некоторое время у двери. Потом прошел к дивану и тоже сел.

– ...Никакие преграды и укрытия от 18-пудовых бомб нас уже не спасут, – тихо, словно размышляя сам с собой, начал говорить Стессель. – Госпиталия и больницы расстреляны... Корабли расстреляны... Снаряды у нас на исходе. А тут еще, мне доложили, цинга пошла... Если наша храбрость, терпение и мужество не имеют границ, то всему остальному есть предел. А значит есть предел и сопротивлению...

– Анатолий Михайлович, – осторожно прервал Стесселя Хвостов, – люди не сетуют ни на что, насколько мне известно. Продовольствия тоже пока хватает...

Стессель обернулся и болезненным взглядом посмотрел на полковника Хвостова.

– Да... да... Вы правы... Они не жалуются и не будут жаловаться... На что жаловаться? Все форты мы потеряли. Последнюю третью позицию японцы взяли два дня тому назад... Китайская стена фактически у них. А это значит, что весь восточный фронт пал, – Стессель перевел взгляд на генерала Смирнова. – Если вы хотите воевать до последнего солдата, я не возражаю. Но тогда уже на вашей совести будут тысячи смертей и увечий тех, кто не заслужил этого.

Смирнов промолчал. Он был убежден, что крепость могла еще продержаться без помощи извне еще месяца два. А за это время ситуация в Маньчжурии могла измениться в лучшую сторону...

– Анатолий Михайлович, а каково мнение генерала Фока? – поинтересовался Хвостов.

– Если бы в свое время наш уважаемый генерал Фок не сдал Цзинь-Чжоуские позиции, может быть, сегодня не пришлось бы говорить о том, что мы боимся сказать друг другу вслух, – ответил Стессель, не скрывая своего раздражения.

– Но мы не вправе решить сами этот вопрос, – возразил Смирнов.

– Уже поздно советоваться, – Стессель встал и заходил по кабинету. – Генерал Ноги готов принять сдачу Порт-Артура на условиях беспрепятственного вывода из крепости наших войск... Я это говорю с полным прискорбием в душе, но и с полным убеждением, что до конца исполню свой долг. – Он на какое-то время умолк. Затем продолжил, но уже более твердым голосом. – Крепость выполнила свою задачу. Мы оттянули на себя 100-тысячную армию генерала Ноги и дали возможность Куропаткину накопить достаточные силы для наступления. Если он этого не сделает – бог ему судья. Мы же сделали все, что могли, – и обратился к Хвостову: – Подготовьте к исходу дня приказ по войскам Квантунского укрепрайона о сдаче крепости Порт-Артур... А я подготовлю текст телеграммы на имя его императорского величества. Простите меня, господа, но я должен уйти...

Пока Стессель шел по длинному коридору штаба, ноги его все больше наливались свинцовой тяжестью. Он с великим трудом добрался до своего кабинета и свалился в кресло.

Странное ощущение охватило, вдруг, все его существо. Он всегда боялся за себя, за свою карьеру, болезненно переносил укоры со стороны наместника и Куропаткина. А теперь ему было все равно, словно в него вселился другой человек, который устал и бояться, и ненавидеть. Но в одном он был уверен, что на этот раз поступает по-христиански...

Прошло, наверное, не менее получаса. Стессель с трудом поднялся, подошел к столу и сел на свое место. Некоторое время сидел, прислушиваясь к тому, что происходит у него внутри, потом взял лист бумаги, ручку и начал писать: «Его императорскому величеству. Суди нас, государь. Люди стали теньями, исполнив свой долг до конца...» и положил ручку на стол. Дальше у него не хватало сил, чтобы продолжать писать.

3

Встреча в Мукдене наместника Алексеева с генералом Куропаткиным состоялась 20 декабря. Хотя Николай II и призвал обе стороны к миру и согласованным действиям – отношения между Алексеевым и Главнокомандующим Маньчжурской армии по-прежнему оставались натянутыми.

Куропаткин не мог простить Алексееву его слова о том, что его, Куропаткина, следовало бы повесить. Алексеев, в свою очередь, считал, что во всех бедах, постигших Маньчжурскую армию, виноват только Куропаткин.

На день их встречи русско-японский фронт занимал причудливое положение: на востоке линия обороны войск Маньчжурской армии проходила по гористой местности. Центральный участок располагался под Шахэ, западное крыло фронта занимало плоскую равнину по реке Ляохэ и ее притоку Хунхэ.

Куропаткин с трудом добился встречи с наместником. Ему очень хотелось, глядя в глаза Алексееву, сказать, что если бы тот не вмешивался в дела Главнокомандующего армии, сражение на реке Шахэ в конце сентября было бы выиграно.

...Маньчжурская армия на то время имела в своем составе 200 тысяч человек, 760 орудий и 32 пулемета. Ей противостояла, по данным разведки, армия маршала Ойямы численностью в 170 тысяч человек при 550 орудиях.

Куропаткин и по сей день был уверен, что он принял правильное решение перейти в наступление, разделив свои войска на две группировки – восточную и западную.

На военном Совете было решено – главный удар нанести восточной группировкой войск в составе трех сибирских корпусов и одной казачьей дивизии.

Западная группировка под командованием генерала Дембовского в составе двух корпусов и одной казачьей дивизии должна была нанести вспомогательный удар и завершить дело.

Резерв, который Куропаткин подчинил себе, состоял из двух корпусов.

Куропаткин уже видел долгожданную победу. Он был уверен, что на этот раз маршал Ойяма не просто отступит, а обратится в бегство.

Около 3 часов по полудни 27 сентября на южном участке фронта между Большой Мандариновой дорогой и селением Тумынцзи неожиданно было обнаружено движение войск противника численностью около дивизии. Куропаткин приказал подпустить японцев поближе и огнем авангардов уничтожить противника. Так все и произошло. Артиллерия разметала японские колонны, а пулеметы довершили дело.

Начало было положено.

Японцы ответили разрозненным артиллерийским огнем, а с наступлением темноты отошли на свои позиции.

В этот же день на левом фланге фронта авангардные части успешно атаковали позиции японцев перед перевалом Чау-сан-лин и заставили японцев отойти к станции Янтай почти на десять верст.

Значительно продвинулись вперед и войска центрального участка фронта. Только на второй день маршал Ойяма, во всей видимости, понял, откуда исходит угроза его армии.

Основные бои в последующие дни завязались на направлении продвижения войск правого крыла Маньчжурской армии. Здесь на равнине вдоль Большой Мандариновой дороги к Ляояну маршал Ойяма был вынужден сосредоточить значительные силы, чтобы не допустить прорыва русских.

К исходу 28 сентября японцы предприняли попытку перейти в контрнаступление против правого крыла русской армии.

Куропаткин доложил об этом Алексееву. Тот приказал стянуть в этот район все что можно, в том числе и резерв, но не допустить прорыва японцев в направлении к Ляояну.

Куропаткин попытался убедить наместника, что представляется редкая возможность нанести удар на другом, более выгодном направлении силами второй группировки и резерва, однако Алексейев был непреклонен.

В результате бои стали носить позиционный характер на протяжении всей линии фронта в 70 километров и к исходу недели привели к полному истощению сил с обеих сторон.

О прорыве Куропаткин уже не мог и думать.

Алексеев тут же обвинил Куропаткина в безынициативности и пригрозил доложить об этом его императорскому величеству.

Затем Алексеев прислал свою комиссию для разбирательства и выявления причин неудачного сражения.

К приезду комиссии Куропаткин и сам уже во всем разобрался. Даже поверхностное знакомство с ходом боевых действий показало: не все было слаженно. Но когда Куропаткин узнал, что командир 10-го армейского корпуса в разгар боев без всяких на то причин приказал частям корпуса, занимавшим позиции на левом берегу реки Шахэ, отступить и даже не предупредил об этом своего соседа – командира 1-го армейского корпуса, поставив его по сути дела под удар японцев во фланг, он за малым не лишился дара речи. Первая мысль, которая тогда пришла Куропаткину в голову, была – отдать командира 10-го корпуса под суд военного трибунала. Однако за командира корпуса заступился Абазов.

На правом фланге Западного фронта тоже происходила сплошная чехарда. Командование 6-го армейского корпуса – генерал Штакельберга, получив приказ на наступление, долго не мог выяснить направление главного движения. В результате корпус больше топтался на месте, чем наступал.

Неустойчивость в боях проявили и части, укомплектованные из старших возрастов, призванных из запаса и поляков.

И все же Куропаткин считал, что сражение на реке Шахэ, даже с учетом почти 50-тысячной потери в личном составе, им выиграно. Японцы были вынуждены отойти от Мукдена на двадцать, а на левом фланге на 30 верст, что улучшило стратегическое положение всего фронта и дало выигрыш времени в три-четыре месяца.

...Разговор Куропаткина с Алексеевым был коротким и шел об итогах боев на Шахэ и о дальнейших планах.

– ...Я бы просил вас, Евгений Иванович, – обратился Куропаткин уже в конце разговора к Алексееву, – ходатайствовать перед его императорским величеством в срочном порядке начать формирование в Европейской России резерва не менее чем в 100 тысяч запасных нижних чинов, из которого можно было пополнять наши потери. По моим сведениям, японцы уже приступили к формированию на своей территории новой армии, которая может быть доведена до 500 тысяч человек.

Алексеев согласился. Вел он себя сдержанно, однако всем своим видом подчеркивал свое превосходство над Куропаткиным, как наместник государя.

– Я доложу о вашей просьбе, – пообещал он. – Однако хочу предупредить вас, Алексей Николаевич, не стоит преувеличивать возможности Японии и не вводить тем самым государя в заблуждение. У нас с вами, – Алексеев это подчеркнул особо, – на сегодняшний день под ружьем достаточная армия, чтобы добиваться побед. Если же мы с вами будем командовать так, как это делают ваши доблестные генералы Штакельберг и другие, нам не помогут никакие резервы.

Напоминание Алексеевым о Штакельберге задело Куропаткина за живое, однако он сделал вид, что не расслышал упрека в словах наместника.

В это время в кабинет торопливо вошел начальник штаба армии генерал Сахаров и, извинившись перед наместником, подал Куропаткину телеграмму.

– Алексей Николаевич, Порт-Артур пал... – сказал он.

Алексеев и Куропаткин с недоумением переглянулись.

– Как пал? – переспросил Алексеев.

– Эта телеграмма от военного министра Сухомлинова, – пояснил генерал Сахаров. – 20 декабря генерал Стессель сдал Порт-Артур...

– Да он с ума сошел! – Алексеев вскочил с кресла и заходил по кабинету. – Ай-яй-яй! А мы-то его пожалели!..

Алексеев уже не говорил, а срывался на крик. Наконец, накричавшись, плюхнулся в кресло и обхватил голову руками.

Куропаткин сидел молча и раз за разом машинально перечитывал текст телеграммы военного министра.

Он не хотел верить в эту нелепость. Алексеев был уверен, что Порт-Артур даже в полной осаде мог продержаться не один месяц.

Наконец Алексеев пришел в себя. Подняв глаза на Куропаткина, тихо сказал.

– Теперь армия Ноги, надо полагать, высвободится. Возникает вопрос: куда она двинется? На Владивосток и Южно-Уссурийский край? Или сюда на усиление армии Ойямы?

Куропаткин был потрясен этим сообщением не меньше Алексеева. О том, что армия Ноги может теперь двинуться на соединение с армией маршала Ойямы, он подумал сразу. Это был бы самый худший вариант из всех возможных...

4

О том, что произошло в Маньчжурии с 12 по 17 января, Алексеев узнал, будучи уже во Владивостоке.

...12 января 2-я маньчжурская армия под командованием генерала Гриппенберга перешла в наступление на западной равнине, охватывая левое крыло армии Ноги.

Основной бой разгорелся под Санделу в двадцатиградусный мороз и продолжался 4 дня. На 5-й день японцы дрогнули и начали отступать, оголяя левый фланг своей армии.

Несмотря на ощутимые потери, которые к исходу 5-го дня боев составляли около 12 тысяч человек, генерал Гриппенберг отдал приказ на преследование отступающего противника. И почти одновременно пришел приказ Куропаткина прекратить наступление и занять свои исходные позиции.

Гриппенберг связался с Куропаткиным и объяснил ему, что складывается выгодная стратегическая ситуация, которую нельзя не использовать. Открылся левый фланг армии Ноги, и командиры и солдаты рвутся в бой. Однако Куропаткин был тверд в своем решении.

Гриппенберг был вынужден отдать приказ на прекращение наступления.

Обвинив публично Куропаткина в трусости и в том, что он спас японцев, Гриппенберг направил рапорт на имя его величества с просьбой освободить его от командования 2-й армии по состоянию здоровья.

На телеграфный запрос Николая II с требованием сообщить ему всю правду генерал Гриппенберг ответил, что с Куропаткиным никакая победа невозможна.

Император потребовал приезда в Петербург генерала Гриппенберга с докладом о случившемся.

Алексеев был потрясен поведением Куропаткина. Однако обращаться к Николаю II о снятии его с должности Главкома не стал, хотя и желал всей душой.

...Инспекционный приезд Алексеева во Владивосток совпал с еще одними трагическими событиями 9 января в Петербурге, где неизвестно по чьему приказу были расстреляны тысячи рабочих, которые шли к Зимнему дворцу, чтобы вручить государю свои экономические и политические требования.

О подробностях трагедии 9 января Алексееву доложил исполняющий обязанности командующего Тихоокеанским флотом контр-адмирал Иессен в первый же день прибытия Алексеева в город.

По словам Иессена все началось 21 декабря, когда в столице стало известно из газет о сдаче Порт-Артура. На следующий день Петербург был похож на встревоженный улей. 29 числа забастовал Путиловский завод, 5 января бастовали уже все петербургские заводы.

...6 января стал роковым днем. Во время водосвятения на Неве перед Зимним из орудий батареи, производящей салют холостыми снарядами, одно орудие выстрелило картечью

в сторону дворца. Никто во дворце не пострадал. Было только выбито много стекол в окнах, да ранен один из городских. Зато сразу полетел слух: совершенно покушение на Николая II.

...8 января стало известно, что на 9 января готовится поход рабочих к Зимнему.

Градоначальник Петербурга Фуллон заверил министра внутренних дел, что похода не будет, что он встретится с одним из организаторов похода священником деревни при пересыльной тюрьме Георгием Гапоном и все уладит. Однако не только не уладил. Уже потом стало известно, что при встрече с Гапоном Фуллон сказал: «Я не против, если ваши рабочие одержат верх над капиталистами».

– ...Ну, а все остальное уже достаточно описали газеты, – сказал Иессен. – Стрелять по рабочим начали, когда они подошли к обводному каналу...

Алексеев выслушав контр-адмирала Иессена, подавленно спросил:

– Как император отнесся к этому случаю?..

Контр-адмирал Иессен ответил не сразу. Было заметно, что он колеблется.

– Как мне передали, его величество назвал 9 января прискорбным днем для России, но не позорным для монархии...

– Я так не думаю, – произнес Алексеев. – Сдача Стесселем Порт-Артура, наши неудачи в Маньчжурии послужили причиной этого события. А расстрел – это роковая ошибка. Она дорого нам обойдется. Вспомните мои слова. Что же касается Порт-Артура – это не только военное поражение. Это значительно больше. По Порт-Артуру я уже кое в чем разобрался. Стессель не имел права отправлять государю телеграмму, в которой сообщил, что в крепости цинга и прочие болезни, нет людей и оружия. Все это вранье! По моим данным, в крепости оставалось около 40 тысяч солдат и офицеров. Не было острой нужды в хлебе, сухарях, муке. Для убоя на мясо держали почти 3 тысячи лошадей! С Порт-Артуром мы ославились на весь мир! Мне рассказали, как солдаты, матросы и офицеры, несмотря на приказ Стесселя сохранить все в целостности, приводили в негодность вооружение, не желая оставлять его в качестве трофея японцам, топили винтовки, взрывали склады со снарядами...

Контр-адмирал Иессен сочувствующе вздохнул.

– Я в курсе дела, Евгений Иванович. И как и вы уверен, что ситуация в Порт-Артуре не была безнадежной. В ночь с 21 на 22 декабря команда отремонтированного миноносца «Статный» взяла на борт корабельные и полковые знамена, секретные документы и все, что представляло ценность для армии и флота, и вышло во Владивосток. Вопреки всем опасениям «Статный» и сопровождающие его еще три миноносца без особых усилий прорвали блокаду гавани Порт-Артура и вышли в море. Японцы даже не решились их преследовать... – Контр-адмирал Иессен умолк, прошел к окну и, отодвинув чуть в сторону тяжелую штору, некоторое время смотрел на бухту, закрытую с моря серой пеленой не то тумана, не то низкой облачностью.

– ...Говорят, на все божья воля... – задумчиво произнес он. – Только не понятно тогда, зачем ему такие жертвы?.. За 156 дней войны из 11 тысяч моряков флота и береговых частей ему отдали душу почти 3 тысячи человек. Еще 4 тысячи стали калеками...

Алексеев с недоумением взглянул на Иессена. Он только сейчас, вдруг, подумал, что сам никогда не задумывался, сколько приносится в жертву человеческих жизней. Он был уверен: идут, как на любой войне, вполне естественные потери. Жалостливых война не любит. Жалость на войне – это балласт, с которым можно уйти на дно...

Алексеев почувствовал, что в душе у него произошел какой-то надлом. Сначала он хотел убедить себя, что устал. Бессонные ночи, неудачи на фронтах, переживание за свои и чужие промахи, постоянные укоры государя и, наконец, отъезд командующего 2-ой маньчжурской армии генерала Гриппенберга на доклад к государю из-за спора с Куропаткиным – все, вдруг, слилось воедино и превратилось в ожидание самого худшего.

Подходя к своему вагону, Алексеев обратил внимание на то, что охраны возле поезда стало больше, чем утром. Хотел спросить у коменданта поезда зачем, но передумал. «Им виднее», – решил он.

В вагоне ему подали чай с бутербродом из красной икры и газеты.

Алексеев взял одну из них. Это была местная «Новости Приморья». Страницы газеты пестрили броскими заголовками. Ссылаясь на столичные газеты, «Новости Приморья» напечатала материал, в котором безымянный автор горячо призывал защитить Финляндию, Польшу и изнывающее еврейское население России от произвола властей.

Рядом помещалась статья корреспондента газеты, в которой тот сообщал, что лично сам слышал признание эсера Савинкова в получении членом финской партии активного сопротивления Конни Зиллиаксом миллиона долларов из США на создание в России, Польше и Финляндии боевых организаций.

На последней странице газета сообщала о реакции Европейских стран на события 9 января. Если верить газете, то Европейские страны были уверены в грядущей революции в России. А Франция даже отказала новому министру финансов Коковцеву размещать у себя русский заем.

На глаза Алексееву попало короткое сообщение о назначении его императорским величеством нового министра внутренних дел. Им стал Булыгин, о котором Алексеев знал понаслышке.

Газета также сообщала, что по совету нового министра внутренних дел Булыгина государь подписал Указ, в котором объявлялось всем русским людям и организациям об их праве сообщать государю свои предложения о желательных реформах государственного устройства.

Алексеев еще раз перечитал последние строки.

«Чертовщина какая-то, – подумал он. – Или еще хуже – провокация!.. За что же тогда отправлен в отставку князь Святополк-Мирский?..»

Отложив газету в сторону, Алексеев хотел было попить чай, но передумал. Снова взял газету и пересмотрел ее, надеясь найти хотя бы что-нибудь о Порт-Артуре или о событиях в Маньчжурии, однако не нашел.

Алексеев швырнул в сердцах газету на пол, позвал адъютанта и приказал убрать чай.

– А это, ваше высокопревосходительство? – спросил адъютант и указал на валяющуюся на полу газету.

– И это тоже, – сказал Алексеев. – И больше мне не носите никаких газет!..

5

Конец января выдался холодным. Снежные метели сменились морозами, реки, окованные льдом, затихли и, казалось, уснули, как и сопки, окружающие Мукден.

От постоянных холодов город продрог и съезился, заваленный толстым снежным покровом.

...В 10 часов утра к Куропаткину зашел начальник разведотдела полковник Пневский. Поступающие за последнее время донесения от командующих армиями генерала Линевица, барона Каульбарса и барона Бильдерлинга, допросы пленных позволяли сделать вывод: идет постоянное пополнение японских войск свежими силами.

Не изменилось и количество японских дивизий. По-прежнему их оставалось 12, с учетом 7-й и 8-й полевых дивизий, прибывших на фронт в середине января.

Куропаткин в это время стоял у окна и задумчиво смотрел на заснеженную улицу.

– Любуетесь зимой, Алексей Николаевич? – спросил Пневский.

– Да нет, Василий Кондратьевич, – ответил, не оборачиваясь, Куропаткин. – Размышляю...

– О чем, если не секрет? – чуть заметно улыбнувшись, поинтересовался начальник разведотдела.

Куропаткин отошел от окна и жестом руки предложил полковнику Пневскому присесть.

– Какие от вас, дорогой Василий Кондратьевич, можно скрыть секреты? Это у вас секреты.

Пневский пожал плечами.

– Служба такая, ваше высокопревосходительство. – Пневский раскрыл объемную папку с грифом «Секретно». – Я могу докладывать, Алексей Николаевич? – и выждав мгновение, продолжил: – По агентурным данным и из показаний пленных доподлинно установлено на сегодняшний день, что японское командование продолжает скрытно наращивать силы против всех трех наших армий. Только на прошедшей недели в тылу армии Ноги появились резервные полки 11 японской бригады. Готовится к переброске в Маньчжурию 9-я стрелковая дивизия, которая находится сейчас на острове Хоккайдо и предназначалась ранее для действий против Порт-Артура. – Полковник Пневский сделал паузу, однако Куропаткин легким кивком головы предложил ему продолжить доклад.

– ...Значительная часть резервных полков, обнаруженных нашими агентами, и со слов пленных, состоят из двух батальонов. А отдельные полки состоят даже из одного батальона. Это свидетельствует, скорее всего, о том, что и у них с резервами становится все труднее.

– Или наоборот, Василий Кондратьевич. О задумке японского командования пополнять резервные полки уже на месте, – предположил Куропаткин.

– Не думаю, Алексей Николаевич, – возразил полковник Пневский. – Резервные части сегодня формируются у них из пожилых возрастов, старыми солдатами...

– Я видел, как дерутся эти старые солдаты... Нам бы так драться... – заметил Куропаткин и тут же спросил: – Что еще?

– Сегодня утром я получил агентурное донесение с материка, – продолжил полковник Пневский. – Японское руководство приняло решение приступить к формированию 5-й армии. Формирование ее поручено бывшему командиру 10-й стрелковой дивизии генералу Кавамуро. Центрами формирования назначены Токио, Осака и Хиросима. Призывают всех подряд.

Куропаткин усмехнулся в бороду.

– У них же не хватает офицеров!

– Алексей Николаевич, вы забыли, что дело имеее с самураями, – напомнил полковник Пневский. – Для укомплектования новой армии офицерами низшего звена они еще в декабре прошлого года произвели в подпоручики около тысячи унтер-офицеров. Ну а старшего офицерского состава у них в штабах хватит.

– Черт бы их побрал, – ругнулся в сердцах Куропаткин. – Тут и в самом деле есть над чем задуматься...

– Вот тут вы, Алексей Николаевич, правы, – сказал полковник Пневский. Закрыл папку и положил ее на стол Куропаткину. – По непроверенным еще данным японское командование, исходя из опыта боев, решило увеличить число кавалерийских полков и закупает в Америке 8 тысяч лошадей. Готовить новые кавполки будут инструктора из Германии, – добавил он.

...Используя затишье на фронте, на следующий день Куропаткин и вызвал в Мукден командующих армиями на совещание, которое поручил провести своему начальнику штаба генерал-лейтенанту Сахарову. Самому Куропаткину на этом совещании захотелось побыть в роли мирового судьи.

Когда все собрались в кабинете Куропаткина, он встал со своего места за столом и неожиданно для всех предложил занять его генералу Сахарову.

На немой вопрос начальника штаба ответил:

– Садитесь и ведите совещание. Я здесь присутствую на равных со всеми.

Генерал Сахаров смущенно пожал плечами, однако сел за стол Куропаткина, успев уловить на себе насмешливый взгляд командующего 1-й армии генерала Линевича.

– Ваше высокопревосходительство, господа, – начал генерал Сахаров, – стратегическое расположение войск противника на сегодняшний день осталось без изменения, если не считать прибытие в район южнее Эрдагоу японской гвардейской дивизии. Наблюдается некоторое усиление войск неприятеля против частей 1-й армии в Цзянчанском районе, а также на реке Шахэ и в районе Сяосыра. На фронте против 3-й армии перемен нет...

– Не обнаружено, – поправил Сахарова командующий 3-й армии барон Бильдерлинг.

– Александр Александрович, – вмешался Куропаткин, – пожалуйста, не мешайте. Все замечания в конце совещания.

Барон Бильдерлинг слегка побагровел, однако промолчал.

– Продолжайте, генерал Сахаров, – сказал Куропаткин.

– ...На фронте против 3-й армии перемен не обнаружено, – исправился начальник штаба. – Против войск 2-й армии значительных перемен также не обнаружено. Заслуживают внимания показания пленного подпоручика 13-го японского ковполка, опрошенного здесь в штабе. Пленный сообщил, что ожидается подход резервной дивизии в район южнее Сандэлу, где у них размещена 5-я стрелковая дивизия. Подтвердили это и пленные из 11-го и 41-го полков. На протяжении текущей недели наши разъезды захватили несколько пленных из 8-й дивизии. Пленные утверждают, что дивизия в ближайшее время будет включена в состав войск, противостоящих нашей 3-й армии. Отсюда можно сделать вывод: противник уже разобрался в обстановке после сражения на реке Шахэ и настойчиво усиливает свой левый фланг.

Нашим разведотделом получены агентурные данные об усилении японских войск в северной Корее и высадке японского десанта в Гензане и Цинампо. Надо полагать, это связано, скорее всего, с их опасением приближения к району боевых действий 2-й балтийской эскадры. Относительно общих планов японского командования сведения противоречивы, – продолжил генерал Сахаров. – По одним данным неприятель готовится к наступлению в районе Никольска-Посыета. По другим – приступили к выполнению ряда мероприятий, носящих оборонительный характер. У меня все, Алексей Николаевич, – закончил доклад Сахаров.

– Вопросы есть? – спросил генерал Куропаткин и выжидательно посмотрел на командующих.

– Есть, – сказал с места Линевич. – Как понять информацию о том, что на позиции в районе Шахэ и под Ляояном японцы днем и ночью подвозят боеприпасы и усиливают свои подразделения за счет резерва?

– Все происходящее там понять не трудно, – ответил Сахаров. – С названных вами позиций противник может как наступать, так и вести активную оборону...

– Вопросы еще есть к начальнику штаба? – снова спросил Куропаткин, встал и прошел к своему столу. – Вопросов нет. Тогда у меня будет вопрос ко всем. Какой бы план боевых действий вы составили, будучи на месте японского командования? Александр Васильевич, – обратился Куропаткин к командующему 2-й армии барону Каульбару, – начнем с вас.

Барон Каульбару грузно поднялся с места.

– Я бы в такой ситуации или направил свои усилия на Владивосток, или атаковал бы левый фланг нашего фронта. Объяснить почему?

– Не надо, Александр Васильевич, нам и так все ясно, – ответил Куропаткин. – Следующий вопрос. Представляется ли нам более выгодным перейти в наступление теперь же, и таким образом расстроить планы генерала Ойямы, или оставаться по-прежнему в обороне, атаковав его в разных местах?... Прошу вас, Николай Петрович...

Вопрос был адресован генералу Линевичу.

Вместо ответа на вопрос Куропаткина, генерал Линевич заявил:

– Алексей Николаевич, пока еще остается возможность, нужно атаковать противника на правом фланге с одновременным нанесением удара по центральному участку фронта. В случае успеха мы получаем, таким образом, возможность соединить оба удара и угрожать тылам армии Ойямы на всю их глубину.

Куропаткин хмыкнул, качнул головой.

– Николай Петрович, это слишком рискованный план. Мы этого себе не можем позволить без наличия у нас мощного резерва, – не согласился он с мнением Линевича.

– Алексей Николаевич, вы правы в отношении риска. Действительно, риск есть. И он будет присутствовать всегда. Зато мы могли бы закрепиться на хорошо оборудованных японских позициях, – продолжал настаивать на своем генерал Линевич.

Упорство командующего 1-й армией Куропаткину явно не понравилось. Однако Линевича неожиданно поддержал командующий 3-й армии барон Бильдерлинг.

– Алексей Николаевич, вы меня извините, но я тоже согласен с мнением генерала Линевича о нанесении одновременного удара по его правому флангу неприятеля и в центре форта.

Куропаткин перевел взгляд на генерала Линевича.

– Николай Петрович, у вас действительно есть уверенность в предложенном вами плане? – спросил он. – А у меня нет такой уверенности! Барон Каульбарс, а вы почему молчите? – вдруг обратился Куропаткин к командующему 2-й армией.

– Я слушаю, Алексей Николаевич...

– Ну а что вы думаете? Поделитесь с нами своими соображениями.

Барон Каульбарс нехотя встал.

– Господа, исходя из доклада начальника штаба генерала Сахарова, я полагаю, что для нас наиболее выгодным было бы, пользуясь еще пока благоприятным для наступательных операций временем года, теперь же перейти в энергичное наступление против армии Ойямы, не дожидаясь идущих из европейской России подкреплений. Эти подкрепления уравниваются, как мы уже слышали здесь, активными действиями противника по наращиванию своих сил. – Барон Каульбарс обернулся к генералу Сахарову. – Вы, помнится, мне говорили, что февраль в Маньчжурии отличается большими снегами. Таяние их начнется в конце марта, начале апреля. За это время японцы выставят против нас миллионную армию! Что касается вопроса о направлении главного удара, – продолжил он, сделав паузу, – я полагаю, это правый фланг армии Ойямы. От него отходят пути на Корею и успешный удар отрезал бы Ойяму от его основных баз. Удар в центре фронта, на мой взгляд, приведет к лобовой атаке и даже при успехе потребуются много жертв при малом результате. Японцы просто отойдут при необходимости к Ляоянским укреплениям и здесь нас остановят.

Куропаткин задумался. Доводы Каульбарса были весомые.

– Хорошо, – наконец, сказал он. – В ближайшее время я разошлю вам циркулярное письмо и попрошу вас в течение трех-четырех дней мне ответить. Я хочу в письменном виде знать ваше мнение.

6

К середине февраля погода устоялась, и даже заметно потеплело. Несколько дней кряду светило тусклое солнце, однако и этого было достаточно, чтобы Мукден ожил. Ярче засветились окна русских трактиров и китайских забегаловок. В центре Мукдена снова заработали публичные дома, у подъездов которых почти до утра дежурили коляски, развозя по квартирам засыпающих на ходу офицеров.

Куропаткин за две недели объехал почти все войска. Встретился с командирами дивизий и бригад, и везде говорил: «Терпение, господа. Еще немного терпения...» Что будет потом, он не говорил.

В Мукден Куропаткин вернулся к исходу дня 14 февраля. Не успел снять с себя шинель в своей приемной, как вошел начальник разведотдела полковник Пневский.

– Как съездили, Алексей Николаевич? – спросил он.

– Плохо, – сердито ответил Куропаткин. – Командиры дивизий жалуются на большое поступление старших возрастов...

– Это полбеда, Александр Николаевич, – слегка прищурившись, заметил полковник Пневский. – Я сегодня получил информацию о том, что передовые части армии Ноги подходят к Ляояну. Надо полагать, день-другой и они соединятся с главными силами армии маршала Ойямы.

Лицо Куропаткина застыло, словно маска. Затем стало покрываться матовой бледностью.

Он молча прошел в кабинет и тяжело опустился на диван, стоящий у окна.

– Значит, проморгали... – глухо произнес Куропаткин и поднял на вошедшего следом за ним начальника разведотдела полные растерянности глаза.

– Александр Николаевич, никто не проморгал, – спокойно возразил полковник Пневский. – Если бы нам с вами доложили даже неделю тому назад о подходе армии Ноги, ничего бы не изменилось. Вы же все равно не собирались наступать, как это вам советовали командующие армиями. Мы с вами предполагали такой вариант. Не Владивосток – значит Мукден. Так и вышло.

Куропаткин счел необходимым не спорить с начальником разведотдела. Полковник Пневский был прав.

...16 февраля начальник штаба генерал Сахаров доложил Куропаткину о том, что армия Ноги соединилась с войсками маршала Ойяма.

На следующий день японские войска повсеместно на протяжении 110 километров перешли в наступление. Первый ожесточенный бой произошел на левом фланге фронта, где стояли части 1-й армии генерала Линевича, однако все атаки японцев были отбиты. Это сразу успокоило Куропаткина. 19 февраля бои на левом фланге фронта разгорелись с новой силой.

В этот же день японцы предприняли попытку обойти правый фланг фронта. После двухчасового боя командующий 2-ой армией барон Каульбарс отдал приказ войскам отойти на вторую позицию за реку Нуньхэ.

Пока Куропаткин решал, что предпринять дальше, японцы вклинились между 2-ой и 3-й армиями. Образовались гигантские клещи, охватывающие войска барона Каульбарса и барона Бильдерлинга.

Когда Куропаткин это понял, было уже поздно...

24 февраля в результате трехдневного боя японцы прорвались и в центр обороны армии генерала Линевича у деревни Киузаня.

Куропаткину ничего не оставалось, как отдать приказ на отход своих войск к Телину и оставить Мукден.

...За несколько дней Куропаткин похудел и осунулся. Он мало разговаривал, много пил и разрешал входить к нему в вагон только генералу Сахарову и полковнику Пневскому.

– ...Мы и здесь не устоим, – сказал он однажды генералу Сахарову, когда тот зашел к нему с очередным докладом. – Подготовьте приказ об отходе на Сыпингайские позиции. Там мы или умрем, или остановим их.

Куропаткин потянулся к бутылке с коньяком.

– Пить будете? – спросил он, не поднимая головы. – Если не хотите, не пейте...

Выпил и, вдруг, тихо засмеялся.

– Я не знаю, кто там... его величество или кто-то другой сказал: «Куропаткин – не Берклай-де-Толи...» Ну и что? Куропаткин есть Куропаткин. А за спиной Кутузова все были герои!..

Он снова потянулся к коньяку, однако генерал Сахаров убрал бутылку со стола и поставил ее в открытый сейф.

– Алексей Николаевич, я полагаю, пора брать себя в руки. Война еще не окончена. Мукден – это не конец света.

Куропаткин поднял голову.

– Что известно о наших потерях? – спросил он, не спуская с генерала Сахарова воспаленного взгляда.

– По тем донесениям, которые уже прислали, тысяч 60... Но, наверное, больше...

– Вот видите... – Куропаткин жалко усмехнулся. – 60 тысяч... А может, больше... Это я виноват во всем. Я не удержал резерв до необходимого часа. Доверился генералу Чинагову. Он убедил меня, что не выстоит без дополнительной казачьей дивизии. Он просто обманул меня. Ему понадобилась дивизия, чтобы прикрыть свой, извините, зад!..

А командир 6-го сибирского корпуса знаете, что отчебучил? В разгар боя передал свой корпус в подчинение командира дивизии 1-го армейского корпуса и уехал в село Тава отдыхать. Утром вернулся в корпус, а корпуса нет. Он даже не мог мне приблизительно назвать район, где находится его корпус!.. Это бог меня наказал за все мои грехи, – неожиданно признался Куропаткин. – 60 тысяч... В армии барона Бильдерлинга 60 тысяч штыков... Потеряна целая армия... Господи, прости меня за все мои прегрешения. Я знаю, что понесу наказание от его величества, но прости ты. Ибо душе моей не будет покоя и на том свете...

Генерал Сахаров слушал Куропаткина молча, не желая усугублять и без того тяжкое настроение Главкома. Он доложил ему, что в самый разгар боя, когда чаша весов уже могла склониться волею судьбы в сторону русской армии, командующий 3-й армии барон Бильдерлинг, по сути дела, уклонился от встречного боя с японцами на выходе их частей к Мандаринской дороге и дал возможность противнику вклиниться между подразделениями 2-й и 3-й армии. Не лучшим образом проявил себя и командующий 2-й армией барон Каульбарс. Он узнал об обходе его фланга японцами уже после того, как их передовые подразделения оказались у него в тылу...

– Алексей Николаевич, донесение его императорскому величеству будем отправлять? – спросил генерал Сахаров, когда Куропаткин выговорился и умолк.

Тот рассеянным взглядом посмотрел на генерала Сахарова.

– Будем... Конечно, будем, – ответил он и добавил: – Не забудьте упомянуть, что мы не только воевали, но и охраняли железную дорогу на протяжении почти 2 тысяч верст и держали там, ни много – ни мало, 14 полных батальонов пехоты и 24 сотни казаков, защищая эшелоны от шаек хунхузов и японской конницы. А впрочем, пишите, что хотите, милостивый сударь...

7

Во Владивостоке Алексеев задержался значительно дольше, чем планировал. Он по-прежнему был уверен: после падения Порт-Артура японцы не упустят возможности и попытаются взять Владивосток, имея полное преимущество на море.

Еще в начале января он убедил военного министра Сухомлинова направить дополнительно в Южно-Уссурийский край 70 тысяч солдат, из которых 4 тысячи он планировал направить в Приамурский округ, а 3 тысячи в Мукден.

...Убедившись, что пополнение начало поступать, Алексеев хотел было уже распорядиться на отправку своего поезда в Харбин, однако ему сообщили, что во Владивосток специальным поездом прибывает Управляющий особым Комитетом по делам Дальнего Востока контр-адмирал Абазов.

Скрепя сердцем, Алексеев решил задержаться во Владивостоке еще на сутки.

Отношения у Алексеева с Абазовым складывались по-разному, однако в целом они терпели друг друга. Более того, до 1903 года Абазов занимал должность помощника главного управляющего торгового мореплавания и в управлении у него остались дружеские связи, которыми не раз пользовался Алексей, решая вопросы торговли на Дальнем Востоке.

Абазова Алексей встретил на перроне железнодорожного вокзала.

После взаимных приветствий решили продолжить разговор в вагоне Алексева.

Когда уселись за столом, Абазов сказал:

– У меня, Евгений Иванович, две новости. Одна плохая, другая хорошая. С какой начать?

– С плохой, – ответил Алексей.

– Ну с плохой, так с плохой. Пока вы были во Владивостоке, японцы заняли Мукден. Куропаткин отступил от города на 170 километров на Сыпингайские позиции...

Алексей почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

– Но у Куропаткина было преимущество... – наконец придя в себя, выдохнул он. – В количестве войск... В орудиях... И время работало на него...

Контр-адмирал Абазов с нескрываемым удивлением посмотрел на заместника.

– Евгений Иванович, о чем вы говорите? О каком преимуществе? Надо полагать, преимущество в количестве это еще не все, что необходимо для победы.

Алексей тяжело вздохнул и покачал головой.

– Мукден – это для нас русское Ватерлоо, – проговорил он еле слышно. И тут же вяло поинтересовался: – А какая хорошая новость?

Абазов усмехнулся.

– Странный вы человек, Евгений Иванович. О хорошей новости разве так спрашивают?..

– Александр Михайлович, не сыпьте соль на рану.

Абазов перестал улыбаться.

– Пожалуйста, пожалуйста. Государь подписал Указ о снятии вашего Куропаткина с должности Главнокомандующего. На его место назначен командующий 1-й армии генерал Линевиц. Вы довольны?

Алексей отрицательно качнул головой.

– Нет, Александр Михайлович...

– Ну вот!.. Уже и его императорское величество вам не угодил, – насмешливо заметил Абазов. – Чего же вам надо?

– Ничего, – ответил Алексей. И, вдруг, спросил: – Знаете, Александр Михайлович, что в таких случаях в народе говорят?.. Хрен редьки не слаще...

Абазов махнул рукой.

– Да будет вам! Вы мне выпить что-нибудь дадите?

– Что будете, коньяк или водку?

– Конечно, водку. От коньяка клопами пахнет... – насмешливо ответил Абазов.

Алексей поморщился.

– Вас, Александр Михайлович, в Париж не пустят.

– Черт с ним с Парижем. Я и сам туда не поеду, – ответил Абазов.

Тем временем Алексей приказал принести водку и закуску.

Когда выпили, Абазов спросил:

– Так чем вы все же недовольны, милостивый сударь?

– Куропаткина государь отозвал в Петербург? – в свою очередь поинтересовался Алексей.

– Нет. Куропаткин попросил государя оставить его в армии на любом скромном посту.

Алексей молча налил обе рюмки. Но прежде чем выпить, спросил:

– И на каком же скромном посту он остался?

– На посту командующего 1-й армией вместо Линевица...

Алексеев усмехнулся.

– Не потопляем наш Куропаткин... – проговорил он и опрокинул рюмку с водкой в рот.

– За Куропаткина что ли? – Абазов насмешливо прищурил глаза.

– За его императорское величество, – в тон ему ответил Алексеев.

Уже прощаясь с Абазовым, Алексеев поинтересовался, когда прибудет во Владивосток 2-я эскадра.

– Мне проще ответить на вопрос – сколько стоит фунт дыма, чем на этот, – сказал Абазов. – Ну, а если серьезно, то вторая эскадра вот уже два месяца стоит в береговых водах Мадагаскара. Зачем и почему, я не ведаю. Знаю точно, что на днях из Либавы вышла сюда третья эскадра под командованием адмирала Небогатова. В эскадру входят броненосец «Николай I», бронированный крейсер «Владимир Мономах» и три броненосца береговой обороны. Но самое загадочное в том, что эскадра пропала... И по сей день никто не знает, где она и что с ней. Вот такие дела у нас на флоте. Не то, что у вас на суше, – усмехнулся Абазов. – Вы крепости сдаете, а мы теряем целые эскадры кораблей...

Он встал и еще раз попрощался. Спускаясь со ступенек вагона, обернулся и сказал.

– А водка у вас, Евгений Иванович, отменная! И выбросите вы все из своей головы. Все равно от нас с вами уже ничего не зависит...

Вернувшись к себе в вагон, Алексеев хотел было заняться делами, но что-то мешало ему сосредоточиться. Новость о сдаче Мукдена, а по сути дела о поражении, которому еще не было равного за всю эту кампанию, и снятие Куропаткина с должности Главнокомандующего Алексеева не очень удивила. Внутренне он был готов к чему-то подобному. Он знал: рано или поздно Куропаткин выроет себе яму. И это он сделал под Мукденом.

Что же все-таки его тревожило?... Он начал перебирать в памяти все наиболее значимые для него события прошедшего времени и, вдруг, вспомнил!.. Конец июля... Он был приглашен императором в Петергоф. Отмечалось какое-то семейное торжество Романовых... На следующий день, это было 23 числа, Николай II пригласил его покататься на его яхте. Когда подошли к Выборгу, с противоположной стороны залива навстречу им показалась какая-то яхта. Скоро выяснилось, что это яхта кайзера Вильгельма. Яхты встретились и бросили якоря. Кайзер перешел на яхту Николая II, и оба кузена спустились в каюту государя. Целый день в каюту подавали вина и закуски.

Алексеев вспомнил, как тревожно поглядывал в сторону каюты морской министр Бирилев. Неожиданно на его голову свалилась такая ответственность – отвечать за жизнь не одного, а сразу двух государей.

К концу дня в каюту императора позвали Алексеева и Бирилева. Когда они вошли, Вильгельм играл на рояле ноктюрн Шопена, подаренном по какому-то случаю Николаю II императрицей Александрой Федоровной, а Николай II сидел за столом и пил вино.

Император предложил Бирилеву подойти к столу и кивком головы указал на исписанные каллиграфическим почерком листы бумаги. «Вы можете, не читая, подписать эту бумагу?» – задал он вопрос морскому министру. И, видя, что тот замешкался, продолжил: – «Если нет, ее подпишет Евгений Иванович». – Бирилев взял ручку и поставил свою подпись.

В ту минуту они даже предположить не могли, что это был договор о русско-германском союзе...

Уже на следующий день выяснилось – договор противоречил не только здравому смыслу, но и логике дипломатических отношений. В договоре прописывалась обязанность России защищать Германию в случае войны с Францией...

«...Государь под ноктюрны Шопена в исполнении кайзера Германии забыл, что Франция была союзником России», – с горечью подумал Алексеев. Он знал, сколько усилий тогда приложили Витте и великий князь Николай Николаевич, чтобы убедить государя аннулировать

этот странный договор, подписанный военно-морским министром Бирилевым в каюте императорской яхты «Штандарт».

«А может, Абазов прав? – снова подумал Алексеев. – Действительно, от нас мало что зависит...»

...От Владивостока до Харбина поезд Алексеева шел почти сутки. Железнодорожная ветка была перегружена, и приходилось часто останавливаться, пропуская воинские и санитарные эшелоны.

Алексеев из вагона не выходил. Он даже был в какой-то мере доволен тем обстоятельством, что ему представился случай спокойно поразмышлять в дороге обо всем. На второй план уходили мысли о последних событиях в Маньчжурии. «Значит так богу угодно», – с облегчением решил он. Его все больше и больше занимали мысли о том, что будет с ним, если не в ближайшее время, то хотя бы уже в обозримом будущем.

Алексеев был уверен – поражение России в этой войне не за горами. Чем это аукнется в стране? Всплеском недовольства властью? Революцией?.. Наверняка все, кто был против монархии, постараются использовать поражение в войне в своих целях. Даже придворная прусская свора....

Алексеев подумал об этом, зная, что отношение государя к Вильгельму год от года становилось прохладнее и это отражалось на окружении не только императора, но и императрицы Александры Федоровны.

Императрицу раздражало то, что Вильгельм, по ее мнению, неуважительно относился к ее брату герцогу Гессенскому. В отместку Вильгельму она при поездках в Германию всегда настаивала перед Николаем II, чтобы он находил причины и уклонялся от визита к Вильгельму в Потсдам, а сначала заезжал к герцогу Гессенскому. Николай II противился, убеждая императрицу в том, что это не правильно, однако слушал ее, чем вызывал гнев у кайзера Вильгельма.

Однажды такой «семейный скандал» зашел так далеко, что с обеих сторон были вынуждены вмешаться дипломатические службы России и Германии.

Алексеев при всем глубоком уважении к государю считал эти поступки Николая II мальчишеством, а их ссоры с Вильгельмом беспричинными.

Теперь же у Алексеева где-то подспудно назревало чувство опасения: как бы эти мелкие ссоры не привели к большому разладу отношений между кузенами. Тогда беды не миновать.

«Лучше война между кузенами, нежели революция, – рассеянно подумал он. – При войне всегда можно договориться о мире. А с революцией не договоришься...»

Размышляя об этом, Алексеев в то же время понимал, что между династиями Романовых и Гогенцоллернов уже давно сложился союз, не закрепленный печатями, но прочный и нерушимый – обе династии не могли жить одна без другой. Извечный страх за место под солнцем заставлял Романовых и их немецких кузенов быть всегда готовыми объединить усилия против своих врагов.

Алексееву хотя и было отказано в почетном месте рядом с тронном, он не обижался. Ему хватало и тех солнечных лучей, которые обогрели трон.

...На какой-то маленькой станции их поезд держали дольше обычного. Когда Алексеев спросил – почему, ему ответили, что впереди пути разобрала китайская банда хунхузов.

Через час поезд тронулся, но уже в сопровождении усиленной охраны из двух сотен казаков.

Наблюдая в окно за невеселой картиной проплывающего мимо пейзажа, Алексеев сказал адъютанту, накрывающему обеденный стол.

– Дожились... Под конвоем движемся...

– Без охраны, ваше высокопревосходительство, двигаться сейчас опасно, – ответил адъютант. – Японская конница, говорят, добралась уже до Монголии...

– А целый час мы простояли тоже из-за японской конницы?

– Нет, ваше высокоблагородие. Я вам докладывал, по какой причине...

– То-то и оно... Распустились все! – недовольно проворчал Алексеев. – Этих китайских разбойников надо отлавливать и живьем под поезд класть... Может, тогда утихомятятся... Газеты есть? – неожиданно спросил он.

– Мне передали, что вы отказались читать газеты... Если желаете, я прикажу принести.

– Желаю. После обеда пусть принесут. Читая их, легче дремать будет.

После обеда Алексею принесли газеты, однако читать он их не стал. Лег на диван и прикрыл глаза. Ему, вдруг, пришел на ум последний разговор с министром иностранных дел Ламсдорфом в том же июле прошлого года сразу после прогулки с Николаем II на яхте «Штандарт». Ламсдорф тогда высказал мысль, что Вильгельм будет вынужден, если революционная ситуация в Германии не пойдет на спад, попытаться отвлечь внимание немцев от внутренних проблем за счет войны с Францией... И сразу высказал опасение, как бы война не переросла в революцию из-за дополнительных расходов на нее, людских потерь и других причин, связанных с войной.

«Почему он говорил о Германии, а не о России? – подумал Алексеев. – Разве у нас все по-другому?..»

Алексеев вспомнил, как об этом беспокоился и бывший посол в Германии Шувалов, который однажды сказал, что кайзеровская армия скорее будет повернута на Россию, а не на Францию...

Получался какой-то замкнутый круг.

Временами, под однообразный стук колес, Алексеев начинал дремать, но тут же открывал глаза. В последнее время он стал бояться снов, а они, как нарочно, приходили кошмарные, после которых у него днями болела голова и покалывало под сердцем.

Чтобы не уснуть, он начал снова перебирать в памяти события лета прошлого года, когда он находился в Петергофе. Ему тогда понравился советник русского посольства в Берлине Муравьев, который за обедом, устроенным Ламсдорфом, на слова начальника военного кабинета Германии генерал-адъютанта Гампе о том, что Вильгельм питает к России симпатию, ответил: «Очень утешительно, господин генерал. Это свидетельствует о том, что немцы нуждаются в дружбе с Россией и страшно ее боятся».

«...Что же получается, – размышлял Алексеев. – Вильгельм боится русской революции, которая, может перекинуться в Германию... Государь боится рабочего движения в Германии и влияния немецких социалистов на парламент и армию... Напрашивался вывод: или союз, или война, в ходе которой можно разделаться со своими злейшими врагами».

В ста верстах от Харбина поезд снова остановился.

Алексеев посмотрел в окно и увидел, что казачья охрана спешивается и занимает оборону с левой стороны от поезда по гребню косогора.

– Боже мой! – вслух произнес Алексеев. – Неужели японцы?

В это время в вагон вошел адъютант и успокоил Алексея.

– Ничего опасного, ваше высокоблагородие, – сказал он. – Казаки заметили банду хунхузов, которая слишком близко приблизилась к поезду...

И, словно в подтверждение его слов, за окнами вагона грянул залп. Затем пошла беспорядочная стрельба, но тут же прекратилась.

Поезд снова тронулся с места. Поздно вечером Алексеев прибыл в Харбин.

По приезду в Харбин он тут же запросил телеграммой у командующего Тихоокеанским флотом, что известно о пропавшей эскадре адмирала Небогатова.

В этот же день пришел ответ, из которого следовало, что эскадра вышла на связь и благополучно проходит Малаккский пролив...

8

... В конце апреля состоялась еще одна встреча Алексеева с управляющим особым Комитетом по делам Дальнего Востока контр-адмиралом Абазовым.

На этот раз в Харбин Абазов приехал по поручению Николая II выяснить подлинную картину происходящих на Дальнем Востоке событий.

В первую же минуту встречи Абазов, не таясь, сказал Алексееву, что его поездка связана с вызовом в Петербург командующего 2-й Маньчжурской армии генерала Гриппенберга и его беседой с государем.

– ... Его величество удручен всем здесь случившемся настолько, что вы себе, Евгений Иванович, даже не представляете, – сообщил Абазов. – Не успели опомниться от падения Порт-Артура, сразу – Мукден. Куропаткин там потерял около 90 тысяч человек. Таких потерь Россия не имела давно. Двор в ужасе, военное министерство во главе с Сухомлиновым в панике, хотя, если положить руку на сердце, можно сказать, что Сухомлинов один из немногих, кто что-то делает и думает об этой войне. Вот такие дела. А что у вас? – спросил Абазов и внимательно посмотрел на Алексеева.

Тот чуть заметно усмехнулся.

– Александр Михайлович, вы по мою душу приехали или, в самом деле, думаете, что здесь еще можно что-либо поправить? – поинтересовался Алексеев, не спуская с Абазова испытывающего взгляда.

– Я, Евгений Иванович, как и вы, – слуга его величества. Приказано ехать – поехал, – уклонился от прямого ответа Абазов.

Алексеев кивнул головой.

– Все ясно... Дела складываются таким образом, – начал он. – Из подходящих в Харбин подкреплений значительная часть направляется в Приморскую область. У меня есть все основания полагать, что против Владивостока японцы все же направят значительные силы...

– А если нет, Евгений Иванович, – не то возразил, не то спросил Абазов. – Подумайте сами. Они уже добились выполнения своих целей. Корея была главным камнем преткновения в отношениях между нами. Сегодня Корея в их руках. Они овладели Ляодунским полуостровом вместе с Порт-Артуром. Да!.. А то забуду. 26 апреля, то бишь два дня тому назад, в бухте Вен-Фанг эскадра Небогатова присоединилась к эскадре адмирала Рождественского и они взяли курс на Владивосток. Теперь я хочу задать вопрос: что в такой ситуации важнее для Японии: закрепить за собой уже достигнутые успехи или продолжить войну не зная, чем она закончится?

Алексеев немного подумал.

– Трудно сказать, Александр Михайлович... Я бы на их месте остановился, – сказал он. – Выиграть затяжную войну Японии будет трудно. Если верить западным газетам, токийское правительство уже израсходовало на войну не один миллиард долларов и задолжало странам Европы и Америке огромные суммы.

– Вот-вот-вот!.. – воскликнул Абазов. – А если еще добавить ко всему сказанному, что они в качестве победного приза потребуют от нас Сахалин, Командорские острова и Камчатку!.. Какой им смысл продолжать войну?

Алексеев даже растерялся от услышанного. Ему показалось, что Абазов приехал не ради того, чтобы определить истинное положение дел, а проговорить, на всякий случай, условия капитуляции перед Японией.

– Александр Михайлович, это ваше предложение или... – начал, было, он, однако Абазов энергично замахал руками.

– Только мое умозаключение и не более, – ответил он.

– Но это высокая цена миру... – возразил Алексеев.

– За поражение платят дорого, Евгений Иванович... Поэтому я склонен думать, что войсковые резервы, если таковые у них еще есть, японцы будут направлять в Маньчжурию, а не к Владивостоку. Я буду в Харбине еще два дня. Прикажи, пожалуйста, подготовить на имя его императорского величества донесение, в котором должны быть изложены ваши соображения по всем делам наместничества... С учетом того, о чем мы сейчас говорили, – добавил Абазов.

Когда Абазов уехал, Алексеев вдруг понял, что донесение государю – это формальность чистой воды. Судьба этой войны уже решена, и теперь подбирается только вариант для публичной порки России на глазах у всего мира.

И снова невольно мысли Алексеева перенесли его к событиям, которые происходили в последние полгода при дворе. Он был немало удивлен, узнав от императрицы Александры Федоровны о том, что у государя на столе лежит проект закона об отчуждении части помещичьих и государственных земель для распределения выкупа среди крестьян. Его удивление возросло вдвое, когда императрица сказала, что автором проекта этого закона был Главный управляющий земледелием и землеустройством Кутлер, а соавторами – директор департамента имущества Риттих и профессор Кауфман.

Этот, как окрестил его Алексеев, немецко-кутлеровский проект закона предполагал изъять у помещиков и государства до двадцати пяти миллионов десятин пахотных земель. И было естественно, что на проекте закона Николай II наложил резолюцию: «Кутлера с должности сместить. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной».

Алексеев догадался: авторы проекта закона были уверены, что император его не подпишет. Значит, расчет их оправдался. Отклонение проекта закона должно было вызвать гнев среди крестьянства и дать пищу для демократической печати еще раз обвинить императора в его косности. А в качестве жертвы преподнесли Кутлера. «Выходит, игра стоила свеч...» – подумал Алексеев. И вдруг другая, куда более страшная, мысль обожгла мозг. – «...А не является ли все это: и война с Японией, и смута, раздуваемая в России, звеньями одной цепи?»

...На следующий день контр-адмирал Абазов снова приехал к Алексееву. На этот раз разговор был ни о чем. Сначала Абазов посетовал на то, что в России уже целые губернии голодают из-за прошлогоднего недорода хлеба, страсти в деревне накаляются и как бы не вспыхнул бунт – весна в России всегда была голодной, а тут еще и такой неурожай...

На вопрос Алексеева, как относится к этому государь, Абазов ответил:

– Не верит, что в России может быть голод. Говорит, «для этого надо очень постараться, что бы Россию оставить без хлеба».

– А он прав, – поддержал мнение императора Алексеев. – Россия сама может прокормить хлебом и себя, и кого угодно. Неурожай от людей не зависит. Это божья воля. А вот голода можно избежать, если этого захотеть. Очевидно, наше сельское дворянство не очень волнует, как живет крестьянин.

Последние слова Алексеев произнес с некоторой иронией, что осталось не незамеченным контр-адмиралом Абазовым.

– А вы их не любите? – подметил он.

– Сельское дворянство? – переспросил Алексеев. – А за что их любить? Испокон веков они доводили крестьян до бунтов. Вы полагаете, реформа 1861 года дала крестьянам свободу? Нет, Александр Михайлович. Наше уважаемое сельское дворянство сделало все, чтобы крестьянин не получил плодородную землю. Им отдали в основном пустыри, а пахотную милостиво разрешили взять в аренду на условиях опять-таки кого? Сельского дворянства!.. Отчего же крестьянам не бунтовать? Если в прошлом году сгорела тысяча помещичьих усадеб, в этом году сгорит две. Вспомните мои слова, – сказал Алексеев и безнадежно махнул рукой.

Потом, словно спохватившись, добавил: – Не о том мы завели разговор... Нам бы уже надо подумать и о себе...

Абазов внимательно посмотрел на Алексева, не пытаясь скрыть своего удивления.

– Вы это серьезно, Евгений Иванович?.. Хуже были времена. Враг под престольной стоял, однако выжила Россия...

– Да она и на это раз выживет, – мрачно ответил Алексей. – Только без нас...

– Нет! – возразил Абазов. – Без нас она не выживет. Храм славится своими жрецами. А мы с вами и есть жрецы...

Глава VII

1

– ...Ну что, голубчики, добились своего? – спросил Николай II после того, как великий князь Михаил Александрович уселся за обеденный стол. И продолжил, уже обращаясь к императрице. – Можешь себе представить, вчера на сельскохозяйственном комитете под председательством горохового шута Сельского хозяйства осудили мой манифест, который вот эти родственнички, – и он кивнул в сторону Михаила Александровича, – заставили меня подписать чуть ли не силой!.. Так вот, чтобы они больше не умничали, я распорядился закрыть сельскохозяйственный комитет. Пусть знают, когда надо твякнуть, а когда лизнуть! И наш премьер Витте был. Сидел, словно в рот воды набрал! – в сердцах добавил Николай II.

Великий князь Михаил Александрович в ответ пожал плечами.

– Комитет ты можешь закрыть. А в отношении Витте ты не прав. Покойный Александр III, царство ему небесное, любил его и доверял во всем...

– У покойного прародителя были свои взгляды на деятельность Сергея Юльевича. Да и время другое было! А я уже начинаю побаиваться своего премьера. Он становится чуть ли не злым гением моего царствования! – неожиданно признался Николай II.

Молчавшая до этого времени императрица Александра Федоровна мягко упрекнула обоих.

– Вы, как только соберетесь вместе, ни о чем, кроме политики, не говорите. – И добавила: – В Мариинском театре «Щелкунчика» ставили. Говорят, одна актриса...

Николай II умоляюще глянул на императрицу, и она умолкла. Однако скрыть своей обиды не смогла.

– ... Ну хорошо, – проговорила она. – Тогда я оставлю вас. Ко мне должна приехать княгиня Оболенская. С ней куда интереснее, чем с вами.

И вышла из-за стола.

– Обижаете супругу, ваше величество, – усмехнулся великий князь Михаил Александрович. – Как здоровье наследника Алексея?

– Все хорошо, – ответил Николай II. – Было что-то вроде воспаления легких, однако уже, слава богу, прошло... Так вот, на этом заседании прохвост Сольский, – продолжил Николай II, – меня обвинил не прямо конечно, а косвенно в либерализме! Что я теперь должен делать? Одни обвиняют меня в либерализме! Другие требуют от меня жесткости и сохранения устоев монархии! Третьи ратуют за Государственную Думу! Им, видите ли, теперь понадобилась Дума!..

Великий князь неторопливо допил вино из фужера, поставил его на стол перед собой и только после этого сказал:

– И то плохо, и другое не лучше... Однако манифест на какое-то время, я полагаю, сбил накал страстей. Газеты пишут, что сегодня по всей России, в Варшаве, Ревеле и Риге бастуют около миллиона рабочих. А представляешь, что было бы?..

– Газеты врут, милостивый сударь! – возмущенно прервал князя Николай II. – А что было бы, я представляю... Ничего не было бы! В январе ввели же в столицу 500 рот и 250 эскадронов кавалерии!..

Великий князь Михаил Александрович пристально посмотрел на Николая.

– И ты бы приказал их пустить в дело? – спросил он.

– Не колеблясь! На то я и монарх! Меня обязаны или уважать, или бояться. Если понадобится, я прикажу стрелять и здесь, и в Варшаве, и в Риге, и везде, где понадобится!

Великий князь откинулся на спинку стула и, вдруг, усмехнулся.

– Что смешного я сказал? – сердито спросил Николай II. – Или, может, я уже выгляжу клоуном?

Михаил Александрович согнал улыбку с лица и, посерьезнев, произнес.

– Нет, ты не клоун. И ничего смешного от тебя я не услышал. А усмехнулся я потому, что представил нас с тобой людьми, которые ходят по натянутому канату, как в цирке. Они знают, что когда-нибудь все равно упадут, но ходят, потому что не знают, когда это случится...

– Это тоже не смешно, – уже спокойно заметил Николай II. – Все мы когда-нибудь сорвемся вниз. Но не хотелось, чтобы это произошло именно сейчас... На днях мне принесли лондонскую «Таймс». Знаешь, что она пишет? «Битвы на Востоке отзовутся далеко на огромном пространстве, и расы непрощающего Востока будут вспоминать их в своих легендах». Вот так, милостивый сударь!.. Мы в глазах Европы самодержцы и деспоты, а они – восточные сказочные герои!..

Николай II встал и прошелся по столовой, заложив руки за спину.

Великому князю Михаилу Александровичу государь в эту минуту показался обиженным карликом, в гневе своем способном на чудовищный поступок.

И впервые у великого князя в глубине души проснулся страх перед этим человеком, которого они, великие князья, за глаза называли мальчишкой и учили его уму-разуму даже тогда, когда он, волею судьбы, был вознесен на российский престол и стал для всех недосягаем.

И вот сейчас, глядя на расхаживающего по столовой государя, низенького, невзрачного, с почти испуганным лицом, великий князь Михаил Александрович, вдруг, почувствовал, насколько он зависим от этого человека, от его воли и даже прихоти. «Боже мой! – подумал про себя великий князь. – Какие же мы все ничтожные и трусливые. И за что только бог дал нам власть над людьми, которые, может быть, чище нас и смелее во много раз в делах и помыслах своих?.. Мы всегда требовали от жертвенного народа новых и новых жертв и даже не пытались объяснить ему, ради чего нужны эти жертвы! Неужели приходит конец всему?.. Газеты, уже не таясь, пишут о будущем России, где нет места монархии... Чуть ли не героями становятся террористы и социал-революционеры... Интеллигенция, еще недавно трепетавшая перед одним словом – государь, ведет себя разнузданно и похабно, упражняясь на дискуссиях и сытых вечеринках в словоблудии в адрес русского трона и монарха. О войне же говорят с возмущением. И больше ничего...»

Пока великий князь размышлял, Николай II перестал ходить и снова сел за стол.

– Сегодня какое число? – спросил он.

– Шестнадцатое, а что? – поинтересовался великий князь Михаил Александрович.

– Давно я на охоту не ездил... Даже ворон перестал стрелять, – ответил Николай II. – Съездить что ли?

В эту минуту в зал вошел Фредерикс и остановился у двери.

– Ваше императорское величество, прибыл морской министр Бирилев.

– Фредерикс, у меня обед...

– Я прошу прощения, ваше величество, но он говорит, что дело неотложное.

Николай II перевел взгляд на великого князя Михаила Александровича.

– Подсказывает мне мое бедное сердце, что у этого Бирилева снова что-нибудь случилось, – произнес с тяжелым вздохом Николай II. И, обернувшись к Фредериксу, сказал: – Пусть войдет. Только предупреди его – долго слушать его я не собираюсь.

Фредерикс слегка поклонился и вышел.

Бирилев чуть ли не влетел в столовую.

«Так оно и есть», – подумал Николай II, мельком взглянув на Бирилева. Он встал, поздоровался за руку с морским министром и предложил ему присесть за стол.

– Я слушаю вас, – сказал Николай II.

– Ваше величество, только что пришло сообщение. Разбита эскадра адмирала Рождественского. Эта беда случилась 14 мая...

Николай II медленно откинулся на высокую спинку стула.

– Что значит разбита? – переспросил он. – Вы что несете?..

Великий князь Михаил Александрович заступился за Бирилева.

– Пусть докладывает...

Бирилев с благодарностью посмотрел на великого князя.

– Как вам известно, ваше величество, – продолжил Бирилев, – в конце апреля в бухте Ван-Фонг 3-я эскадра присоединилась ко 2-й эскадре адмирала Рождественского, который взял на себя общее командование и принял решение идти во Владивосток кратчайшим путем через Корейский пролив.

14 мая наши корабли вошли в пролив и столкнулись с японским флотом. Начался бой. Через час затонул броненосец «Осляба». Потом затонули еще 3 из 4-х новых броненосцев: «Князь Суворов», «Бородино», «Император Александр III»... – Бирилев на мгновение умолк, словно собирался с мыслями. Затем заговорил снова. – В ходе боя адмирал Рождественский был тяжело ранен и переправлен с «Князя Суворова» на миноносец «Бедовый». Бой длился в течение всего дня.

Ночью от минных атак японцев погибли еще несколько кораблей. На следующий день еще 4 корабля. Миноносец «Бедовый» к полудню 15 мая поднял сигнал о сдаче... Затем подняли сигналы о сдаче еще 2 эскадренных миноносца и 2 броненосца из эскадры адмирала Небогатова. На них находилось около 2 тысяч матросов... До Владивостока прорвались лишь крейсер «Алмаз» и два миноносца, – закончил доклад Бирилев.

Николай не проронил ни слова. Он был потрясен до глубины души этой новостью.

Прошло, наверное, не менее двух-трех минут. Наконец он обронил:

– Это конец...

Поднял голову и рассеянно посмотрел на великого князя Михаила Александровича.

– Да-а-а... Неприятная новость, – ответил тот. – Однако до конца еще далеко... Единственное чего теперь надо опасаться, так это людского гнева...

– Я им всем заткну рот! – неожиданно вскипел Николай II. – Пусть только попробуют меня в этом упрекнуть! – И, вспомнив, что в столовой еще находится и Бирилев, император махнул рукой. – Идите, Бирилев, и подробно опишите все в донесении. Мне нужно письменное донесение, – повторил он.

Когда они остались одни, Николай II снова начал говорить о необходимости бросить все силы на Дальний Восток и наказать «макак».

Несколько раз великий князь пытался его остановить и успокоить, однако Николай II распалялся все больше.

Прошло, наверное, не меньше получаса, когда наконец он в изнеможении умолк и почти рухнул на стул.

– Теперь послушай меня, – сказал Михаил Александрович, когда они остались одни. – Я давно хотел с тобой об этом поговорить, да все повода не было...

– Сейчас есть... – мрачно отозвался Николай II.

– Есть, – кивнул головой великий князь. – Просто раньше ты бы не стал меня слушать. Против посылки на Дальний Восток 2-й эскадры были многие, в том числе и адмирал Рождественский. 3-я эскадра чудом дошла до бухты Ван-Фонг. Если честно говорить, мы ее похоронили еще в начале марта. Однако ты настоял на посылке двух эскадр устаревших кораблей на Дальний Восток. Ради чего? Хочешь выиграть войну? Мы ее уже не выиграем!.. Такая же участь постигнет и армию Линевича! Единственное, чего мы добьемся – это такого взрыва негодования в России, по сравнению с которым все предыдущее покажется нам детским лепетом!

Николай усмехнулся и тяжело вздохнул. И этот вздох скорее походил на стон смертельно раненого человека.

– Что ты предлагаешь? – тихо спросил он.

– Надо серьезно, без эмоций подумать – стоит ли продолжать эту войну?..

2

21 мая на имя Николая пришло послание от Вильгельма. В нем кайзер Германии убеждал государя в том, что последнее поражение флота отняло всякую надежду на успех России. *«...Война уже давно не популярна, – писал Вильгельм. – Совместимо ли с ответственностью правителя упорствовать и против ясно выраженной воли нации продолжать посылать ее сынов на смерть только ради своего личного дела. Только потому, что так понимается национальная честь...»* Дочитав до этого места, Николай II побледнел и швырнул послание на стол. Ламсдорфу, который принес послание, полученное через берлинского военного атташе, сказал:

– Шельмец ваш кайзер!.. Вы меня без устали подбиваете на союз с ним, а он настоящий шельмец!.. Он объясняет мне, что такое национальная честь!.. Да знает ли он что-либо о чести?.. Нет! Вы послушайте! – Николай II взял в руки послание и начал читать вслух: *«... Национальная честь сама по себе вещь прекрасная, но только если вся нация сама решила ее защищать!..»* Вот так, милостивый сударь! Если он такой мудрый, почему тогда сама Германия на пороге революции? Или у кайзера и германских социалистов разное понятие о национальной чести, или он ни черта не соображает в том, что такое национальная честь!..

– Ваше величество, – выбрав момент, обратился Ламсдорф к Николаю II. – Вы вправе судить о Вильгельме как угодно, однако не следует отменять его совет о возможном мире...

Николай II резко обернулся к Ламсдорфу. Глаза государя болезненно горели, губы подрагивали, а на лбу выступили капельки пота.

– И вы туда же!.. А кто меня звал на эту войну? Кто убеждал, что Япония не в состоянии вести с нами войну?.. Вы и вся ваша компания!..

Николай II хотел сказать еще что-то злое и обидное Ламсдорфу, но, вдруг, умолк и схватился за сердце. На лице его отразились удивление и испуг.

Ламсдорф бросился к императору, помог ему дойти до кресла и опуститься в него. Затем бросился к двери, распахнул ее и крикнул:

– Доктора скорее сюда!..

...25 мая в Зимнем дворце Николай II собрал военный Совет с участием великих князей Михаила Александровича, Владимира Александровича, Алексея Александровича, военного министра Сухомлинова, вновь назначенного морского министра адмирала Авеляна, министра двора барона Фредерикса, премьера Витте, командующего войсками Приморского округа генерала Гродекова, генералов Гриппенберга, Роопа, адмирала Дубесова и заместителя на Дальнем Востоке Алексева.

Все знали, что пятью днями ранее с государем случился сердечный приступ.

Николай II, председательствующий на Совете, выглядел усталым. Он за эти дни осунулся и побледнел больше прежнего. Глаза погасли, плечи опустились.

Витте, который уже несколько дней не видел государя, при первом взгляде на него отметил про себя: «Сдал государь». Ему стало жаль Николая II, и он даже готов был простить государю его месть – закрытие комитета при правительстве, на который Витте возлагал надежды и через который мечтал снова подняться во весь рост.

После короткой процедуры открытия военного Совета Николай II сразу спросил:

– Можно ли без флота отстоять Камчатку, Сахалин и устье Амура? Ваше мнение, Евгений Иванович, – обратился он к Алексеву.

Тот встал, одернул мундир и, глядя императору прямо в лицо, коротко ответил:

– Нет, ваше величество...

Николай II обвел болезненным взглядом присутствующих. Остановился на морском министре адмирале Авеляне.

– Вы тоже так думаете? – спросил он.

– Да, ваше величество. С тем флотом, что мы сегодня имеем на Дальнем Востоке, трудно будет защитить с моря даже незначительные позиции на побережье...

Император кончиками пальцев побарабанил по столу.

– Все это печально, – произнес он задумчиво, словно сказал сам себе. – Хорошо. Садитесь оба. Тогда еще вопрос. Какое значение для исхода войны имела бы наша победа в Маньчжурии? Генерал Гриппенберг, вы, по-моему, желаете высказать свое мнение?

– Да, ваше величество, – ответил Гриппенберг и встал. – Под Сандепу, ваше величество, победа была уже наша. Только благодаря приказу бывшего Главнокомандующего генерала Куропаткина...

Николай II поморщился и махнул рукой.

– Садитесь, генерал Гриппенберг. Я вас спросил не об этом. Министр Сухомлинов, что вы скажете?

Сухомлинов говорил минут пять о том, что теперь нет уверенности ни у него, ни у командования в Маньчжурии в возможной победе после поражения флота.

Николай II не выдержал.

– Я вас понял, – прервал он Сухомлинова. – Вы не уверены, что мы можем добиться в Маньчжурии успеха. Садитесь. Кто еще?

С места поднялся великий князь Владимир Александрович.

– Я полагаю, нам сейчас стоит подумать, следует ли вообще продолжать войну...

В зале в одно мгновение наступила гнетущая тишина. Ее нарушил Николай, не глядя на великого князя, уточнил:

– Я правильно понимаю – речь идет о прекращении боевых действий?

– Речь идет о прекращении войны, – уточнил с места великий князь Владимир Александрович.

– И на каких же условиях мы будем прекращать войну? – спросил Николай II. И в его голосе явно прозвучала издевка.

– На любых, – ответил великий князь Владимир Александрович. И тут же добавил. – Иначе может случиться так, что японские условия будем принимать не мы, а кто-то другой...

Сказав это, великий князь посмотрел в сторону, где сидели великие князья Михаил Александрович и Алексей Александрович.

– Кто еще желает высказать свое мнение? – спросил Николай II. И почему-то усмехнулся. Прошла долгая минута. – Никто, – подвел он итог. – Зато появился третий и, видимо, последний вопрос. – Следует ли нам приступить к переговорам хотя бы для того, чтобы узнать, каковы будут требования Японии?

...Витте не терпелось высказать свое мнение, но он решил выждать и услышать мнение других.

Как он и ожидал, за переговоры выступили великие князья и Алексеев, который сказал, что дух армии подорван и воевать так больше нет смысла.

Против переговоров выступил адмирал Дубасов.

– Ваше величество! – энергично возразил он. – Россия не может заканчивать войну на Мукдене и Цусиме! Мы осливаем себя на столетие вперед!..

Адмирала Дубасова неожиданно для Витте, поддержал Сухомлинов, хотя перед самым Советом он сказал Витте, что не видит перспективы в дальнейшем ведении войны.

Еще больше удивил генерал Рооп, который заявил, что Россия в состоянии выиграть войну, однако для этого необходимо созвать Земский собор и всеми силами навалиться на врага.

Витте заметил, как излишняя бледность появилась на лице Николая II после слов генерала Роопа.

Генералы Гриппенберг и Гродеков промолчали. Николай II глянул в их сторону, однако поднимать не стал.

– Я выслушал всех, кто желал высказаться. Спасибо. Все свободны. О моем решении вам сообщат сегодня же.

...В этот же день кайзер Германии Вильгельм обратился по просьбе министра иностранных дел России Ламсдорфа к американскому послу в Берлине Тоуэру с письмом, в котором указал, что положение в России настолько серьезное, что когда истина о последнем поражении станет известна в Петербурге, жизнь царя и его семьи подвергнется опасности и произойдут серьезные беспорядки. Вильгельм просил Тоуэра передать президенту Соединенных Штатов Америки Рузвельту предложение стать посредником в переговорах между Японией и Россией.

...26 мая от имени США Рузвельт обратился к России и Японии с предложением в интересах человечества и мира пойти на переговоры.

С этого дня жизнь в Петербурге превратилась в ожидание ответа от Японии. В министерстве иностранных дел царило нервное возбуждение. Подбиралось место для ведения переговоров. В министерстве внутренних дел, несмотря на внешнее спокойствие, шла бурная работа по укреплению жандармских отделений и отделений сыска. Вербовались агенты из рабочих, интеллигенции и студентов.

Наконец 28 мая пришел официальный ответ из Японии: Токийское правительство подтвердило согласие на мирные переговоры.

Витте в этот же день поехал в Министерство внутренних дел. В коридоре министерства он встретился с адмиралом Дубасовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.